

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БИЙСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.М.ШУКШИНА»

На правах рукописи

БОЛДИНА ОЛЬГА ПАВЛОВНА

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СЕМАНТИЧЕСКОГО РАССТОЯНИЯ
ДЕРИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ СЛОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор М.Г. Шкуропацкая

Бийск – 2006

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Проблема семантического расстояния деривационно связанных слов и метода его изучения.....	14
1.1. Понятие семантического расстояния в современной лингвистике.....	14
1.2. Семантика производного слова.....	25
1.3. Непосредственная деривационная трансформируемость. Лексическая мотивация.....	35
1.4. Пути деривационного развития лексики.....	43
1.5. Вопрос о соотношении транспозиционного, модификационного и мутационного словообразования в рамках деривационного слова.....	54
1.6. Влияние семантики словообразовательного типа на формирование системных отношений в лексике.....	62
1.7. Методы изучения семантического расстояния в современной лингвистике.....	66
1.7.1. Сопоставление ассоциативных полей как метод исследования семантического расстояния между деривационно связанными словами...	69
1.7.1.1. Полевые структуры в языке.....	69
1.7.1.2. Структура и свойства ассоциативного поля.....	72
1.7.1.3. Концептуальная сущность ассоциативного поля	77
Выводы к Главе 1.....	81
Глава 2. Экспериментальное исследование семантического расстояния деривационно связанных слов.....	85
2.1. Описание материала исследования.....	85
2.2. Состав и свойства ассоциативных полей глаголов и отглагольных имен существительных (по результатам эксперимента).....	92
2.3. Влияние категориальной семантики глагола и существительного на формирование системных отношений отглагольных субстантивов.....	102

2.4. Влияние аспектуальных значений глаголов на формирование семантики однокорневых отглагольных существительных.....	118
2.5. Полиситуативность глагольной семантики как дифференцирующий фактор значений однокорневых субстантивов.....	135
2.6. Комплексное описание системных отношений в деривационно связанной парадигме путем сопоставления ассоциативных полей.....	151
2.7. Положение словообразовательных типов на шкале тождества – различия (по результатам исследования).....	159
Выводы к Главе 2.....	163
Заключение.....	167
Библиографический список.....	174
Приложение 1 (Список исследуемых парадигм).....	194
Приложение 2 (Ассоциативные поля).....	196

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки отмечается системный подход к изучению языка, появляется возможность осуществлять анализ сложных лингвистических явлений с учетом заявленного еще В. фон Гумбольдтом тезиса о триединстве мира, человека и его языка [Гумбольдт, 1984]. В последние десятилетия наибольшую значимость и основательную доказательную базу приобретают идеи о деятельностной, энергетической природе языковой системы, указывающие на существование в ней источников и механизмов для саморазвития. Как следствие данного процесса наблюдается возросший интерес ученых к одной из важнейших проблем лингвистики, философии и психологии – проблеме изучения лексического значения слова. Ряд исследователей [Лосев, 1981; Гальперин, 1982; Стернин, 1985] отмечает «принципиальную нелимитируемость семантического объема слова как один из наиболее существенных его признаков» [Стернин, 1985. С.19]. Слово как представитель лексико-семантической саморазвивающейся системы также обладает определенным потенциалом своего деривационного развития [Шмелев, 1973; Лосев, 1981; Кустова, 2004]. Данное положение обусловило появление большого количества работ, посвященных описанию деривационной системы языка с точки зрения существования в ней развития, возникновения нового как имманентно присущего ей свойства [Гусар, 1995; Голев, 1998; Дороница, 1999; Бринев, 2002; Сайкова, 2002; Шкуропацкая, 2004], которое поддерживается за счет энергии, исходящей из субъекта речи. На вооружение лингвистов в связи с развитием когнитивного начала в науке приходят психолингвистические методы свободного и направленного ассоциативных экспериментов и ряд других созданных на их основе методов, главной целью которых является извлечение данных о преломлении языковой системы в сознании носителей языка [Залевская, 1977; Сахарный, 1985; Петренко, 1977 и др.]. Результаты интегративного описания, учитывающего системно-функциональные факторы, находят свое отражение в современных лексикографических источниках [Апресян, 1997; 2000; 2003].

Наше исследование осуществляется в рамках системно-функционального подхода к изучению языка, учитывающего влияние мира внеязыковых явлений, сознание говорящего, а также функционирование языка. Указанное направление исследования предполагает понимание языка как одной из составных частей единого, неделимого объекта – язык-речь [Жинкин, 1982]. Рассмотрение языка-речи с позиций системно-функционального подхода делает необходимым изучение его онтологических свойств, реализуемых во взаимодействии языковых и речевых форм его существования. В качестве языковых форм существования названного объекта можно назвать языковую систему, нашедшую свое отражение в словарях и грамматиках, а также языковой материал, под которым понимается совокупность всего говоримого и понимаемого. Реализация речевой стороны рассматриваемого объекта представлена в процессах речевой деятельности, а совокупность всех свойств языка-речи находит свое отражение в языковом сознании. В условиях взаимодействия названных свойств языка-речи исследователь имеет возможность обращаться к языковому сознанию носителей языка. Этим положением утверждается правомерность использования для изучения проблемы лексического значения методов, направленных на экспликацию данных языкового сознания носителей, в том числе ассоциативного эксперимента. Полученное в результате ассоциативное значение может стать инструментом для анализа языковой способности человека, обуславливающей и речевую деятельность человека, и ее проявление в языковом материале и языковой системе [Залевская, 1999].

В данном аспекте могут быть изучены различные фрагменты деривационных отношений в семантическом пространстве языка. Изучение производных лексических единиц открывает новые возможности в решении проблемы ассоциативного измерения семантического расстояния между деривационно связанными словами в рамках такого направления, как

деривационная лексикология, в русле которого выполнено данное исследование.

Объектом настоящего исследования выступает фрагмент семантического пространства, ограниченного парадигмами, состоящими из глагола и двух его однокорневых дериватов со значением отвлеченного процессуального признака.

Предметом исследования является специфика системных деривационных отношений в названной выше парадигме с учетом степени семантического расстояния между ними, полученного путем интерпретации их ассоциативных полей.

Отглагольные существительные достаточно часто привлекают внимание ученых-лингвистов в силу своего функционального разнообразия, словообразовательной регулярности, а также наличием специфических особенностей, вызванных промежуточным положением данной группы лексических единиц между глаголом и существительным – частями речи, несущими основную смысловую нагрузку высказывания [Грушко, 1991; 1991а; 1994; Резанова, 1984, 1985].

Однако, несмотря на пристальное внимание лингвистов к проблематике данной группы, до сегодняшнего момента не существует достаточно четкого представления о специфичности системных отношений в названной парадигме. По мнению М.Б.Ташлыковой, синтаксическая направленность и семантическая близость (тождество) отвлеченных существительных с их производящими, регулярность и семантическая предсказуемость не позволяют дериватологам в полной мере оценить разнообразие системных деривационных отношений в указанной группе лексических единиц [Ташлыкова, 2000. С.155]. Такое отношение к группам как отадективных, так и отглагольных существительных необходимо изменить, руководствуясь тем фактом, что при словарной транспозиции взаимовлияние лексических и словообразовательных отношений в рамках создаваемого слова обуславливает различную степень изменений. Степень

произошедших в слове изменений находится в зависимости от того, что слово может развивать свое значение по двум направлениям: на основе уже зафиксированных словарями значений в силу внутренней способности к семантическому развитию (формально-семантическая деривация) или за пределы своей собственной семантической структуры (семантическая деривация).

Данная ситуация осложняется также и тем, что в современной лексикографической практике не разработана традиция словарного представления отглагольных существительных, которая в полной мере отражала бы особенности их значения. Таким образом, **актуальность** нашего исследования определяется как семантическими, так и лексикографическими аспектами проблемы.

Целью работы является теоретическое обоснование понятия «семантическое расстояние» между деривационно связанными словами в рамках обозначенной парадигмы, а также разработка основных принципов экспериментальной методики изучения данного семантического расстояния.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

1. Теоретически обосновать возможность использования метода сопоставления ассоциативных полей для решения проблемы «измерения» семантического расстояния между единицами в лексико-деривационной системе.

2. Определить объем группы однокорневых отглагольных существительных, вызывающих затруднения при употреблении их в речи носителями русского языка, вписать однокорневые существительные в парадигму с мотивирующим словом, классифицировать парадигмы на основании их отнесенности к словообразовательным типам.

3. Путем свободного ассоциативного эксперимента составить для каждого члена парадигмы ассоциативное поле.

4. Разработать принципы сопоставительного анализа ассоциативных полей слов, входящих в трехчастные деривационные парадигмы, на основе

категориальных значений и функциональных особенностей мотивирующего глагола и каждого из именных кодированных;

5. В результате анализа деривационных парадигм слов сделать вывод об отнесенности рассматриваемых субстантивных словообразовательных типов к области транспозиционного, модификационного или мутационного словообразования.

Материалом для нашего исследования послужили:

- группа глаголов, относящихся к сфере общеупотребительной лексики носителей русского языка, а также мотивированные ими существительные со значением отвлеченного процессуального действия; данный корпус слов вместе с функциональными характеристиками был получен путем сплошной выборки из «Словаря трудностей русского языка» [Розенталь, Теленкова, 1987].

- данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов – показания языкового и метаязыкового сознания носителей русского языка, представляющие: 1) осознание ассоциативных связей слова-стимула; 2) осознание сочетаемостных особенностей однокорневых существительных; 3) реализацию аспектуальных характеристик исходного глагола в его дериватах;

- информация о словообразовательных отношениях в рассматриваемом фрагменте отглагольных гнезд, реализующих генетическую модель деривации, была извлечена из «Словообразовательного словаря русского языка» [Тихонов, 1985].

Для определения лексических значений слов нами были использованы словарные дефиниции из толковых словарей русского языка.

Источником для формирования экспериментальных заданий послужили данные «Словаря трудностей русского языка» [Розенталь, Теленкова, 1987], а также иллюстративный материал к статьям, приведенным для отглагольных существительных в Большом толковом словаре [Кузнецов, 1998] и Словаре русского языка [Ожегов, 1994].

Таким образом, совокупность источников и характер собранного материала ориентированы на обеспечение системно-функционального направления нашего исследования.

Носителями русского языка в нашем исследовании мы считаем людей, которые осваивали русский язык с рождения в русской этнической среде, благодаря чему они обладают интуитивным знанием языка. Наше исследование основано на данных ассоциативных экспериментов, респондентами которых являлись студенты средних и высших учебных заведений языковых и неязыковых факультетов города Бийска Алтайского края. Выбор данной категории носителей основывается на представлении о том, что к 17-22 годам языковая способность говорящего сформирована полностью [Караулов, 2003].

Методы и приемы, используемые в настоящем диссертационном сочинении, определяются объектом и целью исследования. В первой главе для теоретического обоснования метода сопоставления ассоциативных полей используется прием научного описания.

Основным методом нашей работы является сопоставительный анализ ассоциативных полей сравниваемых членов парадигмы, дополненный методами субъективного шкалирования, свободного ассоциативного эксперимента, а также методом факторного анализа, разработанного на основе направленного ассоциативного эксперимента. Для количественной обработки данных, полученных в результате экспериментов, нами использовались методы математического анализа.

Научная новизна работы состоит в следующем:

В работе представлен целостный фрагмент исследования системных лексических отношений на основе данных психолингвистического эксперимента, отражающих показания языкового сознания носителей русского языка:

- разработан метод изучения семантики лексических единиц путем сопоставления их ассоциативных полей;

- разработана и апробирована экспериментальная методика выявления аспектуальной семантики в однокорневых отглагольных существительных;

На данной методической основе описан целостный фрагмент языковой системы: семантические отношения между производными существительными со значением отвлеченного процессуального признака и исходными глаголами.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ассоциативное поле является одним из способов представления значения слова на концептном уровне, позволяющим определить границы и структуру фрагмента семантического пространства слова, и на этом основании осуществить сопоставительный анализ лексических значений двух однокорневых слов. Обращение к языковому сознанию носителей русского языка путем использования психолингвистических экспериментальных методик позволяет по-новому представить и определить семантические отношения между деривационно связанными словами, место каждого деривата в лексико-деривационной системе языка.

2. Под семантическим расстоянием понимается степень количественно-качественных различий между ассоциативными полями анализируемых слов.

3. Категория глагольного вида является стержнем, на котором держится лексическое единство глагольного деривационного слова, и основанием для различения значений однокорневых отглагольных существительных в составе деривационного слова.

4. Системным фактором, влияющим на степень семантического расстояния между мотивирующим глаголом и его отглагольными существительными, является лексикализация.

5. Отглагольные существительные со значением отвлеченного процессуального действия, образованные по определенным словообразовательным типам («глагол+-к-», «глагол+-циj-», безаффиксный словообразовательный тип) проходят в процессе своего деривационного развития этап транспозиционного словообразования и под воздействием

силы процесса лексикализации переходят в область мутационного словообразования. Другие словообразовательные модели («глагол+-ниј-») обладают в языковом сознании носителей большей устойчивостью к влиянию процесса лексикализации и занимают прочные позиции в области транспозиционного словообразования.

Теоретическая значимость нашего исследования заключается в его вкладе в разработку проблем деривационной системности русского языка в направлении их методологического решения. Кроме того, работа уточняет представление о способах концептуализации, «упаковки» знаний в языке на основе их репрезентации в ассоциативном поле.

Практическая значимость работы. Материал, собранный в ходе ассоциативных экспериментов, и результаты исследования могут быть использованы в спецкурсах по деривационной лексикологии, словообразованию, лексикографии. Разработанный метод сопоставления ассоциативных полей для глагольного слова и его именных кодериватов может быть применен для изучения семантического расстояния в других фрагментах семантического пространства [Болдина, 2003].

Апробация работы. Основные положения исследования нашли отражение в докладах, сделанных на вузовских, региональных, всероссийских и международных конференциях: «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 28 ноября 2003г.), «Наука и образование: проблемы и перспективы» (Бийск, 15-16 апреля 2005г.), «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 22-24 сентября 2004г.), «Актуальные вопросы современного словообразования» (Кемерово, 1-3 июля 2005г.). По материалам диссертационного исследования были подготовлены доклады для аспирантского семинара кафедры русского языка БПГУ им В.М.Шукшина (2003г., 2004г., 2005г.), опубликовано 6 печатных работ, общим объемом 1,6 п.л.

Поставленные цели и задачи исследования определили **структуру диссертации**. Диссертация состоит из введения, двух глав, сопровождающихся выводами, заключения, библиографического списка.

Во Введении обосновывается выбор и актуальность темы, определяется место исследования в современной лингвистической науке, определяются цели и задачи исследования, раскрываются теоретические основания исследования, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава носит теоретический характер и представляет собой анализ лингвистической литературы с целью вписать настоящее исследование в контекст современных семантико-функциональных исследований, и прежде всего, в контекст деривационной лексикологии – формирующейся научной дисциплины, концептуально направленной на изучение лексико-деривационных отношений в системе языка в аспекте взаимодействия структурно-семантического и функционального планов его существования. В первой главе также представлено теоретическое обоснование возможностей существования метода сопоставления ассоциативных полей для изучения семантического расстояния между деривационно связанными словами.

Вторая глава является собственно исследовательской и представляет собой обоснование принципов, положенных в основу сопоставления ассоциативных полей, а также их верификацию на основе результатов экспериментов, направленных на изучение семантического расстояния между всеми членами деривационной парадигмы с целью определения их местоположения на градуальной шкале тождества / различия.

Заключительным этапом работы является осуществление комплексного анализа, описывающего системные отношения между деривационно связанными словами на примере парадигмы *получить – получение – получка*, а также определение положения исследуемых словообразовательных типов на шкале тождества / различия.

В Заключении представлены основные выводы по работе.

К тексту работы прилагается библиографический список, содержащий более 200 наименований научных публикаций, а также два приложения, одно из которых содержит список исследуемых в работе парадигм, а другое представляет ассоциативные поля исследуемых парадигм.

Глава 1. Проблема семантического расстояния деривационно связанных слов и метода его изучения

1.1. Понятие семантического расстояния в современной лингвистике

Изучение проблемы семантического расстояния в нашей работе основывается на том его понимании, которое было подготовлено целым рядом исследований. Все лингвисты, занимавшиеся изучением объема лексического значения слова, сравнительным анализом значений двух и более коррелирующих по некоторым признакам слов, используя различные приемы и методы, так или иначе сталкивались с вопросом измерения количественно-качественных отличий семантики одного слова от другого [Караулов, 1976; А.Вежбицка, 1983; Мельчук, 1968; Голев, 1984, 2006; Улуханов, 1980, 1992]. Наиболее емким в этом отношении и связанным с пространственными характеристиками стало понятие семантического расстояния.

Само понятие семантического расстояния, на наш взгляд, предполагает наличие некоего семантического пространства, в котором существующие в нем единицы языка – слова занимают определенное положение и находятся на некотором удалении друг от друга. Данные единицы организованы определенным образом, связаны между собой и упорядочены разнообразными логическими принципами, как лингвистическими, так и экстралингвистическими. Например, в словарях, согласно лексикографическим принципам, слова расположены в алфавитном порядке, что в значительной мере облегчает ориентацию в семантическом пространстве, но не отражает реальных логических связей слов в данном пространстве. Наиболее последовательно организацию словарного состава языка отражает внутренняя структура лексического состава, являющаяся своеобразной картой семантического пространства.

В современную концептуальную лингвистическую парадигму входит понятие пространства языка, значимость которого состоит в том, что «описание языковых категорий и всей языковой системы как особых пространств со специфической для них стратификацией и структуризацией, в разных системах координат и с разными единицами измерения, с определением места того или иного явления в системе координат или в общем признаковом пространстве языка вполне отвечает новым представлениям о сути языка и эффективных методах анализа, а также, конечно, вписывается в когнитивную парадигму знания со свойственным ей плодотворным соотношением языковых структур с когнитивными» [Кубрякова, 1997. С.13].

Основополагающим свойством для организации семантического пространства является наличие между словами смысловых связей, которые эксплицируют систему отношений, существующих между элементами, выступающими в качестве означаемого. Одно слово может быть связано не с одним, а со многими другими словами. Естественно, что при этом сила связи между ними проявляется в различной степени. Сила взаимосвязи между словами в конечном счете находится в зависимости от того, насколько схожи или различны их означаемые. Другими словами, чем больше в означаемых схожих, подобных компонентов, тем сильнее связь слов, их называющих.

Решение проблемы измерения семантического расстояния возможно на двух уровнях организации языка: формальном и содержательном. В первом случае для измерения расстояния учитываются некоторые формальные характеристики слов, которыми являются частотность употребления в определенных типах текстов, сочетаемостные свойства и др. [Андреев, 1967; Шайкевич, 1980], после чего они упорядочиваются определенным образом с помощью различного рода статистических и математических видов анализа. Полученные в результате данные помогают эксплицировать представление о семантическом пространстве, поскольку предполагается, что полученные результаты, если не в полной мере, то хотя бы частично, соответствуют

организации слов на семантическом уровне. Данное положение имеет право на существование, поскольку в основе формальных методов измерения семантических расстояний находится положение о том, что слова в изучаемом пространстве взаимодействуют друг с другом, обладая различной степенью связности между собой. Чем меньше расстояние между словами, выраженное в определенных количественных показателях, тем сильнее связаны между собой рассматриваемые элементы, и наоборот. Однако при данном подходе не учитывается ни характер этих связей, ни механизм их образования.

Содержательно-семантический вариант решения заявленной проблемы становится возможным в области системы языка, где слова связаны между собой на основе их взаимной семантической соотнесенности и реализуют внутреннюю организацию языка. Для этого необходимо произвести содержательный, качественный анализ, в основе которого лежит акцентирование внимания на определении закономерностей внутренней организации языка, его лексического состава. Поскольку слова – основные номинативные единицы языка, то их местоположение в языковой системе зависит прежде всего от их семантики, их лексических, морфологических, словообразовательных значений, которые и формируют в сознании носителя языка полное представление о значении слова. Следовательно, невозможно описывать языковую систему без обращения к семантике составляющих ее слов, которая и лежит в основе системы семантического пространства [Березин, Головин 1979, Новиков, Ярославцева, 1990]. Таким образом, семантическое пространство есть не что иное, как область существования и функционирования лексических значений слов. Значения же существуют не изолированно, а состоят друг с другом в определенных отношениях, благодаря чему во взаимосвязи вступают и языковые единицы – слова.

Согласно А.И.Новикову, Е.И.Ярославцевой, семантическая связь между элементами осуществляется в том случае, если в них есть нечто общее, то есть значения связанных между собой слов находятся в

отношениях пересечения, вследствие чего лексические значения слов всей языковой системы покрывают всю область семантического пространства [Новиков, Ярославцева, 1990]. Именно в таком пространстве можно выявить и изучить содержательные, качественные аспекты семантических расстояний.

Принято выделять две основные формы существования языка, под первой понимается собственно язык, имеющий наиндивидуальную форму существования, т.е. являющийся по существу социальным и независимым от индивида [Соссюр, 1977]. Вторая – это то знание языка, которым располагает каждый индивид, поэтому применительно к данной форме существования языка можно говорить об ее индивидуальном характере. Относительно лексической составляющей языка в данной форме принято говорить о внутреннем лексиконе [Залевская, 1999; Кубрякова, 1997]. Возможность существования языка в данных двух формах не означает их резкого противопоставления. Ф. де Соссюр, определяя сущность парадигматики, считал, что механизм образования парадигматических связей в языке носит ассоциативный характер [Соссюр, 1977], что, в свою очередь, указывает на связь с индивидуальностью носителя. Показательно в данном отношении и высказывание Ю.С.Степанова: «В пределах словарного состава языка слова существуют не изолированно, а входят в те или иные группировки... Наличие внутренней системности в языке очевидно: не будь ее, мы не могли бы легко и быстро отыскивать в своей памяти нужные слова» [Степанов, 1975. С.27]. В первой части приведенного высказывания автор говорит о «словарном составе» языка в его наиндивидуальной форме существования, но во второй части речь, несомненно, идет о механизмах образования связей во внутреннем лексиконе. Таким образом, отношения между представленными формами существования языка нельзя назвать противопоставлением, поскольку оно не отражает реального положения дел. Скорее следует согласиться с мнением об их подобии, но не тождественности, поскольку индивидуальный язык является частной

реализацией общего единого, наиндивидуального языка, следовательно, принципы организации того и другого языка должны иметь много сходных компонентов. При этом нельзя не обратить внимания и на тот факт, что язык, существующий в памяти человека, несмотря на свою индивидуальность, обладает свойством общности, социальности, без которого невозможны процессы речевой коммуникации. Данные процессы обуславливают также и свойство системности, принципы организации данной формы языка для более успешного протекания этих процессов. Системность индивидуального языка формируется у каждого человека в соответствии с общей языковой системой в процессе коммуникативного самонаучения: «Птица научается летать не потому, что ее учили аэронавтике, а потому, что сама пробует свои крылья для полета. Также поступает и ребенок, пробуя говорить» [Жинкин 1982. С.55]. Сформировавшиеся в результате этого процесса речь и языковая система, несмотря на свою неповторимость и индивидуальность, имеющие скорее количественные, нежели качественные различия, являются тем «реальным» языком, который передается из поколения в поколение и сохраняет тем самым свою стабильность. Сложившийся «реальный» язык не является самоцелью: он должен обладать системностью, которая позволит ему реализовать себя в коммуникативном акте. Другими словами, данная система, называемая внутренним лексиконом, не является статичным феноменом, а представляет собой функционирующий самоорганизующийся механизм, проходящий в своем развитии три этапа: коммуникация как вспомогательная формирующая языковая структура, получившаяся языковая структура как функционирующий механизм и коммуникация как следствие работы этого механизма.

Использование в исследовании структуры внутреннего лексикона только методов лингвистического описания в итоге приведет лишь к теоретическим объяснениям устройства механизма внутреннего лексикона, которые не смогут отразить его динамического характера. Однако современная лингвистика значительно расширила представления о предмете

своего изучения - языке, заинтересовавшись ролью человеческого фактора в его функционировании. Поэтому актуальными вопросами функционирования языковой системы являются проблемы, связанные с понятием языковой личности [Караулов, 1988; Кубрякова, 1991; Шахнарович, 1991; Сахарный, 1991].

Таким образом, рассматривая содержательные аспекты семантических расстояний, нельзя ограничиваться только принципами лингвистического описания, которые не дают полного представления о функционировании языковой системы и отношениях, связывающих между собой языковые единицы. Поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться на вопросах, раскрывающих специфику лексикона и принципы организации в нем языковых единиц. Большое внимание этим вопросам уделено в работах [Залевская, 1977, 1988, 1990, 1999; Кубрякова, 1997].

В психолингвистике не существует достаточно полного, всесторонне охватывающего определения внутреннего лексикона. Такое положение сложилось в результате неясного понимания того, что имеется в виду под понятием «внутренний лексикон». Некоторые лингвисты рассматривают внутренний лексикон как статичную систему, которая приравнивается ими к «известной индивиду части общенационального словарного запаса, хранящегося в памяти в том же виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикологических исследованиях» [Баранов, Добровольский, 1996]. Другие ученые (Ч.Осгуд, Дж. Диз и др.), напротив, понимают лексикон как один из механизмов когнитивной переработки информации, делая, таким образом, акцент на динамических характеристиках исследуемого объекта.

Концепция внутреннего лексикона А.А.Залевской носит также функциональный характер. Вслед за Ф.де Соссюром, А.А.Залевская также выделяет две формы существования языка, называя их ЯЗЫК₁ и ЯЗЫК₂, под первым из них она имеет в виду систему концептов и стратегию их употребления в процессах говорения и восприятия речи, а под вторым

понимает систему созданных человеком конструкторов и правил комбинирования полученного языкового материала. В соответствии с данным пониманием языко-речевой системы А.А.Залевская определяет лексикон человека как «одну из сторон речевой организации и атрибут ЯЗЫКА₁, имеющий свой коррелят в ЯЗЫКЕ₂. Лексикон – лексический компонент речевой организации человека, обладающий её свойствами, то есть он понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая, функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская, 1999. С. 154]. Основываясь на данном определении, можно предположить, что языковые единицы, составляющие лексикон человека, связаны между собой не только по принципам, присущим ЯЗЫКУ₁ и ЯЗЫКУ₂ в отдельности, но и на основе межпарадигматических отношений.

Другим спорным вопросом является вопрос о том, что можно считать основной единицей лексикона: морфемы, с помощью которых носитель языка каждый раз строит нужное слово, или уже готовые слова, с присущими им наборами грамматических признаков. Согласно концепции внутреннего лексикона Е.С.Кубряковой, центральной единицей лексикона признается слово. При этом нужно отметить, что слово обладает способностью «репрезентировать и заменять в сознании человека определенный осмысленный им фрагмент действительности, указывать на него, отсылать к нему, возбуждать в мозгу все связанные с ним значения – как языковые, так и неязыковые, - и в конечном счете оперировать ими в процессах мыслительной и речемыслительной деятельности» [Кубрякова, 1997. С.51]. Нам представляется, что такое понимание основной единицы внутреннего лексикона обладает большой объяснительной способностью для постоянного обновления значения лексической единицы, которая, согласно данному пониманию вопроса, репрезентирует объекты реального мира. Говорящий

ежедневно может вносить изменения в значения слов, поскольку его жизненный опыт постоянно испытывает некоторые преобразования.

Таким же неоднозначным по своему решению является вопрос о характере связей между единицами лексикона. Установить их наличие и определить основу, на которой они образуются, путем непосредственного наблюдения невозможно, поскольку они не представлены в реальном наблюдении. Поэтому необходимо обратиться к экспериментальным методам, позволяющим эксплицировать содержание, структуру ментального лексикона и определить характер взаимоотношений его состава. Одним из доступных и достаточно объективных методов является использование в данных целях свободного или направленного ассоциативных экспериментов.

Согласно экспериментальным данным [Залевская, 1977], носители языка при обращении к поиску слов в памяти ориентируются не на один параметр, а на некоторую их совокупность, которая состоит из признаков принадлежности к какому-либо лексико-грамматическому классу, к какой-либо семантической области, объединяющей не только семантические признаки, но и фонологические. Кроме того, А.А.Залевская утверждает, что поиск слова осуществляется как по чисто формальным (звуковым, графическим), так и по грамматическим и семантическим признакам или их некоторой совокупности [Залевская 1999. С.159]. В состав семантических признаков, по которым группируются слова в лексиконе, входят признаки, на основе которых строятся взаимоотношения между реальными объектами в наблюдаемом индивидом мире. В качестве тенденций автором называются «объединение и противопоставление, взаимодействующие на базе признаков разной степени обобщенности – от наиболее общих признаков принадлежности к какому-либо лексико-грамматическому классу до мельчайших дифференциальных семантических признаков вступающих в связь слов» [Там же. С. 159].

Таким образом, каждое слово связано в сознании носителя с другими словами на основании не одного, а целого ряда признаков, и поиск

необходимого для успешной коммуникации слова идет по нескольким направлениям. В результате разнообразных по характеру связей слово обрастает целой сетью ассоциатов, которые наглядно могут быть представлены в форме поля. Наиболее полную модель ассоциативного поля представили Ю.Н. Караулов [Караулов, 1976. С.112] и А.А.Залевская [Залевская, 1999. С.160-161], отобразив в ней все возможные связи, существующие между ассоциативно связанными словами.

Модель ассоциативного поля Ю.Н.Караулова предоставила лингвистам возможность интерпретировать полученные в ходе экспериментов данные о семантических связях между исходным словом и обширной сетью ассоциатов. Ассоциативный эксперимент отражает продукты не только прямых, но и многоступенчатых связей между единицами лексикона. Другими словами, ментальный лексикон индивида имеет многоярусную структуру. На поверхностном уровне оказываются начальные и конечные звенья ассоциативной цепи. Для определения промежуточных связей необходимо обращение к более глубоким уровням лексикона, который также может быть эксплицирован с помощью ассоциативных экспериментов. По мнению А.А.Залевской [Залевская 1999, С.161], многоярусная структура внутреннего лексикона неслучайна, поскольку таким образом упорядочиваются знания человека об окружающем мире: наиболее важные сведения об объекте хранятся в поверхностных уровнях, на глубинных уровнях находится менее востребованная информация. Основываясь на осведомленности о расположении тех или иных знаний на различных ярусах структуры лексикона, можно сделать вывод о значимости этих знаний в процессе коммуникации. Показательны в этом отношении эксперименты «Холодная вода», «Стул», проведенные Л.В.Сахарным, результатом которых стал вывод о разных уровнях залегания денотативных признаков лексических единиц в сознании носителей языка [Сахарный, 1985. С.15-16, 18]. Разноуровневая организация лексикона отражает разнокодность речемыслительных процессов: образы слов в глубинном ярусе лексикона

составляют некоторые «чувственные группы», субъективно переживаемые как значения и смыслы этих слов. Вследствие этого для глубинного яруса лексикона нерелевантными оказываются формальные признаки слов, включая частеречные характеристики. На поверхностном ярусе лексикона исходный стимул в ассоциативном эксперименте идентифицируется как словоформа (возникают ассоциации рифмы и сходные по звуковому облику слова).

Другим, не менее важным вопросом, касающимся ментального лексикона, является вопрос о том, какие знания – объективного мира или языковые – составляют содержание языковых единиц в составе лексикона. Исходя из многообразия оснований для формирования связей между языковыми единицами, можно предположить, что за каждым словом, находящимся в структуре этого образования, лежит информация разного рода: лексическая, обычные контексты для сочетания и употребления, эмоциональная нагруженность и т.д. В данный перечень можно также включить и информацию грамматического характера. Поскольку слово, являясь основной единицей лексикона, обладает и грамматическим значением, то естественно, что и в структурах внутреннего лексикона оно хранится с присущими ему грамматическими значениями. Только всей совокупностью информации и обеспечивается в условиях коммуникативного акта адекватность выбранного слова замыслу всего высказывания. Поэтому вопрос о соотношении в значении слова, входящего в состав внутреннего лексикона, языковых знаний и знаний о мире, о первостепенной или второстепенной важности одного из названных компонентов в составе значения является неоправданным. Более правильно было бы говорить о том, что эти компоненты существуют в системе организации единиц лексикона по принципу взаимодополнительности [Залевская 1999. С.167].

Вслед за А.А. Залевской мы придерживаемся в нашей работе мнения о том, что в индивидуальном лексиконе хранятся слова, выполняющие роль ключа от двери, за которой находятся энциклопедические знания человека.

Другими словами, без обладания энциклопедическими знаниями, слово или словоформа являлись бы ничего не значащим набором звуков и букв. С другой стороны, без слов и словоформ, являющихся своеобразными пусковыми механизмами для поиска необходимой звуковой и графической оболочки для концепта, человек также не может успешно общаться. Следовательно, изучение языковой составляющей значения слова, входящего в состав внутреннего лексикона, является достаточно обоснованным и актуальным.

Учитывая тот факт, что индивидуальная форма является первичной и естественной формой существования языка, можно предположить, что именно здесь существует то реальное семантическое пространство, где реализуются принципы организации лексики, а, следовательно, и закономерности, лежащие в основе семантических расстояний [Новиков, Ярославцева 1990. С.26]. Но данное предположение не отрицает факта обращения к наиндивидуальной форме существования языка, так как нельзя в достаточно полной мере изучить основные закономерности внутренней организации лексического состава, а значит, и семантических расстояний между его единицами, без учета традиционных подходов к организации языковых единиц в системе.

В нашей работе в понятие семантического расстояния входят количественно-качественные различия в лексическом значении исследуемых слов, определяемые на основе сопоставления их ассоциативных полей. Тем самым нами предусматривается обращение к уровню индивидуальной составляющей языка. При этом мы предполагаем, что определение семантического расстояния возможно между словами, находящимися как в отношениях синонимии, паронимии, вариативности, так и деривационно связанных слов, что вводит в нашу работу круг вопросов, связанных с системностью наиндивидуального языка и системными отношениями в его лексической составляющей. Каждый из вышеназванных аспектов имеет свое семантическое пространство, свою систему координат, в которой возможно

существование семантического расстояния, и, следовательно, возможности его измерения. Но противопоставление данных систем не принесет желаемого результата – полноценного представления об изучаемом объекте. Поэтому в нашей работе данные системы будут выполнять взаимодополняющую функцию.

1.2. Семантика производного слова

Решение проблемы семантического расстояния осуществляется в нашей работе на материале отглагольных существительных, что делает необходимым осветить круг вопросов, связанных с производной лексикой.

По определению семантического расстояния опосредованным предметом исследования в производных словах является лексическое значение изучаемых слов.

Проблема определения объема лексического значения слова является в современной лингвистике одной из самых сложных и актуальных. Еще более она осложняется в случае, если изучаемая лексическая единица является производной. Тогда границы ее лексического значения значительно расширяются и рассматриваются в другом разделе науки о языке – словообразовании. В подобных случаях определение лексического значения зависит от множества факторов: в рамках какого словообразования – внутрикатегориального или межкатегориального – создана исследуемая лексическая единица; какое влияние оказывают морфологические форманты: указывают ли они на преобразования денотативного ядра значения или только вносят модифицирующие или еще менее значительные изменения в категориальную и лексическую семантику производного слова и др.

В условиях межкатегориального словообразования определение производного слова выглядит следующим образом: производное слово – это «номинативный знак, сочетающий общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом» [Кубрякова, 1997. С.201].

Это определение в полной мере отражает все трудности, связанные с ограничением объема лексического значения производного слова. Согласно приведенной выше цитате, значение производного слова не отражает формальную сумму категориальных значений исходного и результативного слова, оно их сочетает. Здесь возникает закономерный вопрос, в какой степени происходит данное сочетание, какая часть категориальных значений той и другой части речи используется для образования нового категориального значения и всегда ли этот набор одинаков для разных типов межкатегориального словообразования.

Структура производного слова в ономасиологической теории словообразования М.Докулила должна состоять из трех частей: базиса, признака и предиката, выполняющего роль связки. Она (ономасиологическая связка) увязывает воедино категориальные концепты, фиксируемые базисом слова (то есть той частью речи, в которую включается производное слово) и ономасиологическим признаком, который характеризует часть речи мотивирующего слова [Докулил, цит. Кубрякова, 1997. С.202].

Производные слова, являющиеся результатом межкатегориального словообразования, носят противоречивый характер. Являясь словами определенной части речи, они сохраняют след другой части речи. Таким образом, производное слово, с одной стороны, является отдельной, самостоятельной лексической единицей, имеющей индивидуальное лексическое значение, а с другой стороны, поскольку оно реализует общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации расчлененным образом, его лексическое значение должно отражать отнесенность данного слова и к своему источнику и к денотату нового слова.

Многие лингвисты (Е.С. Кубрякова, Р.Лангакер) сходятся во мнении, что абстрактные производные лексические единицы являются достаточно сложным объектом понятийного анализа. Однако подход к этой проблеме с когнитивных позиций позволяет внести некоторые разъяснения. Рассмотрим

отглагольные субстантивы со значением отвлеченного признака как результат простого переливания старого содержания в новую форму. В этом случае необходимо помнить о том, что в сознании говорящего при восприятии слов *разрезать*, *разрезание* и *разрез* возникают разные образы: в первых двух случаях эти образы скорее всего будут привязаны не к отдельному предмету, а к целой ситуации, описываемой данными словами. В случае со словом *разрез* перед взглядом говорящего возникает законченный образ – разрезанное место, прорезанное отверстие. Таким образом, мы видим, что при употреблении данных слов, являющихся разными языковыми формами одного и того же лексического значения, в сознании активизируются разные образы, из чего Р. Лангакер делает вывод о различии в их значении [Langaker, 1991. С. 98/ цит. Кубрякова, 1997. С.211].

В работе М.Н.Янценецкой [Янценецкая, 1979] утверждается положение о том, что лексические единицы с нетиповой словообразовательной структурой обращают на себя внимание лингвистов, поскольку их уникальность создается за счет семантической специфики словообразовательных компонентов слова или за счет их формальных особенностей. Это положение по праву можно отнести ко всем производным словам, образованным в результате процессов семантической и формально-семантической деривации. Оба этих процесса, несмотря на достаточно большое количество дифференцирующих признаков, по сути своей являются процессами создания новых слов. Согласно своей онтологической сущности каждый процесс имеет свою пошаговую структуру. Деривационные процессы не являются в данном случае исключением и условно могут быть разделены на два этапа, которые в свою очередь имеют еще более дробную структуру.

Первым шагом в создании производного слова является детальное рассмотрение его лексического значения с целью выявления в его составе компонентов, которые могут послужить мотивировочным признаком, базой для создания производного слова. Возникает вопрос, почему для выражения

нового смысла говорящий отыскивает наиболее близкую языковую форму, причем эта близость носит чаще всего фонетический характер. Данный факт является абсолютно естественным в связи с коммуникативными функциями языка. Дело в том, что новые слова создаются говорящим не только для того, чтобы реализовать результаты своей познавательной, эмоциональной деятельности, но и для того, чтобы эти результаты стали достоянием других людей. Другими словами, в акте номинации четко просматривается его прагматическая направленность – желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знаниями адресата, его характеристиками, эмоциями. В силу данного положения нахождение средств этого воздействия требует со стороны говорящего усилий когнитивного характера [Кубрякова, 1997. С. 45]. Закрепленность за какой-то определенной морфологической формой, являющейся признаком формально-семантического словообразования, также может привлечь на себя внимание со стороны говорящего. Однако в силу семиотического характера языковых знаков морфологическая и фонетическая форма может не указывать на связь между исходным и производным словом. В таком случае говорящий выбирает для вновь создаваемого слова облик, абсолютно не соответствующий для выражения мотивировочного признака.

Глагольная лексика, которая в нашем исследовании рассматривается в качестве мотивирующей семантики для субстантивного словообразования, носит описательный и синтаксический характер, указывая на взаимоотношения предметов в реальном, объективном мире. Для нового содержания, мотивированного в производном слове синтаксическим описанием, достаточно сложно подобрать односложную конструкцию, которая бы включала в свой состав формально мотивирующее слово, в результате появляются слова – *сморозить, ошарашить и т.д.* Этим фактом объясняется также многообразие морфологических форм выражения глагольной семантики в отглагольных существительных – *разрез, разрезание, разрезка.*

Второй этап образования нового слова состоит в закреплении нового смысла за уже известной обобщенной семантической категорией, «способной подчеркнуть специфику данного смысла по сравнению с семантикой производящей единицы, конкретное значение которой оно дублирует» [Янценецкая, 1979. С.61]. Другими словами, словообразовательный формант выполняет в акте номинации двоякую функцию: с одной стороны, он выражает специфичность семантики созданного слова не только в отношениях разнокорневых слов, но и в сравнении с другим однокорневым словом. С другой стороны, он устанавливает семантические связи этой единицы со словами этой же обобщенно-семантической группы. При этом нужно также отметить, что данный аффикс оформляет производное слово как принадлежащее к определенной части речи.

Описанные этапы процесса номинации осуществляются в рамках непрерывного деривационно-мотивационного процесса, суть которого заключается в том, что слово одновременно является результатом процесса деривации и источником для образования нового слова [Голев, 1989]. Поэтому необходимо сказать и о том, что для того чтобы стать мотивирующей основой, слово должно пройти еще несколько этапов, одним из которых является воспроизведение слова. Результатом этого этапа становится семантизация слова, имеющая обратную направленность по отношению к процессу номинации. Это связано опять-таки с коммуникативными характеристиками словообразовательного процесса. Говорящий облакает новое содержание в определенную языковую форму, делает его формализованным. Другой участник коммуникации проводит обратную операцию: он декодирует значение производной единицы с опорой на знание и практическое владение законами и правилами языка.

Процесс семантизации слова также имеет двухчастную структуру. Первым этапом данного процесса является соотнесение слушающим звуковой оболочки производного слова с лексическими единицами какой-либо другой частеречной и менее обобщенной семантической группой.

Механизм данного этапа заключается в формально-семантическом отождествлении формообразующих и словообразующих аффиксов.

Уточнение обобщенно-семантической характеристики происходит в результате определения конкретного значения производящей основы, выявление мотивировочного признака путем формального отождествления производящей основы воспринятого слова с уже известными слушающему лексическими единицами. При этом происходит не только установление системных семантических связей, но и выявление видовых признаков, которыми слово отличается от однокорневых или одноаффиксальных лексических единиц. Следовательно, в результате процесса семантизации выявляется идеальное содержание, выраженное производным словом, и устанавливаются системные связи слова по линии словообразовательных типов.

Таким образом, в данных процессах можно выделить следующие этапы:

Процесс номинации:

0. Подготовка идеального содержания.

1. Нахождение мотивировочного признака и формы его выражения, способной внести производное слово в языковую систему.

2. Поиск классифицирующего значения, подчеркивающего специфику производного слова по сравнению с исходным, и формы его выражения.

3. Создание целостной лексической единицы.

Процесс семантизации:

0. Восприятие формальной стороны слова.

1. Выявление словообразовательного аффикса, связывающего данное слово с другими лексическими единицами языковой системы, и выражаемого им классифицирующего значения.

2. Выделение производящей основы и связанного с ней конкретизирующего значения, ограничивающего данное слово от подобных ему по словообразовательному аффиксу лексических единиц.

3. Восстановление целостной семантики слова.

В отношении последнего этапа процесса семантизации, опираясь на проведенные Л.В.Сахарным исследования, отметим, что восстановление целостной семантики слова во многом определяется коммуникативной ситуацией. Ее условия актуализируют различные «уровни сознания» носителей языка и связанные с ними «глубины залегания» дифференциальных признаков исследуемого слова [Сахарный, 1985. С.18-19]. Что касается степени важности в составе значения слова того или иного признака, выбранного говорящим в качестве мотивирующей основы для создания нового слова, то она также определяется в коммуникативной ситуации.

В сознании носителя языка данные процессы связаны в единое целое, поскольку они воспринимают слово одновременно как результат номинации и семантизации. Способы дифференциации и типизации, используемые на разных этапах двух названных выше процессов, существуют по принципу взаимодополнительности.

Таким образом, решение проблемы лексического значения производного слова, которое является теоретически очень сложной и значимой задачей, может быть осуществлено в когнитивном и словообразовательном аспекте. Результаты исследований, проведенных именно в этих направлениях, могут представить более полную картину изучаемых нами отглагольных существительных со значением отвлеченного признака. Согласно данным когнитивных исследований, указанные лексические единицы, созданные в пределах межкатегориального словообразования, носят противоречивый характер: они имеют свое собственное лексическое значение и при этом отражают отнесенность и к источнику своего образования – мотивирующему слову.

Кроме того, сложность, многокомпонентность лексического значения отглагольных субстантивов обусловлена как семантическими, так и

грамматическими частеречными категориальными значениями имени существительного и глагола.

Главное отличие номинативных функций глагола и имени заключается в том, что в семантике глагола преобладает синтагматическая значимость, а в семантике имени – парадигматическая. Это связано с тем, что глагол выражает понятие отношение, и поэтому его значение может быть выражено только через установление связей с другими словами, имеющими предметный характер, и словами, также обозначающими отношения. В отличие от глаголов, субстантивные слова являются самодостаточными, поскольку главное значение в их семантике заключается в указании на предметную соотнесенность [Уфимцева, 1974. С.117].

Семантика глаголов более сложна, неопределенна и расплывчата, а вследствие своей онтологической сущности – указывать на отношения между субстанциями – обладает некоторой семантической недостаточностью, понимаемой в данном случае как необходимость быть выраженной с помощью других слов, которые опять-таки не в полной мере раскрывают его лексическое значение. Согласно мнению Д.Н.Шмелева, это объясняется также и тем, что глагольная лексика, всегда указывает на ситуацию, характеризуется наибольшим количеством синтаксических связей, которые по своей сути являются языковыми показателями [Шмелев, 1973. С.104]. Существительные же отражают внеязыковые связи, другими словами, они обусловлены реальными связями обозначаемых ими предметов.

Таким образом, существительные, указывая на конкретные реальные отношения обозначаемых, в сравнении с глаголом являются более постоянными, устойчивыми и значение их более конкретно. Субстантивная лексика, в отличие от глагольной, указывающей на ситуацию, раскрывающей ее посредством актантов для реализации коммуникативной функции, наоборот, сжимает эту ситуативность, привязывает ее к реальности, реализуя тем самым заявленную в определении Русской грамматики номинативную функцию языка. «Имя существительное – это часть речи, обозначающая

предмет (субстанцию)» [Русская грамматика, 1982. С.460]. Вследствие своей номинативности имена существительные не указывают на связи с другими значениями, формально это выражается несинтаксическими субстантивными категориями рода, числа, падежа. Поэтому очень часто возникают трудности, связанные с выделением компонентов субстантивной семантики, являющихся значимыми на собственно языковом уровне. Именно по этой причине существительные не всегда способны стать семантическим ядром нового слова и чаще всего формируют какой-либо частный смысловой компонент, не дающий полного представления о новом значении [Янценецкая, 1979. С.80]. При отглагольном словообразовании, где глагол обладает достаточно сильными мотивирующими признаками, основанными на широком круге связей с другими значениями, естественным становится тот факт, что существительное формирует в основном новое категориальное значение и вносит незначительный вклад в формирование лексического значения нового слова за счет недостаточно развитой сети связей с другими значениями, которые бы создали сильную мотивационную базу.

Подводя итог сравнительной характеристике функциональных особенностей глагола и имени, можно сказать следующее:

если глагол выражает мир отношений между предметами, обозначает признаки предметов и состояний, то существительное, выполняя номинативную функцию, выражает мир самих предметов;

отсюда вытекает релятивность глагольной семантики, относительность его значения и абсолютность субстантивной семантики и автономность, некоторая независимость его значения;

глагол, являясь по определению «частью речи, обозначающей процесс» [Русская грамматика, 1982. С.582], выражает динамику событий, их изменчивость; имя же, напротив, определяет постоянные признаки, неизменную сущность вещей;

если говорить о синтаксической функции, то глагол – носитель предикативности высказывания, а существительное – носитель предметности;

синтаксическая функция определяет коммуникативную направленность глагола и номинативную предназначенность субстантивов.

Данная, ярко выраженная диалектическая противоположность предметных и предикативных значений находит свое выражение на словообразовательном уровне языковой системы, когда в производных словах сосуществуют категориальные значения имени и глагола. Значения глагольности и предметности совмещаются в отглагольном деривате.

Таким образом, грамматические и лексические значения глагола в значительной степени предопределяют смысловую структуру отглагольного деривата. Даже находясь в скрытом виде, глагольные значения способны актуализироваться в процессе функционирования производного слова.

Если значение отглагольного субстантива – объект нашего исследования – складывается из денотативных признаков исходного глагольного слова, то оформляется оно морфологическими средствами имени существительного. Закрепленность новообразований за определенной морфологической формой также влечет некоторые изменения в составе лексического значения, активируя в сознании носителей языка разные образы, что, в свою очередь, говорит о разнице в лексическом значении. Особенно значимым это положение становится по отношению к однокорневым отглагольным существительным: здесь словообразовательный формант выполняет не только формообразующую, но и смыслоразличительную функцию.

Таковы основные теоретические положения о лексическом значении производного слова, которые определяют сложность решения вопроса о семантическом расстоянии, или количественно-качественных изменениях, в словах, образованных от одной мотивирующей основы.

1.3. Непосредственная деривационная трансформируемость.

Лексическая мотивация

На современном этапе развития лингвистической науки отглагольные существительные исследуются в границах функционального направления. Анализ современной лингвистической литературы показал, что данные исследования осуществляются в двух направлениях. Во-первых, исследуется способность трансформации содержания исходной части речи в форму другой части речи. Во-вторых, предметом исследования становится регулярность подобного словопроизводства, обусловленная универсальностью механизма синтаксической деривации. Наше исследование осуществляется в рамках первого, поскольку специфика трансформации содержания значения одной части речи в другую во многом определяет дальнейшее деривационное развитие слова.

В связи с этим проблема деривационной трансформируемости заслуживает особого внимания в нашей работе, поскольку она раскрывает вопросы заимствования в процессе словообразовательного акта категориальных значений исходной лексической единицы мотивированным словом.

Под термином «непосредственная деривационная трансформируемость» мы, вслед за М.Н.Янценецкой, понимаем «относительную легкость преобразования одного языкового значения в другое путем языковой реализации тех связей, которые в той или иной мере отражены в лексической семантике (и закреплены в соответствующих морфологических и лексико-морфологических категориях)» [Янценецкая, 1979. С.81].

Естественно, что лексические единицы не всех частей речи удовлетворяют условиям непосредственной деривационной трансформируемости. Потому необходимо обратиться к проблеме категоризации мира внеязыковой действительности человеческим сознанием. Все явления реального мира осмыслены сознанием носителей языка в форме

субстанций и признаков, отношений между ними. В языковом сознании данные типы номинаций категоризованы в форме двух основных частей речи – имя существительное и глагол.

Их оппозитивное положение в системе частей речи обусловлено не только их категориальными значениями предметности и процессуальности (соответственно), но и их лексико-грамматическими особенностями. В рамках словообразовательного процесса и глагол, и имя существительное могут выступать в качестве и мотивирующего, и производного слова. В данном аспекте становятся достаточно важными такие компоненты в их семантике, которые бы могли способствовать ее преобразованию в необходимое новое значение. Именно с этой точки зрения видна достаточно четкая противопоставленность частей речи на две группы: 1. Слова-номинации, представляющие явления окружающего нас мира в пространстве. К ним в первую очередь относятся имена существительные. 2. Слова, определяющие явления действительности через их динамику, во времени, в их связях с другими явлениями. Это глаголы, прилагательные и наречия [Янценецкая, 1979. С.78].

Различия функционального характера между двумя вышеназванными группами обуславливают и их особенности в семантике, которые могут быть определены как идентифицирующие и характеризующие, что связано с представлением в языке определенного явления как относительно самостоятельного, абстрагированного от тех конкретных условий и признаков, вне которых оно в действительности не существует, или в связях самого различного порядка.

Уже достаточно давно доказанным в лингвистике является тот факт, что перечисленные выше особенности отображения внеязыковой действительности являются релевантными для различного рода семантических связей, в том числе и деривационных. Проявляясь на словообразовательном уровне языка, они во многом определяют характер

семантических отношений между мотивирующим и мотивированным словами и их дериватами [Янценецкая, 1979. С.80].

Как известно, значение процессуальности может воплощаться в лексических единицах русского языка различной категориальной принадлежности. Эту семантику выражают, прежде всего, глаголы, а также их субстантивные дериваты. Последние сохраняют значение производящего слова, транспонируя старое содержание в новую форму. Подобным утверждением мы обращаем внимание на то, что отглагольная субстантивация носит, в первую очередь, транспозиционный характер. В данном аспекте были рассмотрены синтаксические дериваты Е.С.Кубряковой, которая подчеркивает, что они «позволяют согласовывать форму и содержание вторичных единиц номинации с их будущими синтаксическими ролями, а также, что не менее важно, с функциями относительно текста и рациональной организации последнего» [Кубрякова, 1997. С154].

Таким образом, значение процессуальности относится к разряду тех значений, которые обеспечивают глаголу способность к непосредственной деривационной трансформируемости. Это объясняется фактом многокомпонентности значения процессуальности.

Нужно отметить также, что существительное не принадлежит к группе частей речи, обладающих свойством непосредственной деривационной трансформируемости. Это качество во многом определяет дальнейшее развитие признака процессуальности в мотивированных глаголами субстантивах. Именно по этой причине объяснить трансформируемость значения процессуальности в субстантивную форму только с позиций традиционного словообразования достаточно сложно, поэтому необходимо вооружиться другими доказательными средствами. Объяснительная сила процесса лексической мотивации играет здесь особую роль.

Образование новых слов всегда находилось под пристальным вниманием лингвистов. Однако данное явление до настоящего времени

изучено еще в недостаточной степени. Причиной этому является ряд вопросов, связанных с пересечением сфер знания данного языкового явления в области языка и речи, синхронии и диахронии, гносеологии и коммуникации. В связи с этим нет четкого решения проблем мотивологического характера, которые представляют новообразование как результат функционирования слова в речевой и языковой системе, где оно получает импульс для дальнейшего развития заложенного в нем деривационного потенциала.

В результате своего функционирования практически каждая лексическая единица вступает в смысловые отношения, среди которых выделяют отношения полного тождества, полного различия и частичного тождества и различия. Последний тип отношений является самым распространенным и создает условия для формирования связей различного характера, в том числе синонимических и антонимических [Шмелев, 1973].

При установлении тождества и различия существенно важным является компонент, выражающий степень обобщенности, абстрактности рассматриваемого лексического значения. При несовпадении видовых, конкретизирующих компонентов значения сравниваемых лексических единиц в случае тождества их классифицирующих сем отмечаются среди них отношения противопоставления или синонимические отношения. По определению Д.Н.Шмелева, здесь нужно усматривать парадигматические отношения. Например, пары *получать – отдавать*, *информация – информирование* вступают в парадигматические отношения. Первая пара, имея общее классифицирующее значение действия, вступает в отношения антонимии, поскольку их видовые значения носят характер противопоставления: *отдавать* - давать обратно, возвращать; *получать* – брать, приобретать вручаемое, предлагаемое, искомое. Отношения другой пары слов, *информация – информирование*, можно определить как синонимические, так как их видовые семы имеют сходный характер.

Различие классифицирующих компонентов лексического значения при тождестве видовых ведет к отношениям, которые носят характер пересечения, поскольку они выражают онтолого-функциональные связи какого-либо предмета через его видовой признак. Здесь речь идет о синтагматическом характере связи между лексическими единицами.

Согласно теории Д.Н.Шмелева, данные системные отношения не в полной мере отражают реальное положение дел, поскольку кроме названных выше типов связи между словами существует и «третье измерение лексики», которое становится возможным при отношениях полного включения, когда гипо-гиперонимическая семантика одного слова полностью поглощается конкретизирующим компонентом значения другого. Отношения данного типа могут быть охарактеризованы как эпидигматические, отражающие онтологические связи двух слов, то есть отражающие обусловленность одних явлений другими и по своему характеру являющихся денотативными, основанными на вещественном значении слов.

Если Д.Н.Шмелев обозначает термином эпидигматический все деривационные отношения вне зависимости от того, выражена или не выражена обусловленность их лексического значения формально, то, как отмечено М.Н.Янценецкой [Янценецкая, 1984. С.4], основой для данного типа связей служат лексические значения слов, а формальные показатели значения оказываются значимыми только в самом общем виде.

Лексические связи всех трех групп получают морфемную выраженность только в производных лексических единицах, которые вступают чаще всего в парадигматические и синтагматические отношения. Здесь речь идет об однокорневой и разнокорневой синонимии, приставочной антонимии и антонимии с отрицательными частицами и других отношениях включения или пересечения. Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что данные словообразовательные процессы находятся в тесной зависимости от взаимодействия синонимичных и антонимичных словообразовательных типов.

Однако сделанные Д.Н.Шмелевым наблюдения в области эпидигматических отношений между лексическими единицами заставляют внести существенные для нашего диссертационного исследования дополнения. Разработанные М.Н.Янценецкой на основе «третьего измерения лексики» положения о лексической деривации и лексической мотивации в нашей работе существуют на взаимодополнительных условиях, поскольку позволяют создать более полное представление об изучаемом нами объекте – однокорневых отглагольных существительных.

Само определение изучаемого объекта предполагает, что данные лексические единицы могут находиться в отношениях синтагматических или парадигматических, где тождество корня предполагает наличие словообразовательной мотивации. При этом может возникнуть ощущение того, что данные слова состоят только в отношениях однокорневой синонимии, которая формально выражена синонимичными морфемами: корнем и суффиксами. Мы предполагаем, что связи в изучаемой нами группе слов носят более сложный характер и должны быть объяснены не только с помощью принципов традиционного словообразования, но и с позиций лексической деривации.

Исследуемые нами слова находятся в парадигматических отношениях, основным различительным компонентом в их значении является несовпадение конкретизирующего компонента. В основу их сопоставления положены признаки, обладающие способностью к градации: темпоральность, способ протекания действия и др. В результате чего становится возможным появление синонимических связей между словами. Но данная синонимия не является полной или вообще может не быть синонимией, поскольку в процессе мотивации внимание говорящего могло быть акцентировано на разных ступенях градационного признака или на совершенно разных признаках.

С позиций традиционного словообразования мотивационные отношения определяются как «отношения между двумя однокорневыми

словами, значение одного из которых определяется через значение другого либо тождественно значению другого во всех своих компонентах, кроме грамматического значения части речи» [Русская грамматика, 1982. С. 133]. Согласно данному определению, вся рассматриваемая нами трехчастная парадигма находится в отношениях словообразовательной мотивации. Причем отношения между исходным словом-глаголом и двумя его дериватами определяются как тождественные. Но доказать эту тождественность не всегда просто. Например, в парадигме *аргументировать* – *аргументация* – *аргументирование* степень тождественности значения как между исходным словом и двумя его дериватами, так и между отглагольными субстантивами достаточно разная и определить ее, опираясь только на значение словообразовательных аффиксов достаточно трудно. На этапе деривационного развития, которого достигло слово *аргументация*, оно может быть охарактеризовано большим количеством субстанциональных сем, внесшим в значение этого слова видовую характеристику иного, более абстрактного уровня. Следовательно, здесь речь идет уже не только о синонимических отношениях.

Поэтому вполне логичным мы считаем предположить, что отношения словообразовательной мотивации не достаточно полно отражают взаимосвязи отглагольных существительных относительно друг друга и исходного слова. Дополнительная информация может быть получена, если рассмотреть данные взаимоотношения в аспекте лексической мотивации. Ее основные положения разработаны представителями Томской и Алтайской дериватологических школ.

В сравнении со словообразовательной деривацией отношения лексической мотивации имеют несколько групп различий:

1. Отношения лексической мотивации находятся вне зависимости от аффиксального оформления производной единицы. Словообразовательная мотивация учитывает словообразовательную форму производных слов.

2. В основе лексической мотивации лежат обобщенно-мотивационные значения, формально не связанные с определенным словообразовательным типом. В процессе словообразовательной мотивации происходит закрепление словообразовательного значения за определенным словообразовательным типом.

3. Эпидигматические отношения, лежащие в основе процесса лексической деривации, всегда имеют непосредственный характер. Словообразовательная мотивация может быть как непосредственной, так и опосредованной. В связи с этим направленность процессов лексической мотивации имеет противоположный словообразовательной мотивации характер.

4. При лексической мотивации взаимная обусловленность двух слов для многих видов отношений является нормой. В словообразовании явление взаимной мотивации заставляет усомниться в наличии словообразовательных отношений между словами в паре мотивирующее – мотивированное [Янценецкая, 1984. С. 11-14].

Одно из релевантных для нашего исследования различий в принципах отражения деривационных отношений в словообразовательном и лексическом аспекте заключается в том, что при рассмотрении производной лексической единицы в последнем из названных аспектов должна быть учтена взаимная лексическая обусловленность, поскольку обе части словообразовательной парадигмы в общем виде отражают один и тот же фрагмент языковой картины мира: в предметном значении содержится указание на свойства предмета, а значение действия может иметь в своем составе компоненты, указывающие на субъект, результат, орудие или объект, с которым связано данное действие. Естественно, что категориальное значение частей речи является основным и выдвинуто на передний план, а остальные семы оказываются на периферии или представлены потенциально.

1.4. Пути деривационного развития слова

Ряд исследователей [Голев, 1989; Герман, Пищальникова, 1999; Москальчук, 1998; Трофимова 2003] рассматривают язык как синергетическую систему, обладающую способностью к непрерывному развитию и саморазвитию вследствие заложенного в ней потенциала. Естественно, что слово, являясь представителем данной системы, одним из составляющих ее компонентов, также обладает определенным потенциалом деривационного развития, накопление и реализация которого и ведет к развитию и саморазвитию лексической составляющей языковой системы.

Пути деривационного развития слова во многом определяются в процессе номинации, когда говорящий осуществляет поиск необходимого классифицирующего значения, подчеркивающего специфику значения вновь создаваемого слова. Специфичность значения может быть выражена формально, и в этом случае особую значимость приобретают прикрепленные к исходной корневой морфеме форманты, или для этого используются лексические средства. В последнем случае речь идет о семантической деривации.

Сложность изучения семантики производного слова обусловлена возможностью осознания ее как нечленимую, воспроизводимую языковую единицу, по лексическому фактору, и с опорой на составляющие ее компоненты как членимую единицу. Количество производных слов с ярко выраженной идиоматической направленностью семантики и слов, значение которых складывается из значения составляющих его компонентов невелико. В основной части производных слов наблюдается различное соотношение лексического и деривационного факторов [Сахарный, 1985. С.20-21], которое в конечном счете и определяет дальнейшее деривационное развитие слова. Изучение данного соотношения достаточно эффективно осуществляется с помощью методики направленного ассоциативного эксперимента [Там же. С. 22-23].

Таким образом, деривационное развитие слова может осуществляться в двух направлениях, которые в современной лингвистике получили название вертикальной (по способу расположения значений многозначного слова в толковых словарях) и горизонтальной (по способу расположения словообразовательных дериватов в словарях гнездового типа) деривации [Голев, 1989. С. 165].

Суть первой из них состоит в том, что новые значения слова появляются на основе уже существующих в результате вступления слова в системные связи различного характера (синонимические, антонимические, гипо-гиперонимические, паронимические), функционирования его в непрерывном деривационно-мотивационном процессе (Голев Н.Д).

Другим направлением семантико-деривационного развития слова выступает его развитие за пределы его собственной структуры. В данном случае имеет место быть так называемая формальная деривация, которая долгое время находилась под пристальным вниманием традиционного словообразования, основные принципы которого были разработаны А.Н.Тихоновым.

Оба названных выше направления развития лексического значения слова создали основу для интегративного описания, где подчеркивалась близость семантической и словообразовательной деривации. Особое внимание лингвистов к данной проблеме сформировалось после описания Д.Н.Шмелевым особого типа деривационных отношений между словами, названного им эпидигматическими отношениями [Шмелев, 1973. С. 190-210].

Но в последнее время в связи с интересом к функционированию языка не менее значимым становится вопрос о закономерностях в соотношении формального и семантического развития слова, поскольку в этом случае можно получить ответ на вопрос о том, для чего язык имеет в своем распоряжении разные способы деривационного развития лексики и является ли для носителя языка употребление слова, образованного тем или иным способом, предметом выбора в коммуникативной ситуации. Нам

представляется, что с помощью различных языковых средств лексическая единица стремится заявить о своей специфичности и получить как можно большее отличие от значений исходного слова и другого однокоренного существительного. Тогда закономерным становится вопрос о том, за счет чего слова с формально одинаковой выраженностью корневой семы могут получить при образовании однокорневых производных разницу в своем лексическом значении. Другими словами, в чем заключается причина их лексической дифференциации.

Другим ключевым вопросом современной дериватологии остается вопрос о том, почему деривационное развитие слова может идти в двух разных направлениях. Данный вопрос является частным аспектом более общей проблемы принципиальных различий горизонтальной и вертикальной деривации. Он был поставлен Н.Д.Голевым [Голев, 1989. С.165-166]. Согласно данному автору, проблема выбора заключается в неодинаковой степени семантического расстояния между исходным словом и мотиватами, образованными в результате процессов вертикальной и горизонтальной мотивации/деривации. «...Сила формального акцентирования обратно пропорциональна глубине семантических мутаций, которые в принципе глубже в вертикальных цепях. Не исключено, что здесь действует правило: семантические различия у звеньев вертикальной цепи вполне достаточны, чтобы не пользоваться для их выражения специально предназначенными для этого единицами (аффиксами), и наоборот» [Голев, 1989. С.168]. Продолжая исследование данной проблемы, Шкуропацкая М.Г. приходит к аналогичному выводу: «При семантической мотивации глубина семантического преобразования значения более значительная, чем при словообразовательной, так как она связана с актуализацией, поддержанием и усилением каких-либо исходных сем и ... приводит к появлению качественно нового понятия в вещественном ядре значения слова», в сравнении со словообразовательной деривацией, где наблюдается отсутствие «нового

лексического качества, затрагивающего вещественное ядро значения исходной единицы» [Шкуропацкая, 2003. С. 268].

Однако приведенные выше различия являются не единственными среди признаков, которые лежат в основе дифференциации вертикальной и горизонтальной деривации.

Названные типы словообразования различаются не по одному, как было отмечено выше, а по нескольким признакам. В основе оппозитивного отношения лежат целые комплексы как поверхностных, так и глубинных, внутренних признаков. К первым, по мнению Н.Д.Голева, относятся вопросы терминологии, которые не в достаточной степени отражают всю сложность взаимоотношений данных видов деривации.

Также к данной группе различительных признаков можно отнести следующие признаки: 1) двуплановость (высшая степень ее проявления – образность) содержания при семантической деривации и двукомпонентность, расчлененность при словообразовательной деривации, 2) употребление старого слова в новой функции и создание нового слова (формально-семантического деривата); 3) уникальность семантических новаций и типичность, регулярная воспроизводимость словообразовательных новаций (вследствие этого они и закрепляются за определенной словообразовательной формой); 4) вертикальная деривация – результат номинативной деятельности, изменений номинативной функции лексемы, горизонтальная же деривация – следствие синтагматической деятельности. В данной работе обосновывается также приоритет вертикальной деривации в отношении горизонтальной вследствие наличия у первой такого признака как спецификации, то есть выдвигание на первый план периферийных сем и сохранение их конкретной вещественности. Горизонтальная же деривация основана на формально-семантическом распространении семантической спецификации. При этом отмечается также, что спецификации могут возникать в лексическом значении любого звена горизонтальной деривации и

далее вновь стать объектом формально-семантического изменения [Голев, 1989. С. 182].

Для ответа на вопрос о возможности слова развивать свое лексическое значение различными способами необходимо остановиться на рассмотрении более глубоких качеств того и другого процессов, которые состоят в отношениях оппозиции и тем не менее обладают такими качествами, которые ведут к созданию синтетических форм деривации.

К группе таких глубинных, внутренних дифференциальных признаков Н.Д.Голев относит те, которые являются непосредственным продолжением первой группы признаков: 1) степень глубины семантических преобразований значения мотиватора в значении мотивата; 2) возможность типологизации произошедшего при деривации семантического преобразования, инновационного содержания; 3) ориентация сферы деривации на ту или иную ось системных отношений лексики: парадигматическую или синтагматическую; 4) степень регулярности деривационного отношения. Данные признаки представляют собой основу для взаимообмена, взаимопроницаемости качествами между вертикальной и горизонтальной деривацией, что становится возможным благодаря градуальному характеру данных различительных параметров. Градуальный характер названных сопоставлений позволяет также широко варьировать границы областей функционирования горизонтальной и вертикальной деривации, поскольку при рассмотрении конкретных примеров часто нельзя с достаточной степенью точности определить, к какому типу относится исследуемая парадигма. Подобная трудность возможна, так как обе сферы деривации обладают признаками взаимопроницаемости, основанной на бесконечной смысловой валентности слова.

Заявленная задача предполагает рассмотрение не только дифференциальных свойств, но и механизмов формально-семантической и семантической деривации, изучение особенностей которых является предметом внимания целого ряда лингвистов (Д.Н.Шмелев, М.В.Никитин,

М.Г.Шкуропацкая). Сущность процесса деривации как такового заключается в преобразовании лексического значения мотиватора в мотивате. Основное противопоставление содержательной стороны данного процесса в семантическом и формально-семантическом аспекте основывается на характере содержания инновационного компонента, полученного в результате словообразовательного акта.

Известно, что основу связей между дериватами составляют импликационные и классификационные связи, которые в свою очередь являются моделями концептуальных структур сознания [Никитин, 1988. С.67]. Импликационные связи – это когнитивный аналог реальных связей предметов, явлений и других сущностей реального неязыкового мира, их взаимодействий и взаимозависимостей. Наиболее распространенными примерами импликационных связей являются причинно-следственные, пространственные, временные отношения, а также отношения частей и целого. Частным проявлением импликационных отношений являются метонимические связи значений слов, в том числе и синекдоха. Классификационные связи представляют собой мыслительный аналог распределения признаков в вещах, явлениях и других сущностях реального мира, они определяют приоритетность одних признаков над другими. В связи с этим классификационные отношения подлежат разделению на гипер-гипонимические (родо-видовые) и симилятивные (метафорические), основанные на общности признаков явлений объективного мира.

Основу для семантической деривации составляет весь объем лексического значения глагола. Интенциональная составляющая лексического значения, которая включает в себе сведения о константных признаках предмета или явления, предлагает широкие возможности для развития гипер-гипонимических и метонимических связей. В свою очередь импликационные связи слова, которые раскрывают периферийные, денотативные компоненты лексического значения, являются базой для

развития данных, потенциально заложенных в значении сем по линии метафоры.

Механизм формально-семантической, горизонтальной деривации имеет существенные отличия. В отличие от рассмотренной нами сферы вертикальной деривации, где базу для деривации составляют семантические связи между компонентами значения, формально-семантическое словообразование основывается на отнесенности производного слова к определенному разряду словообразовательного типа: мутационного, модификационного или транспозиционного. Различие данных словообразовательных типов базируется на разной степени перестройки семантической структуры исходного слова в значении мотивата. Так, например, транспозиционные словообразовательные типы влияют лишь на изменение категориальной семы, не затрагивая область лексического содержания. Механизм деривации заключается здесь в частичной переаспектуализации значения исходного слова. Примером могут служить словообразовательные типы, по которым происходит отглагольное субстантивное словообразование, например, *разрезать* – *разрезание*, *получать* – *получение* и т.д.

Отличительной особенностью в механизме модификационного словообразования является изменение дифференциальной лексической семы при сохранении категориально-лексической семы в структуре мотивированного слова: *получать* – *получить*, *очищать* – *очистить* и т.д.

При мутационном же словообразовании происходит переиерархизация сем в структуре производного слова, которая сопровождается значительным качественным изменением значения исходного слова, возможным «вследствие сопоставления его лексического значения с лексическим значением другого слова, основная сема которого актуализирует соответствующую сему первого слова и через него организует все его остальные компоненты» [Янценецкая, 1984. С.10]. Основываясь на данном теоретическом положении, мы высказываем предположение о том, что

мутационное словообразование является переходной зоной между сферами семантического и формально-семантического словообразования. Именно этот тип словообразования в наибольшей степени сочетает в себе признаки двух вышеназванных путей развития. Это область словообразования, где взаимообмен качествами проявляется наиболее отчетливо: в деривационном акте происходит изменение значения исходного слова, затрагивающее вещественное ядро значения (степень глубины изменения, конечно, отличается при семантической деривации), но при этом наблюдаются признаки, присущие формально-семантической деривации: новый компонент оформляется средствами формальной деривации.

Опираясь на предложенные М.В.Никитиным условные обозначения составляющих компонентов лексического значения слова, попытаемся раскрыть механизмы деривации в парадигме *разрезать – разрезание – разрез*. В данной парадигме пути развития деривационного потенциала отглагольных субстантивов различны, что может быть подтверждено рядом признаков. Несомненно, что слово *разрезание* в полной мере сохранило значение мотивирующего слова, произошло лишь перетекание значения из глагольной формы в форму имени существительного. При изменении категориального значения не наблюдается сколько-нибудь существенного изменения в интенционале значения исходного слова. Это закреплено также в лексикографии: ни один из толковых словарей [БТС, СО] не рассматривает данную лексическую единицу как имеющую самостоятельное, отличное от исходной единицы лексическое значение, словари не выносят данное слово в качестве отдельной словарной статьи. Следовательно, есть все основания считать слово *разрезание* образованным в рамках транспозиционного словообразования. Иная ситуация складывается в отношении другого кодеривата – *разрез*. Толковые словари фиксируют значения данной единицы, связанные с глагольной составляющей значения: **1. к Разрезать – разрезать. Разрез шкурок. Разрез нарыва, свища** [БТС, 1998. С. 1080]. Кроме них БТС указывает еще 3 значения, в которых отмечается изменение в

исходной структуре значения: **2. Разрезанное место, прорезанное отверстие.** *Юбка с разрезом на боку. На подошве глубокий разрез от стекла.*

3. Поверхность, плоскость, по которой разрезан, рассечен предмет; сечение. *Схема показывает насос в разрезе. Вертикальный разрез возвышенности.*

4. Место, где происходит добыча ископаемых открытым способом; открытая горная разработка. *Угольный разрез.* [БТС, 1998. С. 1080].

В мотивирующем слове *разрезать* интенционал значения составляют действия, направленные на разделение на части чем-либо режущим, в мотивированном же слове наблюдается изменение интенциональных признаков в сторону появления предметных составляющих в значении: при этом опредмечивание происходит по пути метонимического переноса. Дальнейшее развитие по пути метонимии приводит к появлению третьего и четвертого значений слова *разрез*. Подобное развитие слова *разрез* стало возможным благодаря изменениям в первом значении слова, которые не отмечены в лексикографических источниках. Поэтому нельзя однозначно определять данный словообразовательный тип в качестве представителя транспозиционного словообразования. Вероятно, что это одна из разновидностей мутационного словообразования. Определив слово *разрез* как результат мутационного словообразования, можем увидеть в нем признаки как семантической, так и формально-семантической деривации. Проявлением первой из них необходимо считать изменение части интенциональных признаков в сравнении с исходным словом: глагольное действие в исходном слове и продвижение на первый план предметных сем в мотивированном слове. Приоритет в значении слова *разрез* семы «место» выводит на первый план вещественное значение, в этом мы видим проявление механизма переноса по смежности, что является одним из признаков вертикальной сферы деривации. Необходимо также отметить, что содержание нового компонента закрепилось за другой формальной структурой – имя существительное, образованное морфологическим безаффиксным способом, который в русском языке является достаточно

продуктивным: *приказать* – *приказ*, *щебетать* – *щебет*, *бегать* – *бег* и т.д. Регулярная воспроизводимость и двукомпонентность содержания – признаки горизонтальной деривации. На данном примере видим, что мутационное словообразование, сочетая в себе признаки и семантической, и формально-семантической деривации, является переходной зоной между данными сферами словообразования. Она является наиболее сложной частью деривационной системы для определения качества произошедших в мотивированном слове преобразований лексического значения исходного слова.

Таким образом, в современном словообразовании слово может развивать свой потенциал двумя способами, пойдя по пути семантической или формально-семантической деривации. Оба этих направления имеют общие моменты, вытекающие из самого определения и сущности процесса деривации.

Результаты и вертикальной, и горизонтальной деривации мотивированы исходными словами. Но слова, развивающиеся в рамках первого типа, имеют более глубокую степень семантического преобразования значения мотивирующего слова. При формально-семантическом словообразовании наблюдается лишь изменение в степени значимости мотивационного признака в соотношении с другими семами слова.

Что касается непосредственно деривационной составляющей непрерывного деривационно-мотивационного процесса и в том и другом типе, то здесь опять-таки можно выделить общие положения – наличие нового, инновационного компонента, номинирующего прирост сложности. Только при семантической деривации он носит лексический характер, а в случае формально-семантической деривации данный компонент не имеет нового лексического качества, затрагивающего вещественное ядро лексического значения исходной единицы.

Основываясь на различной степени глубины семантического преобразования значения мотиватора в значении мотива и характере инновационного содержания в деривате по сравнению с производящей единицей, Шкуропацкая М.Г. предлагает следующую градацию форм деривации по принципу возрастания лексичности нового компонента и увеличения мотивационного преобразования [Шкуропацкая, 2003. С.269]:

- транспозиционное словообразование;
- усечение и аббревиация;
- модификационное словообразование;
- мутационное словообразование;
- метонимическая семантическая деривация;
- гипер-гипонимическая семантическая деривация;
- метафорическое словообразование;
- метафорическая семантическая деривация.

В нашей работе качественные изменения лексического значения мотиватора в значении мотивированной единицы определяются термином семантическое расстояние, поэтому данная классификация отражает также градацию словообразовательных форм по принципу увеличения степени семантического расстояния между исходным словом и его дериватом.

Названные выше параметры противопоставления вертикальной и горизонтальной деривации являются взаимопроницаемыми. Согласно В.М. Павлову, «любые планы языковой системы предусматривают не только разграничение ее частей, но и возможности таких «сцеплений» между ними, таких областей их взаимодействия, где происходят своеобразные «взаимообмены» соответствующими типами образований» [Павлов, 1985. С.16]. Другими словами, взаимопроницаемость сопровождается некоторыми «смещениями» в пользу одного из коррелирующих признаков. Эти смещения приводят к появлению новых образований, не предусмотренных «чистыми» типами оппозиций. По мнению Н.Д.Голева, особенно склонны к таким смещениям и обменов типы дериватов, занимающие промежуточное

положение между горизонтальной и вертикальной деривацией, в том числе и модификаты [Голев, 1989. С.171]. В свете последнего положения становится более ясным утверждение о том, что построение каких-либо четких, строгих классификаций практически невозможно.

1.5. Вопрос о соотношении модификационного, транспозиционного и мутационного словообразования в рамках деривационного слова.

В русском языке каждое слово может быть охарактеризовано с помощью лексических и грамматических признаков, которые классифицируют его как единицу какой-либо части речи. Когда образование слова происходит путем трансформации одной лексической единицы в другую, то достаточно важно иметь в виду, к одной или разным частям речи относятся производящее и производное слово. В случае, если процесс словообразования происходит в рамках одной части речи, то модификации могут касаться какой-то одной части лексического или грамматического значения производящего слова (глагол несовершенного вида *получать* – глагол совершенного вида *получить*). Деривационные отношения между словами разных частей речи заставляют говорить уже об изменении и общекатегориальных, и частных, и лексико-грамматических показателей новой лексической единицы.

Таким образом, специфика словообразовательного процесса находится в зависимости не только от лексико-грамматических особенностей создаваемого слова, но и от характеристик производящего слова, от наличия или отсутствия в его семантике таких компонентов, которые бы способствовали ее преобразованию в необходимое новое значение [Янценецкая, 1979. С.78].

Возможности развития значения слова могут быть реализованы с помощью различных деривационных способов, выбор одного из которых зависит от ряда причин, перечисленных в п. 1.4. настоящего исследования.

Поскольку исследуемые нами отношения между исходным глаголом и его однокорневыми субстантивными дериватами традиционное словообразование относит к разряду формально-семантической деривации, мы видим необходимость в более детальном рассмотрении механизмов и обусловленную ими дифференциацию признаков модификационного, транспозиционного и мутационного значений. Кроме того, границы между данными типами словообразования являются нечетко определенными, размытыми, что очень затрудняет ответ на вопрос, к какому типу относится то или иное новообразование.

Классифицируя названные выше значения, основываясь на степени глубины семантических преобразований значения исходного слова, можно утверждать, что модификационное и транспозиционное значения составляют группу немутационных типов, причем последнее значение оказывается таким, которое чаще всего и вовсе не затрагивает область лексического значения исходного слова.

Механизм транспозиционного словообразования во многом определяет конечный результат этого процесса. Он заключается в наделении мотивированного слова грамматическим значением части речи, отличным от грамматического значения части речи, присущего мотивирующему слову. Таким образом, мы можем наблюдать частеречную перекатегоризацию значения исходного слова в грамматическом компоненте значения производного. При этом мотиваты совпадают с мотивирующими словами во всех компонентах своего значения, кроме общего грамматического значения части речи: *бегать* – *бег* – *беганье*, *приказывать* – *приказание* – *приказ*. Другими словами, происходит «переливание» лексических понятии из одной части речи в другую» [Голев, 1984. С.19]. В таких существительных, с точки зрения традиционного словообразования, значение отвлеченного процессуального признака совмещается со значением существительного как части речи, то есть значением предметности. Словообразовательный формант в отглагольных существительных с транспозиционным

словообразовательным значением выражает вторичность морфологического значения предметности по отношению к морфологическому значению признака, характерному для мотивирующего слова [Русская грамматика, 1982. С. 267].

Чаще всего транспозиционное словообразовательное значение в существительных, называющих процессуальный признак, выражается суффиксальным способом, причем среди них достаточно широко развитой является словообразовательная синонимия. Как отмечается в Русской грамматике, в отношения синонимии вступают существительные, образованные с помощью следующих суффиксов –ниј-, -к-, -ациј-, -аж-, -ур-, нулевым суффиксом (причем начало синонимического ряда чаще всего образуют отглагольные существительные с суффиксом – ниј-, -к-, которые сами также являются синонимичными). Согласно данной точке зрения, в синонимических отношениях находятся такие пары слов, как, например: *изолирование – изоляция, получение – получка, тренировка – тренаж, записывание – запись, редактирование – редаKTура, монтирование – монтаж* и др. Однако мы полагаем, что данные отношения не всегда могут быть охарактеризованы как синонимические, поскольку изменения, произошедшие в них в процессе деривационного акта, затрагивают, во-первых, не только грамматический компонент значения, что заставляет усомниться в правильности отнесения некоторых словообразовательных типов к транспозиционному словообразованию, а, во-вторых, вносят в лексический компонент изменения, касающиеся разных уровней значения. Внесенные изменения не затрагивают глубинные слои, вещественное ядро лексического значения исходной единицы, поэтому не могут быть определены как мутационные, но обладают признаками не только простого «переливания» прежнего содержания в новую форму, следовательно, занимают некоторое переходное положение между мутационным и транспозиционным словообразованием.

Сомнения в правильности отнесения значения нового деривата к транспозиционному, модификационному или мутационному словообразовательному значению связаны с диахроническим характером самого словообразовательного акта. На более ранних этапах своего развития отглагольное существительное действительно могло обладать только транспозиционным значением. Но со временем на словообразовательный формант и в целом на слово, вступившее в системные языковые и речевые связи, стали накладываться новые значения, которые и привели к накоплению критической массы количественных изменений, перешедших в качественные преобразования в составе лексического значения современного слова. Именно по этой причине синонимические отношения между словообразовательными типами в настоящее время перестают быть таковыми, разная степень качественных изменений и разные стороны содержания, задействованные при образовании слова с помощью того или иного словообразовательного форманта, не позволяют считать прежние синонимы таковыми на современном этапе существования языка.

Транспозиционное словообразование затрагивает и синтаксические функции производного слова. Согласно мнению Е.С. Кубряковой, «транспозиция – перевод из одного класса знаков в другой оказывается такой операцией, которая позволяет добиться не только изменения в синтаксисе знака, но и, напротив, сохранения за знаком неких его семантических свойств» [Кубрякова, 1997. С. 201]. Естественно, что изменения в области синтаксических функций также накладывают определенный отпечаток не только на функционирование производного слова, но и на его дальнейшее семантическое развитие. Другими словами, выступая в предложении в синтаксической роли, присущей именам существительным, отглагольный субстантив будет поставлен в новые сочетаемостные условия, что обусловит его дальнейшее семантическое развитие уже в новом качестве, в качестве существительного. Например, при проведении ассоциативного эксперимента в ассоциативном поле отглагольного субстантива *смесь* отмечены реакции

детская, гремячая, кормовая, молочная, свидетельствующие, с одной стороны, о выполнении этим словом синтаксических функций, присущих существительным, а с другой – о лексикализации. Кроме того, в составе поля этого слова отмечены также другие реакции, которые позволяют говорить о несколько ином направлении в семантическом развитии данного слова в сравнении с его коррелятом *смешение*. Следовательно, говорить о проявлении чистого транспозиционного словообразования в данном случае преждевременно. Данное положение подтверждает мнение Н.Д.Голева о том, что «при отсутствии аффикса внутренние семантические мутации выдвигаются на первый план, а внешние – на второй (несмотря на присутствие последних, они не сопоставимы по значимости с аффиксами, выполняющими важные семантические функции, поскольку формальные мутации в вертикальных цепях не являются специализированными и их появление носит следовый характер по отношению к семантическим изменениям)» [Голев, 1989. С.170].

Другой разновидностью немутационного словообразования является модификационная деривация. Модификационное словообразовательное значение характеризуется некоторым дополнительным компонентом значения, присутствующим в мотивирующем слове и отсутствующим в мотивированном. Этот дополнительный компонент носит модифицирующий характер, который также не затрагивает вещественное ядро значения, а лишь только его видоизменяет. Чаще всего модификационное словообразование сопровождается изменением стилистической окраски производного слова. Модификация может быть связана с изменением таких внутренних и внешних характеристик мотивирующего слова, как

- 1) характер и сфера употребления;
- 2) дополнительное выражение субъективного отношения говорящего к обозначаемому;

3) выражение объективной меры этого означаемого: у существительных уменьшительное или увеличительное значение, среди глаголов количественно-временные характеристики действия;

4) установление отношения означаемого мотивирующего слова, внешнего по отношению к нему и не затрагивающему его сути: значение невзрослости живого существа, значение женскости, значение отсутствия или противоположности, а также значение противонаправленности [Шкуропацкая, 2003. С.265-266];

5) выражение негации;

6) изменение модального смысла [Белошапкина, Шмелева, 1981; Клобуков, 1984, Разина, 2005].

Реализация подобных модификационных значений возможна только в условиях принадлежности исходного и производного слов к одной части речи. Именно в этих условиях возможно приращение нового компонента без изменения глубинных слоев лексического и грамматического значения мотивирующего слова.

Соотношение изменений, произошедших в составе лексического значения слова в результате транспозиционного и модификационного словообразования, различно, но, как было сказано выше, не ведет к изменению вещественного ядра значения. По этой причине данные словообразовательные типы относятся к разряду немутационных. В отличие от них мутационное словообразование может быть охарактеризовано как вносящее сильные изменения в качественный состав лексического значения слова.

В «Русской грамматике» мутационное словообразовательное значение не выделяется как результат отдельного типа деривации. Особый вклад в разработку основных признаков и характеристик данного процесса внесли работы большого количества ученых. Согласно мнению М.Н.Янценецкой, процесс мутационного словообразования заключается в «перестройке семантической структуры рассматриваемого слова, происходящей

вследствие сопоставления его лексического значения с лексическим значением другого слова, основная сема которого актуализирует соответствующую сему первого слова и через него организует все его остальные компоненты» [Янценецкая, 1984. С.10]. Именно актуализация семы, необходимой для выражения мыслей говорящего, обуславливает иерархию составных частей лексического значения.

Проходя в своем развитии этапы транспозиционного, модификационного и мутационного словообразования, лексическое значение производного слова получает различное количество качественных изменений, которые, в конечном счете, и определяют системные отношения слов и их дальнейшее развитие. Шкала с учетом нарастания качественных изменений в семантике производного слова выглядит следующим образом: транспозиционное словообразование – модификационное словообразование – мутационное словообразование.

При этом содержание каждой области также имеет градуальный характер, что предполагает наличие переходных зон в сфере транспозиционного, модификационного и мутационного словообразования. Определение границ как выделенных областей, так и переходных является на практике достаточно сложной задачей в связи с трудностями в определении лексического значения слов.

Все рассмотренные выше виды словообразования создают условия для рассмотрения результатов их функционирования в системном аспекте. Единицей данной системы является деривационное слово. Данный термин был предложен Н.Д.Голевым по аналогии с рассмотренными в работах [Шведова, 1982; Золотова, 1988; Белошапкина, 1999] фонетического, морфологического, лексического и синтаксического слов. Описание свойств и характеристик деривационного слова основывается на его участии в едином непрерывном деривационно-мотивационном процессе (НДМП). Основные его принципы изложены в работе Н.Д.Голева [Голев, 1989], конкретизированное его описание и особенности функционирования

являются предметом исследования в работах [Гусар, 1995; Трубникова, 1997; Доронина, 1999, Сайкова, 2002; Бринев, 2002; Шкуропацкая, 2004].

Принципы, лежащие в основе НДМП, во многом обосновывают характерные черты деривационного слова как системного отражения функционирующих в языке и речи производных слов, образованных на базе одного мотивирующего слова.

Рассмотрение основных теоретических положений о составе и признаках деривационного слова в нашем исследовании необходимо, поскольку исследуемая в нашей работе парадигма, состоящая из мотивирующего глагола и двух его однокорневых кодериватов, входит в состав деривационного слова, и методы изучения различий в их семантике могут быть распространены и на другие компоненты деривационного слова.

Итак, существование деривационного слова возможно на том основании, что «процесс деривации не завершается вместе с созданием слова» [Голев, 1989. С.33]. Каждое вновь образованное слово практически сразу включается в дальнейшие процессы порождения единиц речи, более крупных по своему составу, например, текста или становится в свою очередь мотивирующей основой для образования нового слова. В первом и во втором случаях в действие вступают механизмы горизонтальной и вертикальной деривации.

Другим принципом НДМП является ограниченность эволютивности генетического [Там же. С.34]. Этот принцип определяет расширение состава деривационного слова до определенных размеров. Дело в том, что генетическое не может бесконечно сохраняться в каждом новом слове. Другими словами, постепенное исчезновение генетически мотивирующего признака приводит к накоплению нового качественного значения в слове (спецификации) и выводу данного слова за пределы одного деривационного слова и включению его в состав другого деривационного слова.

Деривационное слово является тем комплексом, в котором воедино связаны результаты транспозиционного, модификационного и мутационного

словообразования на базе одного мотивирующего слова. Это означает, что в состав деривационного слова входят все однокорневые лексические единицы, образованные когда-либо в рамках словообразовательной или лексической мотивации.

Понятие деривационного слова имеет определенные корреляции с понятиями словообразовательного гнезда, лексического гнезда и морфодеривационного поля слова. Все названные выше единицы носят комплексный характер, составляющие их компоненты связаны воедино деривационными отношениями. Но принципы, положенные в основу данных деривационных отношений, различны и являются в свою очередь дифференциальными основаниями для перечисленных понятий. Наиболее подробное описание оппозитивных признаков деривационного слова, словообразовательного слова, лексического гнезда и морфодеривационного поля приведено в работе М.Г.Шкуропацкой [Шкуропацкая, 2003. С.66-94].

1.6. Влияние семантики словообразовательного типа на формирование системных отношений однокорневых отглагольных существительных

Для определения специфики системных отношений однокорневых отглагольных существительных важно учитывать как семантику мотивирующего слова, так и значения словообразовательных типов.

Данная единица словообразовательной системы в Русской грамматике определяется как «схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении» [Русская грамматика, 1982. С.135].

В связи с изучением системы языка как саморазвивающейся и самоорганизующейся системы закономерным является изучение словообразования с данной точки зрения. Система словообразовательных типов в этом аспекте является предметом исследования в работах [Янценецкая, 1984, 1990; Араева 1981, 1990, 1994; Жукова, 2002; Акимова, 2002]. В связи с этим под словообразовательным типом стала пониматься «особым образом организованная микросистема, все звенья которой на глубинном и поверхностном уровне взаимосвязаны, обуславливая друг друга» [Араева, 1994. С.14].

Словообразовательное значение, значение словообразовательного типа или модели оказывает определенное влияние на семантику вновь образованного слова. По этой причине за словом, образованным в результате какого-либо словообразовательного типа, закрепляется некоторое значение, входящее в состав лексического значения производного слова.

Проблемой влияния изменений в лексике на словообразовательную систему занималась Н.Я.Янко-Триницкая, указывавшая на то, в какой степени и в какой форме изменения действительности получают отражение в словообразовании, во многом определяясь с лексикой. Согласно данному автору, внеязыковые потребности могут актуализировать определенные словообразовательные значения, а ограничения для словообразовательной регулярности могут исходить со стороны лексико-семантической системы [Янко-Триницкая, 1965].

На этапе декодирования лексического значения производного слова, то есть семантизации, носители языка соотносят с лексическими единицами какой-либо частеречной группы воспринятую звуковую оболочку, которая и позволяет присвоить новому слову первоначальное, самое обобщенное, классифицирующее значение. Особую важность здесь приобретает формально-семантическое отождествление формообразующих и словообразующих аффиксов. Формальная повторяемость аффиксов – необходимое условие такого отождествления, позволяющее установить

одновременно с этим и семантическую общность воспринимаемого и уже известных в языке слов. После определения самого общего семантического тождества, пределом абстрактности которого является частеречные значения предметности, процессуальности, признаковости и т.д., наступает необходимость более конкретной идентификации лексического значения производной лексической единицы, процесс которой заключается в отождествлении производящей и производной основ [Янценецкая, 1979. С.63].

Таким образом, мы видим, что аффиксы в словообразовательном акте имеют большое значение на этапе частеречной категоризации действительности. Однако существует большое количество словообразовательных типов, которые участвуют в процессе межкатегориального словообразования, и тогда их значения во многом определяют системные отношения между самими словообразовательными типами.

Например, словообразовательная модель с –ние является одним из членов синонимического ряда словообразовательных типов, по которым образуются отглагольные имена существительные, обозначающие отвлеченное действие. Таковыми являются модели с –ка, -ция, нулевой суффикс и др.

Так, например, большое лексическое разнообразие слов с суффиксом –к-а, который является словообразовательным формантом для широкого круга словообразовательных типов, используемых для субстантивного словообразования, создает условия для большей лексикализации в сравнении с существительными с суффиксом –ниј. Вследствие чего, при выборе в процессе словообразовательного акта суффикса –к-а, носители чаще всего обозначают им уже не отвлеченное от субъектно-объектных отношений действие, а опредмеченное действие или его результат, или место его осуществления.

Дальнейшее развитие семантического потенциала производного слова обуславливается рядом других факторов. Придерживаясь мнения Н.И.Жинкина о том, что язык и речь две взаимодополняющие стороны одного объекта, названного автором «языко-речь» [Жинкин, 1982], мы считаем, что слово попадает в замкнутый круг взаимообуславливающих характеристик. С одной стороны, став единицей речевой системы, слово вбирает в себя большое количество свойств, уже сформированных языковой системой для аналогичных по словообразовательной модели слов. В этом мы видим проявление грамматической составляющей значения слова. С другой стороны, каждое новое слово, являясь предметом речевого общения, расширяет системные характеристики определенной словообразовательной модели в результате влияния на слово новых лексических характеристик, неизбежных в результате его вступления в новые системные связи. При этом наблюдается обоюдное сопротивление влиянию как со стороны системы, так и со стороны речи. Каждая словообразовательная модель в данном аспекте обладает большими или меньшими силами, что, в конечном счете, и сказывается на дальнейшем развитии лексического значения слова.

Мы предполагаем также, что словообразовательный тип с суффиксом –ниј- обладает большей устойчивостью к влиянию речевых факторов, поэтому его словообразовательное значение обладает меньшим количеством вариантов, чего нельзя сказать о значении других словообразовательных типов. Наиболее подверженным влиянию функциональных характеристик слова среди рассматриваемых в нашем исследовании словообразовательных типов является словообразовательное значение типа «глагол + -к-».

Существенные изменения в составе лексического значения производного слова, образованного именно по данному словообразовательному типу, уже не позволяют говорить о нем как о результате транспозиционного словообразования. Следовательно, данный словообразовательный тип принадлежит к области модификационного или

мутационного словообразования в зависимости от изменений, вызванных данным суффиксом в составе значения производного слова.

Подобные наблюдения можно сделать и в отношении других словообразовательных типов. Их расположение на шкале взаимоотношений транспозиционного, модификационного и транспозиционного словообразования является одной из задач нашего исследования. Решить ее можно, опираясь не только на лексикографические данные, но и учитывая данные, эксплицированные из языкового сознания.

1.7. Методы изучения семантического расстояния в современной лингвистике

В современной лингвистике существуют различные приемы и методы измерения семантического расстояния, тесно связанные с методами изучения и описания лексических значений сопоставляемых слов. Современная трактовка значения базируется на представлении о нем как сложной многокомпонентной структуре, состоящей из более дробных, чем значение, единиц. В работах Л.В.Щербы, Ш.Балли, В.В.Виноградова, В.Г.Гака, Ю.Д.Апресяна, И.А.Мельчука предполагается, что по аналогии с фонетикой, где все богатство речевого потока можно описать с помощью ограниченного числа фонем, все множество значений можно описать с помощью ограниченного набора сем (семантических множителей). Отмечается также, что структура значения носит иерархический характер и обуславливает неоднородность семантических составляющих, что закреплено в понятиях архисемы и дифференциальных сема, несущих смысловые признаки, позволяющие сузить содержание слова до его конкретных значений (Б.Потье); в понятиях ассоциативных или потенциальных признаков [Гак, 1972; Шмелев, 1973], отражающих несущественные свойства объекта – денотата значения слов, но играющих роль в метафорическом переносе.

Тенденция понимать значение как образование, приобретающее свой полноценный статус в контексте целого, определила общую направленность

исследований семантики в переходе от исследования отдельных лексических единиц к анализу целостных высказываний.

Один из основных принципов семантики гласит, что число семантических компонентов, входящих в план содержания некоторого знака, определяется набором противопоставлений, в которых участвует этот знак [Лекомцев, 1974]. Другими словами, значения раскрываются через отношения, и их сложную многокомпонентную структуру составляют свернутые отношения. Эта идея содержится уже в работах А.А. Потебни [Потебня, 1953, 1963], в его понимании существительного как грамматического названия вещи, а прилагательного и глагола - как свойств и отношений этих вещей. Акцент на структурном характере значения, на исследовании целостного текста, обусловил появление целого ряда структуралистских методов их анализа. Таковыми можно назвать компонентный анализ, метод непосредственно составляющих и трансформационный метод [Апресян, 1967; Хомский, 1962], метод тезауруса [Шайкевич, 1987], метод семантических множителей [Апресян, 1974; Мельчук, 1995]. К числу лингвистических методов, основанных на понимании значения как структурного образования, относятся также анализ семемы слова, выявление его семного состава («правило шести шагов», [Караулов, 1976]); анализ лексической сочетаемости анализируемых слов; анализ синонимических рядов слов [Смирнова, 2004; Семенова, 2004]; анализ текстов разных функциональных стилей [Смирнова, 2004]; сопоставительный анализ лексических полей слова в разных языках [Морозов, 2003; Щепинова, 2004] и др. Если провести классификацию лингвистических методов для изучения лексического значения слов, то можно установить, по мнению В.Ф.Петренко, три основных подхода к выделению семантических связей: через установление семантических связей на основе синтаксических закономерностей, через установление семантических связей на основе выделения дистрибутивно-статистических связей и через обращение исследователя к своей языковой интуиции, своему

знанию языка с последующим сопоставлением своих наблюдений с реально существующими текстами [Петренко, 1997. С.67].

Таким образом, лингвистические методы анализа ориентированы в первую очередь на анализ текстов – законченных продуктов речевой деятельности, отчужденных от субъекта, от его мотивов, так что значение выступает в качестве «превращенной формы деятельности» [Леонтьев, 1971].

В связи с развитием когнитивного направления в лингвистику приходят методы и приемы, заимствованные из смежных научных областей, например, психолингвистики, психосемантики. Психолингвистические методы позволяют исследовать значения непосредственно в речемыслительной деятельности конкретного субъекта. Не существует прямого способа выделения семантических компонентов значения как системы дифференциальных признаков, поскольку значения существуют только в системе значений и раскрываются только через эту систему. Поэтому любой психолингвистический метод включает звено поиска значений, семантически связанных с исследуемым, и фиксирует эти связи в форме матрицы семантических расстояний, семантических полей, семантических пространств. Наиболее популярными психолингвистическими методами на сегодняшнем этапе развития науки являются метод субъективного шкалирования [Клименко, 1970; Петренко, 1983; Собкин, Шмелев, 1986] и разработанные на его основе методы кластерного [Дюран, Оделл, 1977; Вэн Рейзин, 1980; Жамбю, 1982] и факторного анализа [Окунь, 1974; Харман, 1972; Иберла, 1980], метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, являющийся своего рода сочетанием метода шкалирования и метода контролируемых ассоциаций и, конечно, метод ассоциативного эксперимента. Поскольку измерение семантического расстояния возможно только в некотором семантическом пространстве, данные методы создают основу для построения семантических матриц, являющихся фрагментом некоторого семантического пространства.

1.7.1. Сопоставление ассоциативных полей как метод исследования семантического расстояния между словами

Как уже было сказано выше, определение объема лексического значения слова – один из наиболее значимых вопросов современного языкознания, актуальность которого связана в свою очередь с активным развитием когнитивной составляющей науки. В связи с этим в настоящее время появилось большое количество методов и приемов определения значения лексической единицы, основанных на экспликации данных языкового сознания носителей языка [Сахарный, 1985].

Метод изучения ассоциативных полей как один из методов изучения лексического значения слова дает широкие возможности для установления объема денотативного, коннотативного, прагматического и других компонентов в составе лексического значения слова. Кроме того, данный метод позволяет определить значимость каждого из перечисленных компонентов и на основании этого исследовать семантический потенциал той или иной лексической единицы для установления тенденций её дальнейшего деривационного развития.

Также ассоциативное поле дает возможности для сравнительного анализа двух коррелирующих по некоторым признакам слов. В нашем исследовании таким признаком является общая производящая основа отглагольных существительных, поскольку объектом диссертационного исследования является семантический потенциал слова, рассматриваемый в качестве источника и носителя своего дальнейшего деривационного развития.

1.7.1.1 Полевые структуры в языке

Объектами изучения в современной лингвистике неслучайно являются комплексные единицы, поскольку они наиболее адекватно отражают устройство языка. К таким единицам относятся все типы полевых структур.

Согласно мнению З.Д.Поповой, И.А.Стернина, полевая модель системы языка хорошо совмещается с современными представлениями об устройстве и функционировании коры головного мозга человека [Полевые структуры в системе языка, 1989]. Основанность полевых структур на нейро- и психолингвистических моделях языковой памяти носителей языка, на наш взгляд, позволяет достаточно полно представить иерархическую систему языка.

Возможность существования полевой модели языка обосновывается еще и тем фактом, что способ организации лексических единиц в словаре, созданном в целях лингвистического описания, и во внутреннем лексиконе носителя языка имеют абсолютно разный характер. И только в рамках полевой структуры можно с достаточной степенью точности рассуждать о способах «упаковки» информации во внутреннем лексиконе и производить сравнительный анализ системного и функционального аспектов языка.

Представление языка в форме полевой модели позволило говорить о нем как о системе подсистем, взаимопроникающих и взаимосвязанных между собой. Опираясь на данную модель, можно представить язык как постоянно функционирующую систему, существование которой становится возможным за счет перестройки элементов и отношений между ними в составе поля. В процессе полевого структурирования раскрываются диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, необъяснимые с позиций других представлений о языке, выявляются также механизмы этой связи и ее закономерности.

Обратимся к определению поля в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Понятие языкового поля представлено здесь следующим образом:

Поле – это «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений». Кроме того, поле характеризуется здесь «связью

слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка» [ЛЭС, 1990. С. 380].

Наиболее значимой для определения содержания понятия «поля», которое является одним из важнейших средств объяснения системной структуры языка, является функция, обеспечивающая «непрерывность языкового пространства». В основу построения поля того или иного типа положен набор принципов. Данный комплекс принципов может быть различным в каждом типе поля, но в этих комплексах есть общие признаки, которые и связывают воедино все типы полевых образований, не оставляя неохваченного полем языкового пространства (принцип континуальности поля).

Заявленная континуальность позволяет сопоставлять данные различных лексических полевых структур для получения системных знаний о значении слова и о его деривационном развитии.

За всю историю изучения полевых структур лингвистами были выделены и обоснованы и другие признаки языкового поля, такие как: все элементы, входящие в состав поля, связаны между собой различными видами связей – структурными, семантическими, функциональными; структура поля не монолитна, она может состоять из микрополей; состав каждого поля, в т.ч. и микрополя, также состоит из ядерных и периферийных зон, границы между которыми нельзя четко определить; в свою очередь периферия также организована зонами, не имеющими четких очертаний; разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов [Кодухов, 1955; Ахманова, 1966; Городецкий, 1969; Минина, 1973; Филлин, 1973; Апресян, 1974; Щур, 1974; Стернин, Попова, 1989].

Таким образом, использование в нашем исследовании в качестве основного метода сопоставления ассоциативных полей является не только актуальным, но и оправданным с точки зрения тех свойств, которыми

обладает поле как единица, сочетающая в себе принципы системного и функционального устройства языка.

1.7.1.2. Структура и свойства ассоциативного поля

Механизм ассоциирования является одним из основных для языкового сознания и деятельности мозга. Ассоциативные структуры представляют собой одну из форм отражения взаимосвязей объектов реальности. Поскольку ассоциирование носит произвольный характер, оно способно не только отражать реально существующие, но и устанавливать новые, значимые для индивида связи объектов, являющиеся результатом осознания и познания объекта.

В описание ассоциативного поля большой вклад был сделан Ю.Н. Карауловым [1976; 1987; 1993; 1994], А.А.Залевской [1990; 1999], Н.В.Уфимцевой [1983], Н.И.Бересневой [1995], Е.И.Горошко [2001] и др.

Ассоциативное поле может быть построено по результатам ассоциативного эксперимента и представляет собой не менее сложную по структуре систему, чем другие типы полей. Согласно Н.И.Бересневой, ассоциативным полем считается упорядоченный по частотности набор реакций на стимул [Береснева, 1995]. Построенное по такому принципу поле дает возможность выявить некоторые ассоциативные нормы, которые в свою очередь могут оказать помощь в изучении семантики каждого отдельного слова. Фундаментальным трудом в данной области является монография Дж.Диза «Структура ассоциаций в языке и мышлении» (1965), в которой автор экспериментально установил корреляцию семантических и ассоциативных характеристик слова. Кроме того, им доказано, что возможно изучать не только семантику одного слова и его корреляцию с ассоциативными структурами, но и сравнивать на этой основе два любых слова-стимула в плане сходства – различия их семантики. Важным результатом данного исследования следует считать выявление двух базовых

операций для классификации значения: противопоставление и объединение – аналоги антонимических и синонимических связей слова.

Ассоциативное поле у каждого человека свое и по составу наименований и по силе связей между ними. В отличие от лексико-семантического поля ассоциативное поле нельзя определить как «группу слов достаточно тесно связанных по смыслу». Слова-реакции в ассоциативном поле связаны друг с другом не достаточно тесно, потому что поле выстраивается на основе отношений между словом-стимулом и словом-реакцией, которые независимо от других оснований членения поля определяются степенью удаленности/приближенности к ядру. Актуализация той или иной связи реакции при ответе на стимул носит ситуативный характер.

На характер отдельных ассоциаций и всего ассоциативного поля в целом оказывает влияние возраст, особенности географических условий, профессия человека и ещё ряд факторов антропоцентрического плана. Однако принадлежность к одному народу, одной культуре делает центр ассоциативного поля достаточно стабильным. Так, по данным А.А.Залевской, самые частые ассоциации к стимулу ХЛЕБ для русских – СОЛЬ, для узбеков – ЧАЙ, а для французов – ВИНО [Залевская, 1999].

Данный факт, на наш взгляд, даёт основание утверждать, что национально-культурный фактор в формировании ассоциативных связей и ассоциативных полей играет немаловажную роль.

Структура ассоциативного поля имеет ядерно-периферийный характер. Ядром ассоциативного поля являются несколько наиболее частотных реакций на слово-стимул, которые фиксируют толкование лексической единицы, денотативные компоненты ее семантики. Периферийные зоны также представляют собой значимые в аспекте представления концептуального значения компоненты, в которых чаще фиксируются коннотативные, прагматические, ситуативные, индивидуальные составляющие значения слова.

В ассоциативном поле наблюдается такое распределение составляющих его элементов, при котором связь осуществляется только по линии «стимул – реакция», а между реакциями не существует достаточно тесной смысловой связи.

В ассоциативном поле не проявляется свойство взаимоопределяемости элементов, так как между реакциями отсутствует семантическая связь и они не могут заменять и дополнять друг друга. Однако отсутствие данного принципа не мешает говорить об относительной самостоятельности и принципиальной выделяемости ассоциативного поля.

Одним из значимых свойств ассоциативного поля, согласно Ю.Н.Караулову, является стремление к нулю показателя времени, так как связи, его составляющие, созданы спонтанно, естественно. Именно поэтому ассоциативное поле максимально приближено к отражению определенных мыслительных структур, например механизма ассоциирования. Таким образом, ассоциативное поле, отражая мыслительные структуры, может рассматриваться в качестве характеристики индивидуума, носителя языка, по-своему воспринимающего действительность.

Если говорить о типологии отношений слов-стимулов и слов-реакций в ассоциативном поле, то существует несколько классификаций, построенных по разным основаниям. Пытаясь выявить все принципы, лежащие в основе связей между словами, учёные предлагают самые различные классификации реакций, полученных в ходе ассоциативных экспериментов. За внешним многообразием реакций лежат разные стратегии поиска ассоциации на исходный стимул. Классификация реакций может основываться на одном из двух принципов:

- 1) отношение реакции к стимулу;
- 2) направление ассоциирования, стратегия ассоциативного поиска, благодаря которому у испытуемого возникают такого типа реакции;

Разделение данных оснований для классифицирования реакций, как подчёркивает И.Г.Овчинникова, достаточно формально, так как отношение

реакции к стимулу – следствие определённой стратегии ассоциирования [Береснева, Овчинникова, 1995].

Классифицирование ассоциативных реакций является достаточно трудной задачей, так как стратегии поиска реакции на исходный стимул весьма разнообразны, и наблюдать этот поиск непосредственно невозможно. Отсюда большое количество классификаций, в основе которых лежат различные принципы.

Одна из самых развернутых классификаций реакций в ассоциативном поле была предложена А.П.Клименко, в основе которой лежат законы Д.Диза об ассоциировании и идеи А.Р.Лурия о стратегиях вербального поведения испытуемых во время проведения свободного ассоциативного эксперимента. Автор подразделяет все реакции на 6 больших подгрупп:

- 1) фонетические ассоциации, где имеется созвучие между стимулом и реакцией, а семантическая связь либо не выражена, либо выражена слабо;
- 2) словообразовательные ассоциации;
- 3) парадигматические реакции, которые отличаются от стимула не более чем по одному, хотя и существенному, семантическому признаку;
- 4) тематические ассоциации, которые могут либо составить вместе со стимулом грамматически отмеченное сочетание слов в результате грамматического изменения реакции, либо могут быть употреблены в рамках тематически ограниченного контекста (предложения);
- 5) синтагматические реакции, составляющие вместе со стимулом подчинительное сочетание;
- 6) цитатные ассоциации (перенос цитат из литературных произведений, кинофильмов, пословиц, песен и т.п.).

Также среди современных типологий ассоциативных реакций известной является классификация Н.В.Уфимцевой, в основе которой лежит принцип формального отношения реакции к стимулу. Здесь выделены синтагматические, парадигматические, тематические, деривационные и фонетические реакции [Уфимцева, 1983].

Но формальные отношения не могут полностью исчерпывать взаимосвязи между стимулом и реакцией, поэтому вполне закономерна и оправдана классификация Н.И.Бересневой, созданная на основании семантического отношения реакции к стимулу [Береснева, 1995].

Все классификации реакций являются следствием понимания ассоциативного поля как лингвистической, так и когнитивной единицы. Предложенная Ю.Н.Карауловым [Караулов, 2000] концепция «семантического гештальта» в структуре ассоциативного поля, отвечает системно уровневому описанию языка и своеобразно упорядочивает ассоциации как в языковую систему человека, так и в «наивную картину мира» носителя языка. Ассоциативное поле рассматривается как совокупность структур: фонетической, лексической, синтаксической, морфологической, когнитивной, прагматической и статистической. Синтаксическая структура описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией. Лексическая структура рассматривается в данной концепции с точки зрения лексико-категориальных отношений, в которые вступают стимул и реакция, и как отражение микроструктуры, раскрывающей полисемию стимула. Морфологическая структура поля проявляется в словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакцией и стимулом. Когнитивная структура ассоциативного поля отражает разнообразные знания носителя о стимуле, запечатлеваемые в языке, в метафорических обозначениях стимула, тематически сконцентрированных группах реакций или в фреймах типовых психологических ситуаций, в афоризмах и идиомах. Прагматическая структура состоит из оценок, которые носители языка дают содержанию стимульного слова. Статистическая структура находит свое проявление в определенных количественных параметрах, обеспечивающих стабильность поля как психической, так и языковой реальности.

Все эти структуры превращают поле в единицу языка, при этом первые три структуры (лексическая, синтаксическая и морфологическая)

представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в единую лексико-грамматическую структуру, репрезентируют язык как таковой. Когнитивная структура, суммируя единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину миру и репрезентирует отношения «язык и человек».

Другими словами, ассоциативное поле в силу своих специфических свойств, которые являются следствием особенностей механизма ассоциирования и экспликации его результатов, репрезентирует всю гамму значений лексической единицы. При этом семантическое значение, реализующее языковые, системные отношения слова, предстает как составная часть концептуального значения.

1.7.1.3. Концептуальная сущность ассоциативного поля

Переход к новой антропоцентрической научной парадигме сопряжен в современной лингвистике с поиском новых принципов изучения языка и составляющих его единиц.

Поскольку в центр внимания поставлен носитель языка, то речь в отношении методов исследования идет уже не столько об изучении системности языка, сколько о преломлении этой системности в сознании носителей языка. Другими словами, возникает необходимость говорить о функционировании языковых единиц, поскольку всяческое восприятие, хранение, обработка и обмен полученной информации является одной из сторон функционирования языковой единицы.

Когнитивная наука, опирающаяся «не на индивидуальные свидетельства отдельных испытуемых о данной языковой единице, а на опыт всех носителей, закрепленный в языке», особо значимыми в этой связи считает психологические и психолингвистические эксперименты, которые позволяют «судить не только о специфических связях языковой единицы в индивидуальном сознании, но и о конвенционально обусловленных связях» [Лукашевич, 2002. С.32 - 33].

Введение таких теоретических конструктов, как концепты, в контекст исследований направлено на то, чтобы: 1) выделить в нем ряд зависимых и независимых друг от друга пространств: лингвальное и ментальное; индивидуальное и конвенциональное и др.; 2) установить пути «врастания» того или иного концепта в материю языка; 3) выявить концептуальные структуры (то есть связи, зависимости между концептами в пределах одной и той же концептуальной системы индивида), посредством которых интерпретируется изучаемый концепт [Белоусов, Блазнова, 2004. С. 53].

Утверждение концептуальной сущности ассоциативного поля имеет под собой, на наш взгляд, достаточно веские основания. На это указывает в своей работе Н.И.Жинкин, говоря, что при возникновении лексемы «происходит чудо – слова пропадают, и вместо них возникает образ той действительности, которая отображается в содержании этих слов» [Жинкин, 1982. С.53]. В продолжение этой мысли мы предполагаем, что носители языка, реагируя на слово-стимул, ассоциируют возникший образ с другими образами, чем и обуславливают концептуальность ассоциативного поля.

Однако существуют и другие доказательные возможности для объяснения концептуальной основы ассоциативного поля, и связаны они в первую очередь с развитием когнитивной лингвистики, основными вопросами которой являются вопросы фиксации, хранения, переработки и передачи знаний, а также способе их языкового представления.

В этом отношении необходимо сказать о тесной связи ассоциативного поля и внутреннего лексикона, который, по мнению многих лингвистов [Залевская, 1999; Кубрякова, 1997], и является своеобразной системой «упаковки» знаний. Ассоциативное поле, по нашему мнению, дублирует структуру лексикона, но в отношении только одного слова, то есть является составным его компонентом. Другими словами, ассоциативное поле так же, как и лексикон, репрезентирует знания носителей языка об определенной лексической единице.

При этом мы предполагаем, что реакции, составляющие содержание ассоциативного поля, эксплицируют знания носителя как об экстралингвистическом содержании слова, так и его языковых, грамматических характеристиках. При объединении знания о мире и знания о языке на основе общности изучения процессов хранения и переработки информации возникает вопрос о том, как соотносятся между собой языковые и неязыковые когнитивные структуры.

То, что ассоциативное поле носит когнитивный характер, можно утверждать, опираясь на концепцию категоризации Дж. Лакоффа. Он утверждает, что категоризация является результатом мыслительной деятельности человека и, таким образом, изучая категории, которые реально существуют только в языке, наука получает возможность проникнуть в суть человеческого мышления. Мышление организует знания посредством особых структур, которые могут быть определены как идеальные когнитивные модели [Лакофф, 1995]. Ассоциативное поле в данном случае является результатом экспликации данной когнитивной модели, с помощью которой можно изучить механизм категоризации и сделать вывод о соотношении лингвистических и объективных знаний.

Одним из центральных понятий когнитивной теории является понятие концепта. По мнению Е.В.Лукашевич, признаки концепта можно обнаружить в самых разных языковых единицах. Концепты не изолированы друг от друга [Лукашевич, 2002. С.33], что обеспечивается, на наш взгляд, континуальностью реальной действительности. Они имеют ядерно-периферийную, прототипическую структуру. Указанные свойства языковых концептов сближают их с ассоциативными полями, давая нам возможность говорить о концептуальном характере ассоциативного поля.

В этом отношении нам представляется возможным говорить о фреймовом характере реакций в ассоциативном поле. В понимании фрейма как некоторой когнитивной модели, связанной прежде всего с образами, отражающими особенности организации языковой системы и

соответствующими представлению свойств коммуникативной ситуации, мы следуем за М.Минским [Минский, 1979] и Ч. Филлмором [Филлмор, 1988].

Согласно их теориям, семантика слова носит фреймовый характер, и изучение лексического значения слова именно с этих позиций заключается не только в том, чтобы описать стоящее за словом мыслительное представление, но и выделить в этом мыслительном представлении наиболее важные аспекты, которые определяют специфику значения и отличают его от значений остальных лексических единиц. Наиболее актуальным данный вывод предстает в отношении близких по лексическому значению слов.

Ассоциативное поле выступает своего рода суммой фреймов, которые представлены в поле в виде разнообразных по лексическому и грамматическому наполнению реакций, являющихся отражением знаний носителя о данной лексической единице, активизированных в сознании носителя языка звуковой формой. Необходимо также учитывать, что слово несет информацию не только об обозначаемом, но и о связи этого обозначаемого с другими объектами и явлениями материального мира, а также информацию о соотношении данного обозначения с другими обозначениями, функционирующими в языке. Следовательно, слово выступает сразу в двух ипостасях: как самостоятельное, отдельно взятое обозначение и как составляющая некоторой языковой категории. Таким образом, значение слова-стимула представляет собой экспликацию целостной мыслительной картинке, представляющей собой более общий фрейм той конкретной ситуации, которая складывается из отдельных названных реакциями ситуаций, в которых находится каждый участвовавший в опросе носитель языка.

Использование ассоциативного эксперимента и ассоциативных полей, созданных на его основе, позволяет обнаружить сходство и различие значений на когнитивном уровне, обобщая когнитивные представления, стоящие за внешне схожими лексическими единицами. Другими словами, поиск схожих и различающихся компонентов в семантике однокорневых

лексических единиц, основанный только на семантических характеристиках сравниваемых слов, не принесет желаемых результатов, поскольку их сходство или разница строится на более глубинных, практически неуловимых библиографическим описанием признаков. Ассоциативное поле предоставляет такие возможности, поскольку в его состав входят такие мельчайшие характеристики, позволяющие сделать вывод об основаниях различия сравниваемых слов. Фреймовый характер ассоциативного поля и обеспечивает, на наш взгляд, объективность изучения дифференцирующих основ семантики однокорневых лексических единиц.

Таким образом, сопоставление ассоциативных полей как метод исследования семантических расстояний между деривационно связанными словами является оправданным как с позиций когнитивной науки, основывающейся на данных языкового сознания носителей языка, так и с точки зрения традиционной лингвистики, поскольку в ассоциативном поле можно проследить все системные связи, существующие между словами, которые позволяют сделать вывод о лексическом значении языковой единицы (через отраженные в поле денотативный, коннотативный, прагматический компоненты) и сравнить ее со значением другой.

Выводы к Главе 1

В итоге всего сказанного представляется возможным сделать некоторые выводы.

Наше диссертационное исследование выполняется в рамках лингвистических исследований, направленных на решение проблемы системного описания деривационных отношений и представляет собой комплексное, системно-функциональное исследование с целью установить специфику системных отношений между однокорневыми отглагольными именами.

Специфика системных отношений деривационно связанных слов в данном исследовании раскрывается через понятие семантического

расстояния, понимание которого подготовлено целым рядом исследований (А.Вежбицкая, И.А.Мельчук, И.С.Улуханов, Н.Д.Голев, А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева, Н.В.Семенова, И.А.Смирнова и др.).

Существование семантического расстояния является возможным только в некотором пространстве, где лексические единицы связаны между собой на основании не только формальных, а содержательных отношений. Таким пространством может быть внутренний лексикон человека как макропространство взаимосвязей лексических единиц и ассоциативное поле как его составная часть, или микропространство.

Проблема измерения семантического расстояния решается в работе на материале отглагольных существительных, которые относятся к одной из проблемных групп производной лексики в силу оппозитивного характера номинируемых глаголом и именем существительным объектов и явлений реального мира. Другой причиной, определяющей проблемность этой группы лексики, является неустойчивый характер семантики отглагольного имени. Детальное рассмотрение компонентов категориальной и глагольной семантики не только вносит ясность в решение вопроса о значимости значения мотивирующего слова в составе производного, но и определяет группу факторов, на основе которых возможно решение поставленных в работе задач по разработке принципов измерения семантического расстояния.

Способность к непосредственной деривационной трансформируемости глагола на основании значения процессуальности, и неспособность существительного как части речи к трансформации своего значения предметности в слова других частей речи во многом определяет дальнейшее развитие деривационного потенциала в производных отглагольных именах. Механизмы лексической мотивации объясняют возможность трансформируемости процессуального значения в субстантивную форму.

Пути деривационного развития отглагольного субстантива зависят от того, насколько трансформируется исходное глагольное значение в составе производного, и какую роль при этом играет именное частеречное значение.

Вопрос о необходимости измерения произошедших в результате горизонтальной или вертикальной деривации изменений в значениях отглагольных субстантивов определяется сложностью решения глобальной проблемы деривационной системности лексики русского языка. Изучение количественно-качественных характеристик семантического расстояния между деривационно связанными словами вносит ясность в решение вопроса о соотношении транспозиционного, модификационного и мутационного словообразования.

Одним из факторов, оказывающих влияние на формирование системных отношений, является семантика словообразовательного типа. Значение, содержащееся в словообразовательном форманте, в некоторой степени предопределяет направление развития лексического значения слова. Особая роль здесь отводится системным отношениям самих словообразовательных типов.

Изучение семантического расстояния в языкознании осуществлялось как лингвистическими, так и психолингвистическими методами. В нашей работе семантическое расстояние рассматривается как количественно-качественные изменения в семантике деривационно связанных слов, зарегистрированные путем сопоставления их ассоциативных полей, поэтому предполагает использование психолингвистических методов исследования.

Возможность использования ассоциативного поля в качестве средства получения информации о различиях в составах лексических значений исследуемых слов вытекает из общих свойств ассоциативного поля как полевой структуры и специфических характеристик, присущих только данной системе. Благодаря связи элементов в составе поля, их межполевым отношениям, обеспечивающим непрерывность языкового пространства, а также на основании концептуальной сущности ассоциативное поле обладает

свойством представлять лексическое значение слова со всем спектром лингвистических и экстралингвистических знаний о называемом предмете или явлении реального мира.

Таким образом, ассоциативное поле может являться средством получения информации о существовании некоторого семантического расстояния между сходными лексическими единицами. Сделанные после первичного качественного анализа ассоциативных полей результаты должны быть дополнены и уточнены сведениями, полученными после интерпретации данных направленных ассоциативных экспериментов.

Глава 2. Экспериментальное исследование семантического расстояния деривационно связанных слов

2.1. Описание материала исследования

Экспериментальное исследование семантического расстояния деривационно связанных слов выполнено нами на материале отглагольных однокорневых существительных со значением процессуального действия. Необходимость изучения семантического расстояния в данной группе слов продиктована отсутствием единообразия в описании лексического значения отглагольных существительных со значением процессуального действия в лексикографических источниках, которые не в полной мере отражают смысловые различительные оттенки однокорневых слов.

Стимульным материалом для проведения экспериментов в нашем исследовании послужили известные носителям русского языка однокорневые отглагольные существительные со значением процессуального действия, вызывающие затруднения при их употреблении в определенной коммуникативной ситуации, а также мотивирующее их слово – глагол.

Исходный словник, насчитывавший 177 трехчленных парадигм, был составлен приемом сплошной выборки из «Словаря трудностей русского языка» под ред. Д.И.Розенталя, М.А.Теленковой, в задачи которого входит отражение проблемных ситуаций функционального характера. Однако при первичной обработке собранного материала выяснилось, что отобранные лексические единицы могут быть классифицированы согласно нескольким словообразовательным типам:

- 1) глагол – отглагольное существительное с суффиксом -ниј- -
отглагольное существительное с суффиксом -к- (*получить – получение – получка; зимовать – зимование – зимовка; татуировать – татуирование – татуировка* и др.);
- 2) глагол – отглагольное существительное с суффиксом -ниј- -
отглагольное существительное с суффиксом -циј-

(изолировать – изолирование – изоляция; констатировать – констатирование – констатация и др.);

3) глагол – отглагольное существительное с суффиксом -ниј-
отглагольное существительное с нулевым суффиксом
(сшивать – сшивание – сшив, приказать – приказание – приказ и др.);

4) глагол СВ – отглагольное существительное с суффиксом -к- /
нулевым аффиксом – глагол НСВ – существительное с суффиксом -ниј-
(очистить – очистка; очищать – очищение; смешать – смесь; смешивать – смешение и др.)

5) глагол – отглагольное существительное с суффиксом -аж-
отглагольное существительное с суффиксом -ниј- -
(монтировать – монтаж – монтирование и др).

Предположив, что данные словообразовательные модели накладывают отпечаток типичности на проявление изучаемых нами отношений в данной трехчастной парадигме (см. п. 1.6. настоящего исследования), мы сократили данный список до 44 парадигм, то есть до 132 лексических единиц, что позволило также рассчитывать на получение объективных данных. В данный список вошли парадигмы всех названных выше словообразовательных моделей.

Информантами нашего исследования выступили носители русского языка. Таковыми мы считаем людей, которые осваивали русский язык с самого рождения в русской этнической среде, благодаря чему они обладают не только полученными во время обучения, но и интуитивными знаниями русского языка. Наше исследование основано на данных ассоциативных экспериментов, респондентами которых явились студенты языковых и неязыковых факультетов средних и высших учебных заведений города Бийска Алтайского края. Выбор данной категории носителей основывается на представлении о том, что к 17-22 годам языковая способность говорящего сформирована полностью [Караулов, 1994].

Собранный языковой материал не дифференцировался по уровню образования, половому, возрастному, профессиональному признаку реципиентов, так как это не вносит особой ясности в решение задач работы, в которой вопрос ставится о системных отношениях лексических единиц.

В подтверждение гипотезы об отсутствии в лексикографической практике традиции в описании особенностей значения отглагольных существительных, обозначающих процессуальное действие, нами в отношении изучаемой группы парадигм был исследован Большой толковый словарь [Кузнецов, 1998]. Результаты данного анализа показали, что наиболее разнообразное представление в толковых словарях имеет группа существительных с суффиксом -ниј-: 72% существительных этой группы представлены в одной словарной статье с мотивирующим глаголом без отдельного описания значения; 22% существительных этого типа имеют отдельную статью, где зафиксирована связь с мотивирующей основой способом отсылки; 6% слов данного словообразовательного типа, выявленные в Словаре трудностей [Розенталь, Теленкова, 1987], не зафиксированы в толковых словарях.

Группа отглагольных существительных с суффиксом -к- также обладает определенным разнообразием в представлении своего лексического значения в толковых словарях: 66% слов этой группы имеют для описания значения отдельную статью, где способом отсылки указана связь с мотивирующей основой, а также представлено вторичное значение, имеющее конкретный (предметный) характер. 34% слов данного словообразовательного типа представлены в общей словарной статье с исходным глаголом.

Наиболее последовательно представлены в толковых словарях значения отглагольных существительных, образованных с помощью суффикса -циј- и в рамках безаффиксного словообразовательного типа: у 88% и 94% (соответственно) слов этих групп значения описаны в отдельной от глагола словарной статье.

Проведенный анализ показал, что словари формализованно фиксируют различное расстояние между деривационно связанными словами: одни лексические единицы, оформленные в отдельную статью, демонстрируют большее расстояние, чем те, которые включены в единую с исходным словом словарную статью.

Мы предполагаем, что причиной затруднения носителями языка в выборе одного из однокорневых отглагольных существительных являются некоторые различия в лексических значениях этих слов, не зафиксированные и не отраженные в словарях. Для подтверждения этой гипотезы был проведен эксперимент для выяснения степени осознаваемости этих различий носителями языка.

Для определения степени семантического расстояния был применен метод субъективного шкалирования, в ходе которого 70 реципиентам было предложено определить расположение пары слов на шкале тождества-различия по пятибалльной шкале от 0 до 4.

В инструкции к эксперименту указывалось, что при выборе 0 реципиентам необходимо руководствоваться положением об отсутствии в семантике слов общих компонентов, при выборе 1-3 – об увеличивающемся количестве сходных компонентов в значении сравниваемых слов, а 4 обозначает наличие наибольшего количества общих семантических признаков, то есть слова обладают одинаковым лексическим значением.

Для каждой из предложенной реципиентам пар нами было определено ее расположение на шкале тождества-различия по формуле: $C = \text{сумма всех ответов} / \text{количество полученных ответов}$. В представленной таблице парадигмы расположены в порядке увеличения степени общности значения

Таблица 1
Распределение коррелирующих парадигм на шкале тождества/различия

отрезок шкалы		
0-1	мочка – мочение	тренировка – тренаж

1-2	прокат – прокатка расписывание – расписка смесь – смешение получка – получение	датирование – датировка лимитирование – лимитация редактирование – редакция сшивание - сшив
2-3	констатирование – констатация проход – прохождение декламирование – декламация группирование – группировка обозрение – обзор идеализирование – идеализация монтирование – монтаж роптанье – ропот очищение – очистка	грунтование - грунтовка балансирование – балансировка накачивание – накачка разрезание – разрез щебетание – щебет демонстрирование – демонстрация аргументирование – аргументация шелестение – шелест записывание – запись
3-4	информирование – информация жестикулирование – жестикуляция продувание – продувка выруб – вырубка лов – ловля беганье – бег корректирование – корректировка амнистирование – амнистия	выкорчевывание – выкорчевка ремонтрование – ремонт татуирование – татуировка приказание – приказ инструктирование – инструктаж храпение – храп зимование – зимовка отправление - отправка

Более наглядно количественное распределение по группам представлено в диаграмме 1.

Диаграмма 1
Количественное распределение коррелирующих парадигм на шкале тождества/различия

Согласно представленным в таблице и диаграмме результатам основная часть исследуемых парадигм (41%) имеет большое количество общих

компонентов в семантике, а 36% однокорневых отглагольных субстантивов находятся, по мнению реципиентов, в отношениях синонимии.

Особый интерес представляет, на наш взгляд, интерпретация результатов данного эксперимента с точки зрения расположения на шкале тождества/различия коррелирующих словообразовательных типов.

Представим полученные данные для названных в Русской грамматике синонимичными словообразовательных типов «глагол + -ниј-», «глагол + -циј-», «глагол + -к-», безаффиксный способ отглагольного субстантивного словообразования в следующей таблице:

Таблица 2
Соотношение распределения коррелирующих словообразовательных типов на шкале тождества/различия

	-ниј- / -циј-		-ниј- / -к-		-ниј- / - ~~к~~ -	
	на отрезке (%)	относительно всех (%)	на отрезке (%)	относительно всех (%)	на отрезке (%)	относительно всех (%)
0 – I	-	-	50	6	-	-
I – II	12	12	36	18	24	15
II – III	27	62	27	31	39	59
III - IV	12	25	36	37	24	31

Данные таблицы показывают, что лексические единицы, составляющие корреляцию -ниј- / -к- обладают, по мнению носителей языка, наибольшим количеством сходных компонентов, то есть их значения, как было указано в условии к эксперименту, одинаковы.

Наименее схожи лексические значения слов, составляющие корреляцию -ниј- / -циј-. В объяснении причин данному факту мы согласны с Т.В.Ковалевой, утверждающей, что лексическое значение слов с суффиксом –циј- помимо значения процессуальности имеет результативное значение [Ковалева, 2004. С. 179], что и обеспечивает деривационному функционированию слова иные возможности в сравнение с существительными на –ниј-.

Из таблиц видим также, что практически все коррелирующие по словообразовательному типу парадигмы отмечены на каждом из отрезков шкалы тождества/различия. Данная ситуация отражает, на наш взгляд, полевую структуру словообразовательного значения того или иного типа.

Необходимо отметить также тот факт, что отнесенность слова к тому или иному словообразовательному типу не объясняет всех причин корреляции однокорневых слов. Высказанное предположение подтверждается данными таблицы. В ней мы видим, что каждая из корреляций зафиксирована на отрезках шкалы с разной степенью сходства компонентов в лексическом значении сравниваемых слов.

Полученные результаты не дают полного представления о причинах, которыми руководствовался носитель языка во время своего выбора, то есть данный эксперимент не выявляет характера связей между исследуемыми словами. Следовательно, по его результатам нет возможности составить мнение о причинах, определяющих разную степень семантического расстояния между однокорневыми отглагольными существительными, обозначающими отвлеченное процессуальное действие.

Нам представляется возможным в целях решения поставленной задачи использование метода сопоставительного анализа составленных для каждой части исследуемой нами парадигмы ассоциативных полей, объяснительная сила которого раскрыта в статьях [Шкуропацкая, 2004; Семенова, 2004; Голев, 2006]. По мнению Н.Д.Голева, «свободное ассоциирование осуществляется преимущественно на семантической основе» [Голев, 1989. С.28]. Это дает нам основания предположить, что реакции ассоциативного поля дают возможность увидеть даже малейшие оттенки лексического значения слова-стимула и на этом основании провести сопоставительный анализ со значением другого слова-стимула.

Мы предполагаем также, что выявленные в ассоциативном поле связи между реакциями лишь в самом общем виде определяют направление дальнейшего сопоставительного анализа. Таким образом, считаем

необходимым использование в нашем исследовании дополнительных методов изучения семантического значения, которые позволят составить наиболее объективное представление о лексических и грамматических категориях, определяющих семантическое расстояние между сравниваемыми словами. Исходя из этого, дальнейшая программа исследования семантического расстояния между однокорневыми отглагольными существительными может быть представлена следующим образом:

1. По результатам свободного ассоциативного эксперимента составить ассоциативные поля для каждого члена парадигмы.

2. Проанализировать ассоциативные поля глаголов и существительных, для того чтобы определить совпадения и дифференциации как в ядерных, так и в периферийных зонах.

3. На основе данных ассоциативных полей с помощью введения количественных характеристик определить степень влияния категориальной семантики глагола и существительного на формирование семантики производных имен и их системных отношений.

4. Исследовать влияние видовых глагольных значений на семантику отглагольных существительных по данным ассоциативных полей, а также по результатам эксперимента с использованием метода факторного анализа.

5. Осуществить более глубокий анализ лексической дифференциации однокорневых отглагольных существительных по данным ассоциативных полей с опорой на свойство полиситуативности исходного глагола.

6. Определить положение каждого словообразовательного типа на шкале тождества-различия с учетом данных, полученных по результатам различных методов исследования.

2.2. Состав и свойства ассоциативных полей глаголов и имен существительных (по результатам эксперимента)

Решение одной из главных задач нашего исследования – определение семантического расстояния между однокорневыми отглагольными

существительными и их исходным глаголом – необходимо осуществить в рамках метода сопоставления ассоциативных полей названных лексических единиц. Другими словами, для определения количественно-качественных различий в составе лексических значений исходного глагола и его однокорневых кодериватов необходимо создать и проанализировать ассоциативные поля сопоставляемых слов.

Ассоциативный словарь [Караулов, 1994] не предоставляет возможности осуществить в полной мере анализ исследуемых нами слов по причине того, что в нем представлены лишь отдельные части исследуемого нами корпуса отглагольных существительных и производящих их глаголов или только одна часть трехчастной парадигмы. Поэтому нами было принято решение о создании по результатам свободного ассоциативного эксперимента ассоциативных полей для лексических единиц, не охваченных словарем.

Для верификации выдвинутых в работе положений мы обратились к одному из самых распространенных в современной лингвистике методов – методу ассоциативного эксперимента. При обращении к данному методу мы учитывали как его преимущества, так и его недостатки, для избежания которых были проведены дополнительные эксперименты, внесшие уточняющую информацию в наше исследование.

Метод ассоциативного эксперимента имеет две разновидности – свободный и направленный ассоциативный эксперимент. Суть первого заключается в том, что испытуемый должен ответить на предложенный экспериментатором определенный набор слов-стимулов любым пришедшим ему в голову словом. Количество слов-стимулов и порядок их предъявления определяется самим экспериментатором в зависимости от целей исследования. Особенность направленного ассоциативного эксперимента состоит в том, что ассоциативные реакции испытуемого ограничиваются условиями семантического или формального характера. Данные ограничения

задаются экспериментатором в форме дополнительной инструкции перед началом проведения эксперимента.

Поскольку основным методом, заявленным в нашей работе, является метод сопоставления ассоциативных полей, для их получения необходимо было провести свободный ассоциативный эксперимент, где в роли слова-стимула выступал каждый член изучаемой парадигмы, а испытуемые в предварительной инструкции не ограничивались ни формальными, ни семантическими критериями для написания слова-реакции.

Подобный ассоциативный эксперимент был проведен с тремя группами реципиентов. Одной группе (в количестве 83 человек) в качестве слов-стимулов были предъявлены глаголы. Частеречное однообразие слов, предъявленных в данной группе, продиктовано тем, что каждый глагол называет некую ситуацию со множеством составляющих ее компонентов, ассоциативное описание которой не позволяет респонденту обращать особое внимание на принадлежность стимулов к одной и той же части речи. В двух других группах (72 и 77 реципиентов) были предложены отглагольные существительные, образованные по различным словообразовательным моделям, что опять-таки отвлекало внимание реципиентов от однообразия в процессе ассоциирования и позволило получить достаточно разнообразные по грамматическому и лексическому характеру реакции.

Все стимулы в каждой из трех групп были предъявлены в устной форме, что обеспечило эксперименту скорость проведения и возможность предоставления для написания стимулов одинакового временного отрезка, а также невозможность возвращения к какому-то определенному стимулу, более тщательного его обдумывания. Время, отводимое на написание ассоциаций, ограничивалось 5-6 секундами, обеспечивало спонтанность, что в свою очередь также позволило добиться наиболее объективных реакций. В результате проведения данного ассоциативного эксперимента было опрошено 234 реципиента и получено 10374 реакции. Из данного количества отказы составляют 713 реакций, большая часть из которых приходится на

слова, являющиеся малоупотребительными или находящимися в сферах книжной или специальной лексики, например, *декламировать* (20) – *декламация* (32), *лимитировать* (19) – *лимитирование* (27) – *лимитация* (15) и др.

По результатам свободного ассоциативного эксперимента нами было составлено 133 ассоциативных поля, под которым мы, как указывалось ранее, понимаем набор не только частотно упорядоченных, но и расположенных в алфавитном порядке реакций. Первичное исследование ассоциативных полей выявило все структурные элементы данной структуры, а именно ядро и периферию, которая в свою очередь также имеет иерархическое строение: ближнюю и дальнюю периферические зоны.

На примере ассоциативных полей, полученных для парадигмы *бегать* – *бег* – *беганье* рассмотрим их структуру.

бегать

спорт(13), кросс(7), прыгать(7), быстро(5), стадион(4), физкультура(4), заниматься спортом(3), кроссовки(3), спринт(3), ноги(2), скорость(2), по лесу(2), убежать(2), ходить(2), бег, ветер, в лесу, двигаться, дорога, дорожка, за кем-то, заяц, идти, лужа, марш, нагрузка, ноги, от милиционеров, передвижение, по дороге, по кругу, по стадиону, скрываться, соревнования, стоять, трусцой, 100 метров;

отказ: 1

беганье

спорт(16), кросс(8), ноги(7), бег(2), кроссовки(2), движение(2), скорость(2), спортсмен(2), тренировка(2), физкультура(2), беглец, бегун, белье, быстрота, веселье, в зале, дорожка, жизнь, здоровье, кеды, марафон, напряжение мышц, погоня, получение прав в ГАИ, по полю, по стадиону, прыгание, суета, тропинка, трусца, тупое, утро, фигура, ходьба быстрая; Adidas

отказ: 2

бег

спорт(15), с препятствием(5), спортсмен(5), стадион(4), дистанция(3), дорога(3), ноги(3), соревнование(3), быстрота(2), кросс(2), кроссовки(2), по кругу(2), спринт(2), ходьба(2), атлет, болят ноги, быстрая ходьба, быстрый, вид спорта, выносливость, галоп, движение, дорожка, занятие спортом, из тюрьмы, легкая атлетика, легкоатлет, медаль, на скорость, на 100 метров, опасность, погоня, пот, препятствие, преступление, трусца, трусцой, удрать, 100-метровка

отказ: 1

Ядро поля составляют наиболее частотные реакции, но для каждого построенного поля количественный и частотный параметры различны и зависят от степени употребительности слова-стимула, от его расположения в активном словарном запасе носителя, другими словами, от места

расположения данной лексической единицы в верхних или глубинных слоях внутреннего лексикона реципиента.

При сопоставлении ассоциативных полей трех членов всех исследуемых парадигм выяснилось, что качественный состав ядерных зон большинства из них, а именно 54,5% сохраняется, что свидетельствует о тесной связи в сознании носителей языка однокорневых слов. Таковыми являются парадигмы *амнистировать – амнистирование – амнистия* с ядерными реакциями *свобода* с частотностью 12-8-24 соответственно; *грунтовать – грунтование – грунтовка* с наиболее частотной реакцией *земля* (13-6-9 соответственно); *жестикулировать – жестикулирование – жестикуляция* с общей реакцией *руки* (13-15-16) и ряд других парадигм. Необходимо отметить, что данная корреляция осуществляется не только на основе фонетического сходства, но важным является то, что в основу связанности положено сходство денотативного компонента лексического значения сравниваемых слов. Следовательно, чем больше совпадений в составе ядерных зон у всех трех деривационно связанных лексических единиц, тем больше оснований говорить о сохранении семантики мотиватора в составе значения того или иного отглагольного существительного.

В приведенной нами в качестве примера парадигме общей ядерной частью всех трех сопоставляемых полей является реакция *спорт*, которая реализует денотативное значение одного из ЛСВ мотивирующего и производных слов и позволяет говорить о совпадении ядерных значений исследуемых слов. Для пары *бегать – беганье* общую ядерную часть составляет также реакция *кросс*, которая увеличивает количество сходных компонентов в составе значения лексических единиц.

Кроме того, в ядрах слов содержатся также различительные компоненты значения, которые имеют для полей, а следовательно, и для лексических значений дифференцирующий характер. Так, для слова *бег*, по мнению носителей языка значимой является субъектная составляющая (реакция *спортсмен*), для мотивирующего глагола – сема темпоральности

(*быстро*), а также дифференциация от других спортивных движений (*прыгать*), для слова *беганье* – сема, указывающая на способ осуществления действия (*ноги*). Другими словами, уже в ядре полей намечена тенденция к расхождению лексического значения деривационно связанных слов.

Другими примерами, демонстрирующими обоснованность данного положения, являются ассоциативные поля для парадигмы *записать* – *запись* – *записывание*, где содержание уже ядерных реакций позволяет наметить основания для различения однокорневых дериватов: *ручка* (10) в поле слова *запись* и *лекция*(15) в поле слова *записывание*, свидетельствующие о важности в составе значения первого имени инструментального содержания и объектного в значении второго существительного.

Не менее важное значение имеют для исследования и сопоставительного анализа лексического значения слов и периферийные зоны поля. При их изучении становится возможным выявить системные связи слова-стимула, сигнификативные, коннотативные и прагматические компоненты его лексического значения. На этом основании можно определить тенденцию дальнейшего деривационного развития слова.

Периферийные зоны полей рассматриваемой нами парадигмы также предоставляют информацию для возможности дальнейшей дифференциации значений слов в парадигме. Так, для слова *беганье* имеет значение деривационная связность с другими словами деривационного поля, что подтверждается реакциями *бег*(2), *беглец*, *бегун*, в поле же другого деривата – *бег* – нет ни одной реакции, реализующей деривационно-мотивационные отношения. О менее значимой, но существующей темпоральной составляющей глагольного значения в значении имен можно судить по единичным реакциям в их полях *быстрота*, *быстрая ходьба*, *быстрый*, *на скорость*, *ходьба быстрая*. Периферийные зоны несут также информацию о реализации различных ЛСВ в составе поля. Так, например, в поле слова *беганье* реакции *получение прав в ГАИ*, *суета*, *тупое* отражают ЛСВ со значением «Хлопоты, заботы (связанные с хождением по разным

местам или с разездами)» [БТС, 1998. С.63]. Единичные реакции – *из тюрьмы, опасность, погоня, преступление, удрать* – в поле слова *бег* указывают на один из ЛСВ данного субстантива со значением «Самовольный, тайный, уход, отъезд» [БТС, 1998. С.63]. В ассоциативном поле производящего глагола также реализуется данный ЛСВ (*от милиционеров, скрываться*). Таким образом, уже первичный анализ состава полей парадигмы *бегать – беганье – бег* показал, что при сохранении ЛСВ «Вид спорта» исходного глагола, который является общим значением для всех трех слов, в полях субстантивов наблюдается дальнейшая семантическая дифференциация с более активной реализацией ЛСВ «хлопоты, заботы (связанные с хождением по разным местам или с разездами)» в поле слова *беганье* и увеличением количества реакций с общим значением «Самовольный, тайный, уход, отъезд» в поле слова *бег*. Можно предположить, что дальнейшее развитие лексических значений этих слов будет развиваться по данным направлениям.

После сопоставления ядерных и периферийных участков ассоциативных полей всех исследуемых нами парадигм мы пришли к выводу о том, что совпадение состава ядер глагола и однокорневых отглагольных имен наблюдается в большинстве случаев, что свидетельствует о сохранении денотативной части значения в процессе словообразования. Так, например, в парадигме *амнистировать – амнистия – амнистирование*, ядерную часть всех трех ассоциативных полей составляют реакции *свобода, освобождение*, для субстантивов общая ядерная часть увеличена за счет реакции *тюрьма*. Кроме того, качественный анализ ядерных участков позволяет говорить о том, что при сохранении денотата наблюдается изменение значимости сем производящего слова в составе производного. Подобную ситуацию можно наблюдать в парадигме *инструктировать – инструктаж*, где в поле существительного на первый план в ядерной части выдвигается субъектный компонент *инструктор*, в отличие от глагольного поля с ядерной реакцией *объяснять*. В парадигме *отправить – отправление – отправка* реакция

поезд, поезда является более частотной в поле существительных в сравнении с полем глагола, где данная реакция является составной частью периферии. Ядром же глагольного поля является реакция *письмо*, которая в поле слова *отправка* находится в области ближней периферии, а в поле другого имени не отмечена вообще. Примером, подтверждающим данное положение, служит также ядерная часть поля слова *проход*, где самой частотной реакцией является *туннель* (11). Значением «находящийся под землей» заявляется отличие данного слова от другого деривата – *прохождение*.

Информацию, на основе которой происходит дифференциация значений однокорневых субстантивов, содержат также и периферийные зоны. Примером могут служить ассоциативные поля для парадигмы *проходить – прохождение - проход*. В поле слова *прохождение* единичные реакции характеризуют данный процесс как преодоление препятствий в некотором соревновании или игре – *препятствий* (2), *тайги, тест, трудности, тур, уровень, Cowter Strike*. Ассоциаций, указывающих на подобный характер протекания действия обозначенного другим дериватом, не зарегистрировано.

В основу дальнейшего анализа полученных нами ассоциативных полей на предмет выявления качественных различий в сопоставляемых словах был положен принцип качественного разнообразия реакций в ассоциативных полях каждого из трех членов парадигмы. Определение коэффициента качественного разнообразия по формуле $K_{\text{разнообразия}} = N / M$, где N – количество различных реакций в поле слова (повторяющимися реакциями нами считаются все словоформы одного слова), M – количество всех реакций в поле слова, позволило нам в самом общем, первоначальном виде сделать предположение о существовании семантического расстояния в сравниваемых лексических единицах. Результаты проведенного анализа согласно корреляциям словообразовательных типов сопоставляемых существительных представлены в таблицах 3-6:

Таблица 3

Разнообразие реакций в ассоциативных полях парадигмы
глагол – существительное на -ниј- - существительное на -к-.

глагол	K _{разнообр}	существительное на -ниј-	K _{разнообр}	существительное на -к-	K _{разнообр}
группировать	0,63	группирование	0,64	группировка	0,43
балансировать	0,58	балансирование	0,71	балансировка	0,37
мочить	0,53	мочение	0,48	мочка	0,14
продувать	0,47	продувание	0,44	продувка	0,59
датировать	0,46	датирование	0,46	датировка	0,42
зимовать	0,45	зимование	0,36	зимовка	0,38
корректировать	0,43	корректирование	0,34	корректировка	0,42
грунтовать	0,42	грунтование	0,53	грунтовка	0,57
татуировать	0,31	татуирование	0,46	татуировка	0,49
накачивать	0,30	накачивание	0,3	накачка	0,35
получить	0,29	получение	0,41	получка	0,32
	0,44		0,46		0,4

Таблица 4

Разнообразие реакций в ассоциативных полях парадигмы
глагол – существительное на -ниј- - существительное на -циј-

глагол	K _{разнообр}	существительное на -ниј-	K _{разнообр}	существительное на -циј-	K _{разнообр}
изолировать	0,66	изолирование	0,58	изоляция	0,57
декламировать	0,62	декламрование	0,53	декламация	0,73
идеализировать	0,61	идеализирование	0,60	идеализация	0,68
информировать	0,6	информирование	0,62	информация	0,55
лимитировать	0,58	лимитирование	0,45	лимитация	0,40
аргументировать	0,47	аргументирование	0,46	аргументация	0,37
жестикულიровать	0,46	жестикულიрование	0,5	жестикуляция	0,51
констатировать	0,27	констатирование	0,25	констатация	0,30
	0,53		0,49		0,51

Таблица 5

Разнообразие реакций в ассоциативных полях парадигмы
глагол – существительное на -ниј- - безаффиксное существительное

глагол	K _{разнообр}	существительное на -ниј-	K _{разнообр}	безаффиксное существительное	K _{разнообр}
обозреть	0,57	обозрение	0,62	обзор	0,58
роптать	0,57	роптание	0,57	ропот	0,58
проходить	0,56	прохождение	0,66	проход	0,42
приказать	0,55	приказание	0,67	приказ	0,54
сшивать	0,53	сшивание	0,52	сшив	0,38
ремонттировать	0,51	ремонттирование	0,65	ремонт	0,42
бегать	0,43	беганье	0,5	бег	0,5

шелестеть	0,35	шелестение	0,27	шелест	0,29
разрезать	0,34	разрезание	0,44	разрез	0,41
храпеть	0,33	храпение	0,42	храп	0,4
щебетать	0,33	щебетание	0,28	щебет	0,38
	0,5		0,56		0,5

Таблица 6

Разнообразие реакций в ассоциативных полях парадигмы
глагол – существительные различных словообразовательных типов.

глагол	$K_{\text{разнообр}}$	существительное 1	$K_{\text{разнообр}}$	существительное 2	$K_{\text{разнообр}}$
монтировать	0,69	монтирование	0,79	монтаж	0,54
инструктировать	0,59	инструктирование	0,64	инструктаж	0,73
тренировать	0,57	тренировка	0,51	тренаж	0,66
прокатать	0,53	прокатка	0,63	прокат	0,39
амнистировать	0,47	амнистирование	0,45	амнистия	0,3
редактировать	0,39	редактирование	0,46	редактура	0,41
ловить	0,38	ловля	0,38	лов	0,26
вырубить	0,30	вырубка	0,21	выруб	0,34
	0,49		0,49		0,45

Если $K_{\text{разнообразия}}$ невысок, то есть количество повторяющихся реакций в составе поля велико, то это позволяет говорить в отношении языкового сознания о том, что данная лексическая единица обладает конкретным, типизированным, стандартизированным лексическим наполнением в сознании носителей языка. Причинами, обуславливающими высокий показатель $K_{\text{разнообразия}}$, могут стать наличие в составе лексического значения слова нескольких ЛСВ или его функциональные свойства, позволившие ему войти в активный словарь носителя языка. Последнее свойство обеспечивает, на наш взгляд, дальнейшее деривационное развитие слова.

Данные таблиц показывают также, что словообразовательные типы не всегда являются тем основанием, которое может обуславливать зависимость количества различных реакций в ассоциативном поле. Лишь в ряде случаев можно отметить тенденцию к увеличению $K_{\text{разнообразия}}$ в существительных, образованных с помощью суффикса –ениј- (см.табл. 3, 5), при этом другим

коррелятом в парадигме в 45,4% случаев является отглагольное существительное, образованное при помощи суффикса -к-; в 55,4% случаев - существительное, созданное в рамках безаффиксального словообразовательного типа, в котором данный коэффициент в сравнении с мотивирующим глаголом и другим кодерином также значительно ниже. Однако в других парадигмах с аналогичной словообразовательной корреляцией наблюдается иное положение: в словах, обозначающих звуковые номинации, отмеченная выше зависимость не просматривается, например, *шелестеть – шелест – шелестение, храпеть – храп – храпение*. Данный факт подтверждает наше предположение о том, что словообразовательный тип не является обязательным и единственным условием разнообразия реакций в ассоциативном поле.

Таким образом, после первичного анализа структуры ассоциативного поля выясняется возможность его использования в качестве средства получения информации о происходящих в составе значения слова изменениях, на этом основании установить его отличия от другой лексической единицы и определить их положение в системе языка.

2.3. Влияние категориальной семантики глагола и существительного на формирование системных отношений отглагольных субстантивов

Одинаковые реакции в ассоциативных полях существительных указывают не только на семантическую общность с исходным словом, но и свидетельствуют о сохранении отдельных грамматических категорий. Например, в поле глагола *жестикулировать* ядерные реакции *показывать* (б), *объяснять* (б), реакции ближней и дальней периферии *махать* (3), *махать руками* (3), *взмах, движение, изображать* коррелируют с реакциями *движение*(2), *махать руками* (2), *взмахи, изображение, объяснение, размахивание, размахивание руками, показ* в ассоциативных полях

существительных *жестикулирование* и *жестикуляция*. Но изменение частотности данных реакций, перемещение ядерных реакций в область ближней или дальней периферии являются свидетельством тому, что значимость глагольных категорий в составе значения производного имени изменяется.

Поэтому считаем необходимым обратиться к изучению содержательной стороны однокорневых отглагольных существительных с точки зрения проявления межкатегориальных взаимодействий в языке, так как это позволит подойти к решению одной из важнейших задач настоящего диссертационного исследования – определению степени семантических различий в отглагольных кодерибатах.

Решение вопроса о «наследовании» категориальных грамматических глагольных признаков отглагольными субстантивами является одной из важных задач нашего исследования, поскольку глагольные категориальные признаки определяют во многом, как было сказано выше, семантику производного существительного. В центре же нашего внимания находится не одно, а два отглагольных имени, образованных от одного мотивирующего слова.

Проблема преемственности грамматических категорий глагола в отглагольном словообразовании уже долгое время является дискуссионной. Этот факт связан с необходимостью решения целого ряда вопросов: какие грамматические категории заимствуются отглагольным именем; в полном или частичном объеме происходит это заимствование; одинаков ли этот объем в однокорневых отглагольных дериватах; каким образом выражается грамматическая семантика глагола в отглагольных производных. Ответ на эти вопросы позволит нам представить взаимодействие лексических и грамматических значений глагола и имени, а также выявить соотношение категориальных и некатегориальных значений в семантике имени.

В нашем исследовании мы исходим из предположения о том, что глагольные категории реализуются с разной степенью полноты в

отглагольных существительных. Поэтому необходимо, на наш взгляд, определить, какие грамматические значения сохраняются в семантической структуре нового слова, а какие – нивелируются.

В решении этого вопроса одни лингвисты придерживаются мнения о том, что глагольные категории стираются или нивелируются в именном производном. Другие высказывают точку зрения о том, что в имени происходит совмещение разнородных категориальных значений. Так, В.Н.Хохлачева видит внутреннюю диалектику словообразовательного процесса в преодолении несовместимости категориальных значений производящих и производных слов путем «подавления» категориальных свойств, воплощенных в производящих единицах, для обеспечения приоритета категориальных свойств производных слов [Хохлачева, 1969. С.99].

Характерна в данном аспекте точка зрения Н.А.Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 1965], которая отмечает, что грамматические значения глагола в очень незначительной степени влияют на личное или предметное значение производных имен существительных.

Несмотря на то, что производные имена сохраняют некоторые грамматические и семантические особенности исходного слова, они, вне всякого сомнения, стремятся отделиться от него, обособиться, приобрести семантическую специфику. Отглагольные субстантивы, генетически обладая временными, аспектуальными, динамическими свойствами, способны также нивелировать эти характеристики, определяющие характер глагольного процесса. При этом большинство из них получает свойства постоянства, целостности, отдельности. Полученная в результате процесса субстантивации семантическая изолированность от глагола обусловлена стремлением избежать избыточности, дублетности форм. Именно она (изолированность) приводит к сужению, специализации или, наоборот, к расширению круга лексических значений мотивата. Таким образом,

семантическая изоляция от глагола способствует усилению категориального значения предметности и ослаблению глагольности, процессуальности.

При ослаблении подобного рода грамматические категории глагола способны сохраняться в производном слове в большей или меньшей степени. Поэтому говорить о полном стирании глагольности в отглагольном мотиве нельзя уже даже по определению класса данных лексических единиц. Придерживаясь в своем исследовании мнения Е.С.Кубряковой о том, что «производное – это номинативный знак, сочетающий общекатегориальные значения исходного и результативного классов деривации и отражающий их в своей формальной и смысловой структуре расчлененным образом» [Кубрякова, 1978. С.65], мы считаем, что в пределах производного слова отражены и сосуществуют два категориальных значения.

Другой вопрос, требующий рассмотрения в нашем исследовании, касается способа выраженности категорий глагола в отглагольных именах. Каждая грамматическая категория характеризуется наличием или отсутствием определенных скрытых категориальных значений. Б. Уорф [Уорф, 1972. С.45] писал, что деление категорий на явные и скрытые является одним из важнейших различий для теории грамматических категорий. Существенным их отличием является то, что явные (открытые) категории находят формальное выражение, а скрытые содержатся в имплицитном состоянии. Это латентная, глубинная, имплицитная грамматика, характеризующаяся отсутствием специализированных форм для выражения грамматического значения. В русской лингвистике вопросами скрытой грамматики занимались А.А.Потебня, Л.В.Щерба, А.М.Пешковский, С.Д. Кацнельсон, О.М.Соколов. «...Отношения между формой и содержанием в грамматике противоречивы не только в том смысле, что одной грамматической функции может соответствовать несколько форм, и, напротив, одной грамматической форме может соответствовать несколько функций, но еще и в том более глубоком смысле, что не каждая грамматическая категория получает прямое и непосредственное выражение в

грамматических формах данного языка. Многие грамматические категории оказываются, с такой точки зрения, запрятанными в значениях слов и синтаксических связях слов в предложении» [Кацнельсон, 1972. С.82].

Взаимодействие категориальных и некатегориальных значений в семантике слова, явных и скрытых категорий в некоторой мере соответствует отношению грамматики и лексики. Изучение соотношения лексического и грамматического начал в слове является одной из центральных проблем изучения структуры лексического значения слова. Очевидно, что слово представляет собой внутреннее единство лексического и грамматического значений. При этом таким же естественным является и тот факт, что категориальная сема обуславливает во многом семантическую структуру производного слова. Давая определение лексическому значению слова, В.В.Виноградов включил в него указание на его грамматическую характеристику: «Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка» [Виноградов, 1972. С.19].

Категориальные значения глагола находят в производном имени зачастую неявное выражение, то есть чаще всего не имеют формальных средств выражения, что существенно осложняет решение вопроса о представленности скрытых категорий и способов их выражения.

Е.С.Кубрякова отмечает, что «отглагольное имя, будучи полимотивированным, оказывается в той же самой мере многозначным, хранящим потенциальные грамматические способности исходного глагола в латентном состоянии, которое при соответствующем окружении переходит к какому-то иному состоянию, менее замаскированному и скрытому» [Кубрякова, 1981. С.154]. В этой связи значимым является вопрос о том, каково же это «соответствующее окружение».

Согласно В.А.Кудрявцевой, разница в количестве и качестве воспроизведенных глагольных категорий находится в зависимости от специфики категории производного слова [Кудрявцева, 1991.С.22].

В связи с развитием антропоцентрической парадигмы на современном этапе лингвистики и развитием когнитивистики появились возможности с помощью ассоциативных экспериментов выявить, какие формы выражения скрытых категорий соответствуют определенным когнитивным моделям и закрепляются в сознании носителя за определенными словообразовательными структурами.

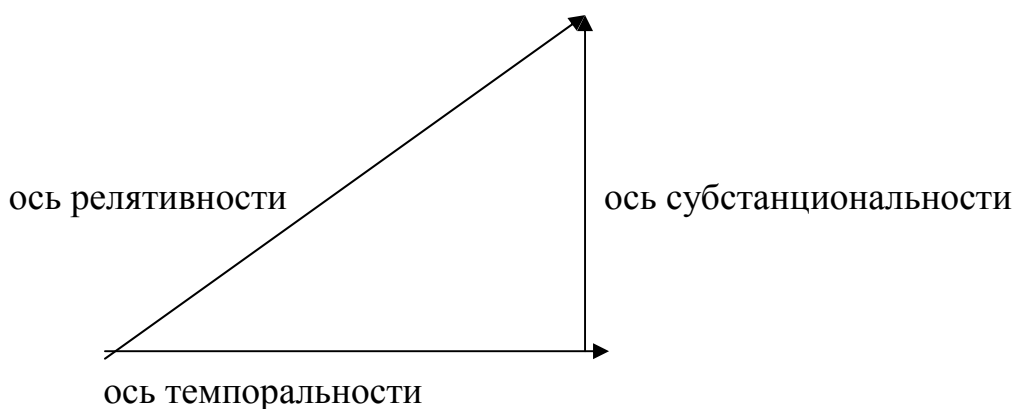
Перейдем к описанию категориального значения имени существительного. Оно представляет собой сложное многомерное образование отражательно-интерпретационного характера, раскрывающее в разных типах своего функционирования различные перспективы. Такое многообразие становится возможным благодаря семантической ёмкости имени существительного, которая проявляется в том, что в лексико-грамматический класс существительного объединяются и оформляются в совокупности грамматических и лексико-грамматических категорий обозначение предметов, отношений и свойств. Вещь, представляющая собой качественное единство признаков, отличное от других, отношение-процесс, существующий как взаимодействие во времени благодаря определенным свойствам предметов, качество, представляющее одно из безотносительных проявлений предметов – данные категории оформляются в грамматической форме предметности, которая и отличает имя существительное от всех других частей речи.

По сравнению с глагольной семантикой, включающей релятивное значение как одно из основных ее проявлений, семантика отглагольного существительного представляет собой обозначение наименования действия без учета его отнесенности к субъекту или объекту. В этом проявляется основное качество субстантивной категориальной семантики.

Глагольная семантика содержит в себе несколько пластов, из которых значения темпоральности, релятивности и субстанциональности играют важную роль для образования отглагольных имен существительных.

Выделенные пласты семантики можно представить в виде следующей схемы (Н.Е. Грушко):

Схема 1: *Оси глагольной семантики*

Ось темпоральности отражает соотношение признака и времени. Ось релятивности в первую очередь выявляет в семантике глагола информацию о субъекте и объекте действия, их свойствах и взаимодействии. Ось субстанциональности отражает количество субстанциональных сем в семантике глагола, то есть степень конкретности/абстрактности глагольного значения.

Каждая из осей представленного треугольника отражает количественные характеристики данного слоя семантики: соотношение глаголов на осях не бинарно, а градуально и связано со шкалой. По оси темпоральности можно проследить переход от глаголов, имеющих в составе своего значения аспект протекания, к глаголам с семантикой предельности. Нарастание сложности функциональной структуры глагольной семантики можно проследить на оси релятивности следующим образом: от субъектных к субъектно-объектным. На оси субстанциональности глаголы располагаются в следующем порядке: от глаголов, которые имеют минимальное количество денотативных субстанциональных сем, к глаголам с конкретной семантикой, достаточно широким набором сем, характеризующих участников ситуации.

Данную схему можно применить не только ко всему разряду глаголов и к каждой отдельной лексико-семантической группе глаголов, но можно

также определить положение каждого глагола на осях представленного треугольника.

Для внутрикатегориального словообразования глаголов важную роль играет положение производного глагола на оси темпоральности, поскольку при взаимодействии с приставками актуализируются временные характеристики глагола. В случае межкатегориального словообразования доминирующим является положение глагола на оси субстанциональности. Однако сам деривационный механизм приводится в действие благодаря нахождению глагола на оси релятивности, так как выявляет субъектно-объектную организацию процесса, что в свою очередь учитывается при образовании отглагольных существительных. Другими словами, словообразующие возможности глагола на межкатегориальном уровне, а именно в процессе отглагольной субстантивации, определяются в зависимости от релятивного слоя в семантике, но через субстанциональный компонент глагольного значения.

На наш взгляд, необходимо рассмотреть влияние всех компонентов глагольной семантики на образование отглагольных существительных.

Темпоральные характеристики глагольной семантики наиболее ярко проявляются в именах существительных, называющих действие. Наиболее регулярно образуют имена действия глаголы средних зон, которые обладают достаточно выраженной семантикой протекания и предельности *зимовать* – *зимование* – *зимовка*; *получить* – *получение* – *получка*. Значимыми в этом случае являются следующие факторы: активность субъекта действия, результативность глаголов, которая эксплицитно выражена префиксом. Заслуживает внимания тот факт, что в последнем случае имена действия образуются достаточно свободно, но сопровождаются некоторым изменением значения, которое зависит от «количества» предельности в семантике глагола.

Длительность действия выражается сочетанием глагольной основы с суффиксом –(б)а, при этом имя получает дополнительную сему

«долговременность, длительное время действия». Если глагол обозначает дискретное действие, то появляется возможность образовать имя, обозначающее однократное действие. От глаголов, имеющих сему интенсивности, складывающейся из ряда отдельных актов, можно образовать имя, подчеркивающее неделимый характер процесса – *разрезать* – *разрезание* - *разрез*.

Релятивный аспект проявляется в установлении связей производящего и производного слов через ролевые характеристики компонентов ситуации.

Наиболее значимыми для отглагольной субстантивации являются признаки одушевленности / неодушевленности, а также активности / неактивности субъекта. Не менее важным для образования отглагольных существительных оказывается фактор наличия / отсутствия у глагола объекта действия, а также его одушевленность / неодушевленность, что является важным для определения аспекта номинации [Лебедева, 1979].

При неодушевленном субъекте, или крайне пассивном, имена действия образуются очень редко. Одушевленность субъекта резко увеличивает его активность, в результате чего становится возможным образовывать имена существительные, обозначающие названия артефактов со значением места, орудия, машины и механизмы со значением автономного функционирования и др.

Естественно, что все составляющие компоненты глагольной семантики представляют собой единое целое и в таком же взаимосвязанном виде могут проявляться в семантике производного слова. Однако здесь необходимо учитывать семантическую специфику деривата. Например, для отглагольных субстантивов, обозначающих имена деятеля, неактуальными, а потому и неярко выраженными являются категории вида и времени, поскольку они определяют предикативную составляющую ситуации и не могут быть непосредственно отнесены к лицу. При этом наиболее выраженной по сравнению с категориями вида и времени в именах деятеля является категория залога, поскольку она является наименее грамматичной среди них

В именах действия, на наш взгляд, актуализируются в первую очередь видо-временные характеристики глагола-мотиватора, но при этом востребованными могут стать и залоговые компоненты семантики, поскольку данная категория также обеспечивает целостность лексического значения глагола, определяя его (значение) через отношения с другими предметами.

Вопрос о том, насколько ярко выраженными становятся данные категории в семантике производного имени действия, является частью проблемы о явных и скрытых категориях. Вслед за Е.С.Кубряковой, мы полагаем, что «аспектуально-залоговые характеристики исходного глагола не столько сняты производным словом, сколько эксплицитно не отражены и «дремлют» в нем в латентном состоянии» [Кубрякова, 1978. С.87]

Субстанциональные характеристики действия, их количество, включенное в семантику глагола, определяют словообразующий потенциал глагола в отношении существительных в целом, а также обуславливает идиоматичность производного существительного.

Исходя из приведенных выше положений, можно предположить, что появление от одного глагола двух отглагольных существительных со сходной семантикой возможно благодаря тому, что в процессах деривации актуализируется тот или иной аспект выделенных компонентов глагольной семантики: релятивного, субстанционального и темпорального.

На примере двух глаголов *ловить* и *танцевать* рассмотрим практическое применение изложенных выше положений.

Глагол *ловить* предполагает в своей пропозитивной структуре наличие следующих актантов: объект действия, субъект действия, орудие, место. Употребление в контексте или конкретной речевой ситуации различных лексико-семантических вариантов предполагает изменение критерия одушевленности/неодушевленности объекта: *ловить рыбу* – *ловить преступника* – *ловить тишину*, который играет важную роль при межкатегориальном словообразовании. Поместив глагол *ловить* на ось

релятивности в зону предметного объекта и одушевленного субъекта, мы проецируем перпендикуляры на оси темпоральности и субстанциональности. В результате взаимосвязи данных осей все ЛСВ глагола *ловить* попадают на оси темпоральности в зону аспекта предельности, где расположены глаголы, описывающие динамические процессы, в которых достижение результата происходит неожиданно, скачком: *ловить – поймать*. Согласно мнению Н.Е.Грушко, подобные глаголы наиболее свободно образуют имена действия (синтаксические дериваты) [Грушко, 1991. С.143].

Проекция на ось субстанциональности помещает ЛСВ данного глагола в срединную зону между абстрактными и конкретными глаголами. Достаточно свободная лексическая сочетаемость глаголов этого уровня обеспечивает возможность образовывать как синтаксические, так и лексические дериваты: *лов – ловля – ловец – ловушка* [Болдина, 2004а].

Немного иное положение складывается с глаголом *танцевать*. Наличие в пропозитивной структуре данного глагола только неодушевленного объекта смещает его положение на оси темпоральности ближе к срединной зоне между зонами аспекта протекания и аспекта предельности, туда, где находятся глаголы со значением внутреннего членения на кванты (*улыбаться, светить*). В этом случае, когда глагол имеет в пропозитивной структуре одушевленный, активный субъект, а действие направлено на предметный объект и может быть представлено глаголом в аспекте протекания, у глагола появляется возможность образовать существительное со значением лица, которое именуется в функциональном аспекте: *танцор – танцовщик*. Кроме того, проекция на ось субстанциональности помещает глагол *танцевать* в область, более приближенную к области конкретных глаголов. Иными словами, глагол *танцевать* имеет ограниченную лексическую сочетаемость, что обуславливает отсутствие идиоматичности в именах лиц, образованных от данного глагола. Как следствие такого расположения глагола «*танцевать*»

на оси субстанциональности невозможно образовать существительные с семей «орудие, средство».

Таким образом, от глаголов можно образовывать как синтаксические, так и лексические дериваты. В производных отглагольных существительных можно выделить как синтаксические, так и лексические дериваты. Под первыми понимаются производные слова, сохранившие основное категориальное значение (в нашем случае, действия или процессуальности) и синтаксическую сочетаемость. Под лексическими дериватами понимаются производные лексические единицы, получившие (в нашем случае) предметное значение.

Приблизиться к решению вопроса о семантическом расстоянии можно в том случае, если рассмотреть реализацию категориальной семантики производящего и производного слов в значении последнего. Как было сказано выше, семантика глагола раскрывается через его связи с другими объектами и ситуациями реальной действительности.

С помощью метода сопоставления ассоциативных полей, созданных для глагольного и субстантивного слов, также можно выяснить, насколько велико влияние глагольной и субстантивной семантики. В ассоциативном поле существуют реакции, позволяющие судить о сохранении категориальной семантики глагола и появлении категориальных частеречных значений в производном слове. Для этого необходимо, на наш взгляд, ввести коэффициент парадигматичности ($K_{\text{Парад.}}$) и коэффициент синтагматичности ($K_{\text{Синтагм}}$), которые в самом общем виде могут служить отражением субстантивной и глагольной (соответственно) категориальной семантики. При этом парадигматическими реакциями в нашем исследовании мы считаем те, которые находятся со словом-стимулом в парадигматических отношениях, то есть синонимических, антонимических, паронимических, гипо-гиперонимических. К разряду синтагматических реакций мы относим те, которые вместе со словом-стимулом составляют некоторую

синтагматическую единицу – словосочетание, предложение или некоторый его элемент.

Данные коэффициенты были рассчитаны нами для каждого из членов исследуемых парадигм по следующим формулам: $K_{\text{Парад}} = R_{\text{Парад}} / R$; $K_{\text{Синтагм}} = R_{\text{Синтагм}} / R$, где $R_{\text{Парад}}$ и $R_{\text{Синтагм}}$ – количество парадигматических и синтагматических реакций, а R – количество всех реакций в ассоциативном поле. В поле глагола *накачивать*, которое выглядит следующим образом: *мышцы(30), насос(9), колесо(8), мускулы(7), воздух(3), качок(2), колеса(2), шину(2), алкоголь, внутрь, воздух, воздухом, жидкость, информацией, камеру, колонна, лодку, мяч, набухать, наркотики, ногу, пресс, руки, сила, пылесос, шины*, отмечается высокий $K_{\text{Синтагм}} = 0,98$. Введение $K_{\text{Синтагм}}$ и $K_{\text{Парад}}$ в ассоциативные поля отглагольных существительных позволило определить их различия в сравнении с исходным глаголом. Так, в поле существительного *накачивание* $K_{\text{Синтагм}}$ почти также высок, как и в исходном глаголе – 0,96, однако за счет появления реакций *бодибилдинг, тяжёлая атлетика, увеличение* отмечен рост $K_{\text{Парад}}$, который составляет в данном случае 0,04. Тенденция к дальнейшему увеличению $K_{\text{Парад}}$ (0,12) наблюдается в ассоциативном поле слова *накачка*, чему способствуют реакции *бодибилдинг(2), шиномонтаж (2), дутьё, работа, сдувание, увеличение чего-либо (1)*. Исследование ассоциативных полей парадигмы *мочить – мочение – мочка* привело к следующим результатам. $K_{\text{Синтагм}}$ исходного глагола составил 0,63, $K_{\text{Парад}} = 0,28$. Увеличение $K_{\text{Синтагм}}$ существительного *мочение* до 0,75, снижение $K_{\text{Парад}}$ до 0,10 подтверждает мысль об усилении глагольной семантики на фоне сохранения основных ЛСВ исходного глагола:

1. Делать мокрым, влажным. Синтагматические реакции - *вода (18), дождь (4), одежда, тряпки, губка, жидкость, лужа, мокрая тряпка, рук, таз с водой, цветы, штаны*; парадигматические реакции – *купание, струя воды, мокрота*.
2. Держать в воде, пропитывать влагой для придания каких-л. свойств, качеств. Синтагматические реакции – *семя, бельё(2), белья*.
3. Заготавливать впрок, вымачивая в воде с пряностями. Синтагматические

реакции – *огурцы (6), яблоки (5), капуста, капусты, овощей. 4. Жарг. Убивать. Парадигматические реакции – битьё, убийство. Первичный качественный анализ ассоциативного поля существительного *мочка* показал, что только 2 реакции синтагматического характера – *корок, лужа* – свидетельствуют о существовании семантических связей с глаголом *мочить* и с другим кодериватом, что говорит о паронимическом характере отношений между существительными. Едва прослеживаемая связность слов подтверждается и на категориальном уровне. $K_{\text{Парад}}$ слова *мочка* составляет 0,86, что говорит о репрезентации данного слова в сознании носителей языка скорее как вещественного существительного со значением: «нижняя мясистая часть уха человека», чем как отглагольного существительного со значением действия, что подтверждается низким уровнем сохраненности категориальных признаков глагола, выраженных в $K_{\text{Синтагм}}$, который составил в отношении этого слова 0,06, а также малым количеством общих с глаголом реакций.*

Проведенный аналогичным образом анализ полей всех исследуемых в работе парадигм представлен в таблицах 7-10.

Таблица 7

Сохранение категориальной семантики глагола в парадигме *глагол – существительное на –ниј- - существительное на –к-*

глагол	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$	существ. 1	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$	существит.2	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$
корректировать	0,48	0,42	корректирование	0,56	0,41	корректировка	0,54	0,40
группировать	0,28	0,59	группирование	0,58	0,22	группировка	0,69	0,19
мочить	0,28	0,63	мочение	0,10	0,75	мочка	0,86	0,06
балансировать	0,19	0,56	балансирование	0,38	0,62	балансировка	0,21	0,71
грунтовать	0,14	0,79	грунтование	0,22	0,65	грунтовка	0,59	0,38
татуировать	0,13	0,61	татуирование	0,10	0,59	татуировка	0,53	0,40
датировать	0,12	0,69	датирование	0,13	0,70	датировка	0,13	0,46
продувать	0,12	0,83	продувание	0,13	0,68	продувка	0,11	0,75
выкорчевывать	0,11	0,88	выкорчевывание	0,10	0,89	выкорчевка	0,12	0,88
получить	0,09	0,89	получение	0,04	0,89	получка	0,68	0,05
зимовать	0,05	0,67	зимование	0,22	0,72	зимовка	0,23	0,71
накачивать	0,01	0,98	накачивание	0,04	0,96	накачка	0,12	0,85
	0,17	0,70		0,22	0,65		0,43	0,45

Таблица 8

Сохранение категориальной семантики глагола в парадигме
глагол – существительное на –ниј- - существительное на –циј-

глагол	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ. 1	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ.2	К _{Парад}	К _{Синтагм}
информировать	0,35	0,43	информирование	0,32	0,58	информация	0,35	0,56
лимитировать	0,34	0,42	лимитирование	0,57	0,24	лимитация	0,7	0,04
изолировать	0,29	0,51	изолирование	0,25	0,49	изоляция	0,11	0,57
идеализировать	0,28	0,45	идеализирование	0,43	0,33	идеализация	0,42	0,41
жестикულიровать	0,25	0,60	жестикულიрование	0,36	0,54	жестикуляция	0,34	0,51
декламировать	0,24	0,63	декламирование	0,33	0,55	декламация	0,39	0,31
констатировать	0,11	0,81	констатирование	0,19	0,79	констатация	0,40	0,60
аргументировать	0,3	0,63	аргументирование	0,46	0,46	аргументация	0,39	0,48
	0,27	0,56		0,36	0,43		0,39	0,44

Таблица 9

Сохранение категориальной семантики глагола в парадигме
глагол – существительное на –ниј- -безаффиксное существительное

глагол	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ. 1	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ. 2	К _{Парад}	К _{Синтагм}
роптать	0,68	0,26	роптание	0,44	0,45	ропот	0,54	0,26
обозреть	0,41	0,56	обозрение	0,28	0,40	обзор	0,40	0,51
щебетать	0,41	0,54	щебетание	0,15	0,82	щебет	0,23	0,78
храпеть	0,37	0,60	храпение	0,27	0,68	храп	0,32	0,64
приказать	0,27	0,62	приказание	0,58	0,29	приказ	0,30	0,68
ремонттировать	0,27	0,63	ремонттирование	0,30	0,52	ремонт	0,16	0,80
бегать	0,23	0,72	беганье	0,55	0,36	бег	0,41	0,57
сшивать	0,23	0,57	сшивание	0,25	0,73	сшив	0,36	0,60
шелестеть	0,2	0,79	шелестение	0,17	0,82	шелест	0,05	0,95
проходить	0,18	0,69	прохождение	0,03	0,81	проход	0,54	0,26
разрезать	0,1	0,89	разрезание	0,21	0,68	разрез	0,2	0,58
	0,30	0,63		0,29	0,59		0,32	0,59

Таблица 10

Сохранение категориальной семантики глагола в парадигме
глагол – существительные разных словообразовательных типов

глагол	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ. 1	К _{Парад}	К _{Синтагм}	существ.2	К _{Парад}	К _{Синтагм}
амнистировать	0,44	0,48	амнистирование	0,51	0,36	амнистия	0,64	0,33
монтировать	0,37	0,47	монтирование	0,35	0,50	монтаж	0,40	0,50
инструктировать	0,34	0,56	инструктирование	0,38	0,52	инструктаж	0,49	0,42
редактировать	0,33	0,66	редактирование	0,49	0,43	редактура	0,24	0,62
вырубить	0,14	0,81	вырубка	0,12	0,87	выруб	0,16	0,81
ловить	0,05	0,93	ловля	0,32	0,66	лов	0,24	0,72
	0,30	0,63		0,29	0,59		0,32	0,59

Данные, приведенные в таблицах, доказывают обоснованность предположения о преобладании в семантике глагола синтагматических связей, раскрывающих его лексическое значение.

Неоднозначная ситуация складывается в отношении отглагольных существительных. В ассоциативных полях большинства из них наблюдается увеличение реакций парадигматического характера, что говорит о влиянии именной категориальной семантики, об отрыве значения от некоторой конкретной ситуации, называемой исходным глаголом, о получении производным словом нового статуса – наименование отвлеченного или опредмеченного действия. Наиболее регулярно процесс увеличения $K_{\text{Парад}}$ и снижения $K_{\text{Синтагм}}$ в отглагольных субстантивах в сравнении с исходным глаголом наблюдается в словообразовательной корреляции –ниј- / -циј-. При сопоставлении отглагольных существительных между собой не приходится говорить о подобной регулярности, что, на наш взгляд, связано с лексическими особенностями каждого отдельного слова в парадигме. Однако можно наблюдать тенденцию к сохранению большего числа связей синтагматического характера в существительных на –ниј-.

Иная ситуация складывается в парадигме глагол – существительное на –ниј- / безаффиксное существительное. Здесь, согласно данным эксперимента, можно говорить о тенденции к снижению $K_{\text{Парад}}$ в существительных, образованных безаффиксным способом, в сравнении с производящим глаголом. Исключения составляют лишь слова *проход*, *сшив*, где данный коэффициент является следствием результивной семантики в составе лексического значения слова. Причем данный компонент – результивность – в языковом сознании носителя является одним из основных в составе лексического значения слова.

Отдельную семантическую группу составляют в таблице 9 парадигмы слов, связанные с обозначением звуков: *шелестеть* – *шелестение* – *шелест*; *храпеть* – *храпение* – *храп*; *щебетать* – *щебетание* – *щебет*. В данной семантической микрогруппе наблюдается регулярное увеличение $K_{\text{Синтагм}}$ и

снижение $K_{\text{Парад}}$ в существительных в сравнении с исходным глаголом, причем наиболее ярко этот процесс проявляется в существительных безаффиксного характера. Другими словами, данные таблицы 9 в отношении этой группы слов фиксируют большую близость существительных на –ниј– именно к разряду существительных, а безаффиксные субстантивы сохраняют большую близость с исходным глаголом. Однако увеличение $K_{\text{Синтагм}}$ свидетельствует все-таки о некоторых качественных изменениях, происходящих в слове. С большей степенью точности характер этих изменений можно установить с помощью изучения качественного состава ассоциативных полей.

2.4. Влияние аспектуальных значений глаголов на формирование семантики однокорневых отглагольных существительных

Более глубокий анализ ассоциативных полей показал, что сознание носителей языка стремится определить лексическое значение слова не только через его сочетаемостные или системные отношения, но и через другие, более грамматикализованные категории. Так, например, в ассоциативных полях для парадигмы *выкорчевывать – выкорчевывание – выкорчевка* можно наблюдать следующую ситуацию. В глагольном и субстантивных ассоциативных полях с разной степенью частотности среди реакций отмечается наличие глаголов и отглагольных существительных, образованных от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида: *вырвать, вырывать, вытащить, вытаскивать, выкапывать траву, корчевание, убирать, удаление, удалять*. Это наблюдение нашло свое подтверждение и в полях для парадигм *амнистировать – амнистирование – амнистия, корректировать – корректирование – корректировка, ловить – ловля – лов, очистить – очистка; очищать - очищение* и других.

Таким образом, другим, не менее важным, на наш взгляд, фактором, определяющим количественно-качественные различия в однокорневых

отглагольных существительных, является категория вида, точнее, сохранение и реализация значений совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида в производном слове. Возможность существования такой гипотезы основана на том факте, что категория вида является одной из главных, и при этом самой неоднозначной, в парадигме категориальных значений глагола. Ее изучение в настоящее время проходит в различных направлениях.

Одним из наиболее проблемных вопросов в аспектологии остается семантика русского глагольного вида. Необходимость обращения к изучению категории вида русского глагола объясняется ее промежуточным положением в системе лексических и грамматических категорий глагола. Кроме того, именно сложностью самого объекта объясняется тот факт, что лингвисты до сегодняшнего дня не находят однозначного решения вопроса об инвариантах значения совершенного и несовершенного вида [Гловинская, 2001; Кошелев, 1997; Падучева, 1996], о влиянии аспектуальной семантики на слово- и формообразование [Тихонов, 1997; Леман, 1997], о связи с категорией вида других категорий глагольного действия (длительности, завершенности, результативности, целостности, однократности / повторяемости) [Мельников, 2001; Макавчик, 2004; Грекова, 2001], о префиксации как одного из видов репрезентации видовой семантики [Кронгауз, 1997; Волохина, Попова, 1997].

При детальном рассмотрении данных проблем становится ясно, что традиционные подходы в описании видовой семантики себя исчерпали. Возникает потребность в поиске новых принципов описания семантики категории вида. Кроме того, развитие когнитивной науки, основанной на данных языкового сознания, заставило исследователей обратиться к еще одной стороне семантики вида – ее представленности в лексикографических источниках [Апресян, 1997; Булыгина, 1997].

Одним из новых принципов в описании вида русского глагола является привлечение показаний языкового сознания говорящих, с помощью которых возможно изучение семантики грамматической категории не только в

аспекте ее функционирования в сознании (в том числе, экспликация наиболее осознаваемых, функционально значимых, выделенных языковым сознанием компонентов видовой глагольной семантики) [Макавчик, 2004. С.4], но и в аспекте ее значимости для отглагольного субстантивного словообразования.

На основании синтагматического характера глагольной семантики можно говорить о том, что она связывает воедино три пласта лексики, которые раскрывают протекание ситуации во времени, пространстве, а также выражают взаимоотношения между участниками называемой ситуации. Категория вида, являясь выражением взаимосвязанности субстанциональной и релятивной осей, носит лексико-грамматический характер и представляет особую значимость для отглагольного субстантивного образования.

Деление глаголов на разряды по признаку видового противопоставления не носит, по мнению О.М.Соколова, дихотомического характера, поэтому нет необходимости определять слабые или сильные члены названной оппозиции. Эти разряды самостоятельны, имеют автономные семантические признаки; к тому же они обладают несовпадающей системой словоформ и характеризуются различными деривационными связями. Однако это вовсе не означает, что глаголы СВ и НСВ не коррелируют между собой, напротив, они отражают функционирование в языке важнейших категорий [Соколов, 1997. С.125]. Следовательно, и производные имена также должны фиксировать в своем лексическом значении основные прототипические значения СВ и НСВ.

Согласно нашему предположению, грамматический компонент значения отглагольных субстантивов с суффиксом -ниј- имеет большую связность с характеристиками несовершенного вида и потому данные языковые единицы являются менее лексикализированными в сравнении со словами, образованными по другим словообразовательным моделям со значением отвлеченного процессуального признака. Кроме того, отглагольные существительные, называющие отвлеченное действие и образованные от производящей основы с помощью суффикса –ниј сохраняют

в своем значении семы процессуальности, длительности, которые в свою очередь являются одними из инвариантных значений НСВ. Другие лексические единицы, образованные в рамках иных словообразовательных типов, реализуют в своем значении прототипические значения СВ, например, результативности, цельности, являющиеся для носителя языка более лексикализованными, которые позволяют производному слову получить большие качественные изменения в сравнении с дериватом, оканчивающимся на -ниј-.

Возможностей для подтверждения данного предположения свободный ассоциативный эксперимент не предоставляет, поэтому возникла необходимость проведения эксперимента с использованием метода факторного анализа, разработанного на основе направленного ассоциативного эксперимента. Согласно Е.Б.Трофимовой, направленный ассоциативный эксперимент используется с целью уточнения уже полученных с помощью ассоциативного эксперимента знаний об объекте исследования [Трофимова, 2003. С.53].

Для получения более точных данных о значимости категории вида для отглагольного субстантивного словообразования и для различения на этой основе однокорневых отглагольных имен нами был осуществлен следующий эксперимент. Все исследуемые нами отглагольные существительные (88 лексических единиц) были распределены на 4 группы, каждая из которых содержала от 21 до 24 слов, образованных по разным словообразовательным моделям и не имела однокорневых корреляций. Данные слова и набор их грамматических глагольных характеристик, которые ограничивали ассоциативный поток носителей языка, составили содержание 4 типов карточек. В основу выбора факторов анализа была положена гипотеза о том, что значение отглагольных существительных, обозначающих отвлеченное действие и образованных по разным словообразовательным моделям, находится в зависимости от видовых характеристик, которые сохраняются в процессе отглагольного словообразования и становятся частью

грамматического значения отглагольного существительного. Исходя из гипотезы исследования в качестве факторов для анализа слов были отобраны следующие: *незавершенность – завершенность, длительность – краткосрочность, медлительность – интенсивность, многократность – однократность, нерезультативность – результативность, процессуальность – непроцессуальность, нецеленаправленность – целенаправленность*. Причем первая часть каждой парадигмы является компонентом семантики несовершенного вида, а вторая – совершенного [Макавчик, 2004].

Эти карточки в письменной форме были предъявлены четырем группам реципиентов общей численностью 137 человек. Известно, что языковое сознание носителей русского языка обладает достаточно высокой чувствительностью к видовым различиям. Кроме того, русскоговорящие носители языка осознают компоненты семантики совершенного и несовершенного вида [Макавчик, 2004], поэтому испытуемым было предложено определить, какими из данных признаков обладают отглагольные существительные. Количество признаков для каждого слова не ограничивалось. Временные ограничения для выполнения задания также не были предусмотрены.

Рассмотрим полученные в результате эксперимента данные с точки зрения проявления в семантике отглагольных существительных инвариантных значений СВ и НСВ, используя формулу $K_{СВ} = R_{СВ} / M$ для значений СВ и формулу $K_{НСВ} = R_{НСВ} / M$ для значений НСВ, где R – число реакций СВ и НСВ соответственно, а M – общая сумма реакций, полученных на данное слово.

Применив формулы к полученным в ходе эксперимента данным, получили следующие результаты:

Таблица 11
Проявление значений СВ и НСВ в парадигме
существительное на –ниј– существительное на –к–

существительное на -ниј-	$K_{СВ}$	$K_{НСВ}$	существительное на -к-	$K_{СВ}$	$K_{НСВ}$
мочение	0,72	0,28	мочка	0,51	0,49

продувание	0,61	0,39	продувка	0,61	0,39
выкорчевывание	0,56	0,44	выкорчевка	0,59	0,41
накачивание	0,54	0,46	накачка	0,53	0,47
получение	0,50	0,50	получка	0,7	0,3
грунтование	0,49	0,51	грунтовка	0,54	0,46
отправление	0,49	0,51	отправка	0,57	0,43
очищение	0,48	0,52	очистка	0,66	0,34
датирование	0,46	0,54	датировка	0,54	0,46
корректирование	0,46	0,54	корректировка	0,59	0,41
группирование	0,45	0,55	группировка	0,66	0,34
расписывание	0,44	0,56	расписка	0,65	0,35
балансирование	0,42	0,58	балансировка	0,67	0,33
зимование	0,32	0,68	зимовка	0,46	0,54
	0,49	0,51		0,59	0,41

Таблица 12
Проявление значений СВ и НСВ в парадигме
существительное на -ниј- – существительное на -циј-

существительное на -ниј-	К _{СВ}	К _{НСВ}	существительное на -циј-	К _{СВ}	К _{НСВ}
констатирование	0,69	0,31	констатация	0,58	0,42
изолирование	0,63	0,37	изоляция	0,47	0,53
информирование	0,54	0,46	информация	0,48	0,52
декламирование	0,51	0,49	декламация	0,6	0,4
лимитирование	0,52	0,48	лимитация	0,52	0,48
демонстрирование	0,48	0,52	демонстрация	0,61	0,39
аргументирование	0,47	0,53	аргументация	0,54	0,46
жестикულიрование	0,45	0,55	жестикуляция	0,45	0,55
идеализирование	0,42	0,58	идеализация	0,42	0,58
	0,52	0,48		0,52	0,48

Таблица 13
Проявление значений СВ и НСВ в парадигме
существительное на -ниј- – безаффиксное существительное

существительное на -ниј-	К _{СВ}	К _{НСВ}	безаффиксное существительное	К _{СВ}	К _{НСВ}
приказание	0,64	0,36	приказ	0,69	0,31
беганье	0,61	0,39	бег	0,56	0,44
записывание	0,56	0,44	запись	0,58	0,42
разрезание	0,55	0,45	разрез	0,58	0,42
ремонтрование	0,52	0,48	ремонт	0,51	0,49
обозрение	0,51	0,49	обзор	0,64	0,36
прохождение	0,50	0,50	проход	0,65	0,35
сшивание	0,49	0,51	сшив	0,57	0,43
смешение	0,46	0,54	смесь	0,55	0,45
щебетание	0,41	0,59	щебет	0,41	0,59
роптание	0,37	0,63	ропот	0,4	0,6
храпение	0,24	0,76	храп	0,36	0,64

шелестение	0,23	0,77	шелест	0,37	0,63
	0,47	0,53		0,53	0,47

Таблица 14
Проявление значений СВ и НСВ в парадигме
с существительными различных словообразовательных типов

существительное 1	К _{СВ}	К _{НСВ}	существительное 2	К _{СВ}	К _{НСВ}
прокатка	0,6	0,4	прокат	0,53	0,47
вырубка	0,53	0,47	выруб	0,55	0,45
тренировка	0,53	0,47	тренаж	0,56	0,44
амнистирование	0,52	0,48	амнистия	0,6	0,4
инструктирование	0,52	0,48	инструктаж	0,66	0,34
ловля	0,49	0,51	лов	0,44	0,56
монтажирование	0,49	0,51	монтаж	0,51	0,49
редактирование	0,43	0,57	редактура	0,48	0,52
	0,51	0,49		0,54	0,46

Результаты данного эксперимента подтвердили наше предположение о том, что семантика отглагольных существительных содержит в своем составе некоторые признаки категории вида, присущей исходному глаголу. Однако если сознание носителей языка четко соотносит тот или иной глагол с его видовой принадлежностью [Макавчик, 2004], то в отношении отглагольных существительных языковое сознание менее конкретно. Так, для 47% всех рассматриваемых в нашем исследовании лексических единиц, коэффициент количества признаков СВ и НСВ определен испытуемыми в интервале 0,45 – 0,55, что говорит о факте некоего нивелирования категории вида в отглагольных существительных, что объясняется отсутствием категории вида в системе категориальных парадигм имени существительного как части речи.

Категория вида как лексико-грамматическая категория включает в себя различные компоненты значения, но основное значение здесь все-таки принадлежит категории времени. Данная категория во многом определяет отнесенность глагола к СВ или НСВ. Именно по этой причине необходимо рассмотреть расположение исходного глагола на оси темпоральности (п. 2.3. настоящего исследования). Нивелирование видовых значений происходит в лексических значениях существительных, образованных от глаголов,

находящихся на оси темпоральности в зоне пересечения значений предельности и протекания: *очищение, датирование – датировка, корректирование, грунтование – грунтовка, отправление, накачивание – накачка, аргументирование – аргументация, идеализирование, демонстрирование, смешение – смесь, ремонтирование – ремонт, монтирование – монтаж, редактирование – редакция и т.д.*

Языковое сознание носителей языка наиболее четко противопоставляет видовые признаки в лексическом значении существительных, образованных от глаголов, расположенных на оси темпоральности в зоне протекания действия: *зимовать, шелестеть, храпеть, щебетать, роптать*. В производных от данных глаголов существительных наблюдается высокий коэффициент признаков НСВ: 0,59 – 0,77.

Расположение глагола в зоне предельности на оси темпоральности, вне зависимости от его отнесенности к СВ или НСВ, в сознании носителей языка ассоциируется со значениями СВ и потому определяет наличие в составе семантики производных единиц значений СВ, что доказывается высокими показателями коэффициента СВ в следующих отглагольных существительных: *изолирование (0,63), констатирование (0,69), приказание (0,64) – приказ (0,69), записывание (0,56), прокатка (0,6)* и др.

Таким образом, опираясь на данные эксперимента, мы можем сделать предположение об обусловленности сохранения и проявления видовых значений в отглагольных существительных положением исходного глагола на оси темпоральности, которая обозначает способ протекания действия во времени.

Результаты эксперимента показывают также влияние значения словообразовательного типа на сохранение и проявление видовых признаков в производном слове. Так, например, образование от глагола существительного с помощью суффикса *-ниј* в большей части рассмотренных нами существительных создает в языковом сознании представление о соотнесенности значения данного слова с признаками НСВ:

очищение, редактирование, корректирование, балансирование, идеализирование и др. Такая ситуация складывается в силу того, что исходной основой большей части существительных, образованных по данному словообразовательному типу (в нашем исследовании эта цифра составляет 52%), является глагол НСВ. В случаях, когда основой словообразовательного типа является глагол СВ, в отглагольных существительных с –ниј наблюдается преобладание $K_{СВ}$ в 1,04 – 1,7 раза.

Исключением в данном случае являются те лексические единицы, где видовая семантика исходного глагола более ярко выражена за счет его расположения в крайних зонах оси темпоральности (протекания и предельности) и оказывает сильное влияние на семантику субстантивного деривата вне зависимости от словообразовательной модели: *зимование – зимовка, беганье – бег, шелестение – шелест, храпение – храп, щебетание – щебет, роптание – ропот.*

Особое положение в ряду исследуемых нами лексических единиц, занимают существительные, образованные данным способом от двувидовых глаголов: *изолировать, информировать, аргументировать, декламировать, лимитировать, идеализировать, жестикулировать, констатировать, демонстрировать.* В группе существительных, образованных от названных глаголов, нельзя с высокой точностью установить роль влияния СВ или НСВ на семантику производного слова.

Таким образом, можно утверждать, что словообразовательный тип «основа глагола + -ниј-» в основной своей части сохраняет и реализует в лексическом значении существительного видовые значения исходного глагола. Данный факт позволяет говорить о небольших количественно-качественных изменениях в этом аспекте семантического состава производного слова.

Преобладание в структуре лексического значения отглагольных существительных на –ниј-, образованных от глаголов НСВ, прототипических значений НСВ ведет к тому, что за данной моделью закрепляется значение

отвлеченного признака со значением процессуальности. Подобный стереотип обуславливает свое дальнейшее распространение в языко-речевой системе на другие существительные, образованные в рамках этого же словообразовательного типа, но от других глагольных основ, например, двувидовых глаголов, глаголов СВ. Доказательством тому могут служить результаты эксперимента, представленные в таблицах 15, 17, 18, которые были вычислены по формуле $K_{\Phi} = R_{\Phi} / R$, где K_{Φ} – коэффициент, рассчитанный для некоторого фактора, R_{Φ} – количество реакций, полученных на данный фактор, а R – общее количество реакций, полученных на лексическую единицу.

Таблица 15

Составляющие компоненты семантики НСВ в существительных на –ниј-, образованных от глаголов НСВ

	незавершённость	длительность	медлительность	многократность	нерезультативность	процессуальность	частичность	нецелеприцельность
очищение	0,08	0,07	0,05	0,09	0,01	0,07	0,07	0,03
корректирование	0,13	0,09	0,07	0,07	0,02	0,07	0,07	0,02
группирование	0,10	0,08	0,06	0,08	0,06	0,08	0,07	0,01
грунтование	0,12	0,10	0,07	0,05	0,01	0,12	0,06	-
отправление	0,15	0,07	0,07	0,07	0,02	0,09	0,06	0,02
мочение	0,09	0,09	0,08	0,14	0,02	0,09	0,12	0,08
продувание	0,07	0,07	0,05	0,07	0,02	0,03	0,06	-
балансирование	0,11	0,12	0,03	0,06	0,04	0,08	0,06	0,03
накачивание	0,10	0,09	0,05	0,05	0,04	0,07	0,05	0,02
выкорчевывание	0,05	0,10	0,04	0,10	0,02	0,06	0,03	0,01
расписывание	0,06	0,09	0,03	0,10	0,03	0,12	0,05	0,03
смешение	0,10	0,07	0,05	0,07	0,03	0,07	0,08	0,03
беганье	0,07	0,07	0,03	0,07	0,04	0,09	0,03	0,03
записывание	0,11	0,08	0,07	0,08	0,03	0,05	0,06	0,02
ремонтрование	0,08	0,10	0,05	0,09	0,05	0,04	0,02	0,02
обозрение	0,09	0,07	0,06	0,05	0,04	0,06	0,05	0,10
прохождение	0,07	0,10	0,07	0,07	0,02	0,07	0,07	0,06
инструктирование	0,06	0,08	0,04	0,08	0,05	0,07	0,07	0,01
монтирование	0,09	0,07	0,07	0,08	0,04	0,06	0,04	0,04

редактирование	0,13	0,11	0,06	0,08	-	0,08	0,05	0,01
ИТОГО	0,093	0,086	0,055	0,078	0,029	0,074	0,056	0,028

Выявление наиболее значимых для данной группы компонентов семантики НСВ было сделано нами после применения формулы: сумма всех K_{Φ} / количество лексических единиц в группе.

Из таблицы видим, что наибольшую значимость в сохранившейся семантике НСВ данной группы существительных играют такие компоненты, как незавершенность, длительность, многократность, процессуальность. Согласно мнению В.О.Макавчик, глаголы НСВ в сознании носителей языка ассоциируются со значениями нерезультативности и нецеленаправленности [Макавчик, 2004]. Опираясь на данные нашего исследования, мы утверждаем, что в процессе субстантивного отглагольного словообразования данный компонент претерпевает существенные изменения. Этот факт и является отличительной особенностью существительных данной группы – образованных от глаголов НСВ.

Рассматриваемая нами словообразовательная модель «глагол НСВ + -ниј-», вступая в синонимические отношения с моделью «глагол НСВ / СВ + -к-» коррелирует с последней именно по названным выше признакам. В существительных данного словообразовательного типа происходит снижение коэффициентов составляющих значений НСВ и увеличение удельной доли каждого члена коррелирующей пары признаков СВ и НСВ (см.табл.).

Словообразовательный тип – «основа глагола + -к-» является одним из способов отглагольного субстантивного словообразования, базой для которого служат глагольные основы СВ и НСВ на –ова, -ирова: *выкорчевать, датировать, корректировать, группировать, балансировать*; на –а: *грунтовать, продувать, зимовать, накачать*; на –и: *очистить, получить, отправить, мочить*. Именно в словах данного словообразовательного типа происходит увеличение $K_{СВ}$ в существительных, образованных от основ НСВ. Мы склонны усматривать в данном случае влияние словообразовательного типа, поскольку аффикс –к- используется в

образовании существительных от других основ. В нем заключено значение некоторой вещественности, кроме того, удельный вес существительных с конкретной семантикой велик, поэтому данный суффикс функционально закрепляется за данной мотивирующей базой, что и приводит, на наш взгляд, к большей лексикализации, опредмеченности существительных, образованных в рамках данного типа от глагольной основы. Доказательством лексикализации данного типа служит наличие у существительных вторичных значений, которые носят вещественный характер, например, *получка* – 1. Заработная плата. 2. Получение заработной платы; день такого получения [БТС, 1999. С.911]; *группировка* – 2. Способ расположения, характер сочетания чего-л. 3. Физическая собранность, готовность к выполнению какого-л. движения. 4. Военное формирование. 5. Политическое объединение. [БТС, 1999. С.232] и т.д. Другими словами, в существительных, образованных от глаголов СВ и НСВ с помощью суффикса –к-, происходит лексикализация глагольного значения на основе увеличения $K_{СВ}$, который в свою очередь показывает степень преобразования видовой семантики в производном субстантиве.

Возникает вопрос, за счет каких семантических составляющих категории вида происходит изменение в данном компоненте лексического значения существительного. Ответ на этот вопрос можно получить при анализе данных направленного ассоциативного эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось определить признаки, характеризующие лексическое значение существительного. Наиболее наглядно они могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица 16

Составляющие компоненты семантики СВ в отглагольных существительных на –к–

	завершенность	краткосрочность	интенсивность	однократность	результативность	непроцессуальность	цельность	целенаправленность
очистка	0,06	0,02	0,06	0,06	0,13	-	0,09	0,12

получка	0,09	0,09	0,07	0,09	0,11	0,09	0,07	0,05
датировка	0,09	0,06	0,02	0,08	0,08	0,07	0,05	0,12
корректировка	0,08	0,06	0,05	0,07	0,11	0,02	0,05	0,10
группировка	0,06	0,06	0,03	0,06	0,09	0,09	0,13	0,12
выкорчевка	0,08	0,03	0,11	0,01	0,09	0,01	0,08	0,11
расписка	0,13	0,11	0,02	0,10	0,07	0,02	0,04	0,12
грунтовка	0,07	0,06	0,07	0,03	0,08	0,06	0,06	0,08
зимовка	0,07	0,03	0,02	0,05	0,04	0,06	0,08	0,06
отправка	0,10	0,06	0,03	0,02	0,09	0,08	0,04	0,12
мочка	0,03	0,03	0,01	0,13	0,10	0,03	0,06	0,08
продувка	0,07	0,05	0,14	0,07	0,08	-	0,08	0,09
балансировка	0,11	0,10	0,02	0,04	0,12	0,02	0,09	0,13
накачка	0,07	0,05	0,07	0,04	0,08	0,02	0,05	0,12
ИТОГО	0,07	0,05	0,04	0,06	0,09	0,04	0,07	0,10

Из таблицы видно, что такие признаки как целенаправленность, результативность, законченность и цельность, по мнению носителей языка, присущи существительным, образованным от глаголов с помощью суффикса –к-. Именно эти факторы указывают, по нашему мнению, направление, в котором осуществляется развитие вторичных значений у рассматриваемых нами существительных и создают основу для различения значений однокорневых отглагольных кодериватов.

Другая группа существительных, образованных с помощью суффикса –ниј-, - это существительные, основу которых составляют двувидовые глаголы. Совмещение в одной морфологической форме значений двух противоположных видовых значений в исходном слове оказывает влияние и на сохранение этой двойственности в отглагольных субстантивах (см. табл. 1). Реализация значений НСВ в данном словообразовательном типе имеет в этом случае некоторые отличия от предыдущей группы существительных на –ниј-:

Таблица 17

Составляющие компоненты семантики НСВ в существительных на –ниј-,
образованные от двувидовых глаголов

	незавершенность	длительность	медлительность	многократность	нерезультативность	процессуальность	частичность	нецеленаправленность
изолирование	0,04	0,08	0,05	0,02	0,05	0,07	0,02	0,01
информирование	0,06	0,12	0,05	0,13	0,08	0,09	0,08	0,01
аргументирование	0,06	0,08	0,04	0,11	0,05	0,07	0,05	0,04
декламирование	0,08	0,10	0,04	0,05	0,03	0,10	0,03	0,01
лимитирование	0,05	0,09	0,05	0,05	0,01	0,11	0,06	0,04
идеализирование	0,07	0,10	0,02	0,04	0,10	0,04	0,04	0,11
жестикულიрование	0,08	0,06	0,04	0,11	0,05	0,04	0,10	0,04
констатирование	0,07	0,03	0,02	0,02	0,01	0,04	0,04	0,02
демонстрирование	0,05	0,09	0,05	0,10	0,04	0,09	0,03	0,05
амнистирование	0,08	0,09	0,04	0,06	0,03	0,11	0,04	0,03
датирование	0,05	0,07	0,05	0,03	0,04	0,05	0,03	0,04
ИТОГО	0,062	0,082	0,04	0,065	0,044	0,073	0,047	0,04

Результаты обработки эксперимента показывают преобладание в структуре лексического значения существительных данной группы комплекса значений процессуальности: длительность, незавершенность, многократность, а также достаточно значимым здесь становится значение процессуальности.

Согласно нашим наблюдениям, в большинстве случаев затруднения в выборе того или иного слова у носителей возникают, если данный выбор им приходится делать между словом с суффиксом –ниј- и отглагольной лексической единицей, образованной по типу «основа двувидового глагола + суффикс -ция-». В данном типе также наблюдается нерегулярность и нечеткость проявления признаков СВ и НСВ.

Рассмотрим с точки зрения сохранения и реализации значений НСВ в существительные, исходный глагол которых находится на оси темпоральности в зоне протекания.

Таблица 18
Глаголы в аспекте протекания

	незавершенность	длительность	медлительность	многократность	нерезультативность	процессуальность	частичность	нецеленаправленность
шелестение	0,12	0,12	0,06	0,09	0,12	0,10	0,02	0,01
храпение	0,09	0,13	0,03	0,11	0,12	0,09	0,06	0,11
щебетание	0,08	0,11	0,05	0,08	0,08	0,08	0,06	0,08
роптание	0,09	0,09	0,07	0,08	0,09	0,08	0,05	0,13
зимование	0,12	0,17	0,08	0,09	0,13	0,08	0,01	0,06
беганье	0,07	0,07	0,03	0,07	0,04	0,09	0,03	0,03
ИТОГО	0,09	0,11	0,05	0,086	0,096	0,086	0,038	0,078

Как видно из таблицы, в данной группе лексических единиц наблюдается достаточно четкое проявление и преобладание компонентов семантики НСВ. Ранее нами уже было отмечено, что объяснение данному факту можно найти в способе протекания действия, обозначенного исходным глаголом. По причине того, что данное действие характеризуется процессуальными признаками, в сознании носителей оно также соотносится с характеристиками (по убыванию) длительности, незавершенности и нерезультативности, многократности, процессуальности, а также нецеленаправленности. Своего рода исключением в данной группе является слово *беганье*, поскольку значение его исходного глагола имеет некоторые отличия от значений исходных слов этой группы.

В нашем исследовании данный словообразовательный тип коррелирует с безаффиксальным типом словообразования. Е.С.Кубрякова утверждает, что безаффиксальное отглагольное субстантивное словообразование является одним из примеров чисто транспозиционного словообразования [Кубрякова, 1997. С.204-205], при котором в производном слове можно наблюдать только выражение одного из категориальных значений соответствующей части речи, в нашем случае существительного.

По результатам эксперимента в отношении данной группы существительных стало ясно, что семантика НСВ преобладает и в данном

словообразовательном типе. Но это происходит на фоне общего снижения количества компонентов семантики НСВ по всем группам признаков и, следовательно, увеличения доли таких значений СВ как законченность, интенсивность, непроцессуальность. Данная тенденция обусловлена опять-таки влиянием значения безаффиксального типа словообразования на языко-речевую систему и сознание носителей языка. То, что безаффиксальное словообразование является более лексикализированным, или точнее сказать оказывает сильное влияние на преобразование компонентов видовой семантики, можно утверждать, опираясь на данные следующей таблицы.

Таблица 19

Компоненты семантики СВ в отглагольных существительных, образованных в рамках безаффиксального способа

	завершенность	краткосрочность	интенсивность	однократность	результативность	непроцессуальность	цельность	целенаправленность
сшив	0,14	0,04	0,03	0,05	0,08	0,03	0,06	0,09
приказ	0,09	0,06	0,06	0,08	0,09	0,08	0,1	0,18
разрез	0,1	0,04	0,04	0,11	0,07	0,07	0,04	0,1
смесь	0,11	0,05	0,07	0,03	0,11	0,07	0,01	0,06
бег	0,02	0,04	0,10	0,05	0,07	0,04	0,09	0,12
запись	0,11	0,06	0,04	0,07	0,07	0,05	0,05	0,08
ремонт	0,08	0,03	0,04	0,05	0,10	0,01	0,07	0,10
обзор	0,08	0,04	0,04	0,04	0,07	0,04	0,09	0,15
проход	0,06	0,06	0,05	0,08	0,05	0,09	0,07	0,06
инструктаж	0,12	0,05	0,03	0,07	0,10	0,03	0,05	0,14
монтаж	0,05	0,06	0,06	0,05	0,07	0,07	0,04	0,07
ИТОГО	0,079	0,048	0,05	0,061	0,07	0,05	0,061	0,064

Особого внимания заслуживает группа существительных, образованных с помощью суффикса –ни-, где производящей основой является глагол СВ.

Таблица 20

Компоненты семантики НСВ в существительных на –ниј-, образованных от глаголов СВ

	незавершенность	длительность	медлительность	многократность	нерезультативность	процессуальность	частичность	целенаправленность
приказание	0,04	0,02	0,01	0,06	0,01	0,05	0,09	0,03
разрезание	0,11	0,04	0,06	0,04	0,04	0,07	0,04	0,02
получение	0,04	0,05	0,04	0,12	0,04	0,08	0,06	0,02
ИТОГО	0,063	0,036	0,036	0,073	0,03	0,067	0,063	0,023

Из таблицы видим, что данные существительные подверглись влиянию словообразовательного типа, за которым, как уже было отмечено, в сознании носителя закрепились значения процессуальности и незавершенности. Кроме названных компонентов, коэффициент которых достаточно высок, в качестве одного из смысловозначительных признаков для данной группы отглагольных существительных, по данным эксперимента, можно назвать признак многократности и частичности, то есть квантового способа протекания действия.

Основываясь на экспериментальных данных, можно сделать вывод о том, что аспектуальная семантика является одним из компонентов глагольной семантики, которая оказывает влияние на формирование лексического значения отглагольного существительного со значением процессуальности. Кроме того, категория вида является одним из факторов, на основе которого происходит дифференциация лексического значения в однокорневых отглагольных субстантивах. Ее инвариантные значения – результативности, завершенности, краткосрочности, целенаправленности – обеспечивают основу для дальнейшего деривационного развития слова в рамках лексической деривации. Степень количественно-качественных изменений (семантического расстояния) варьируется в зависимости от словообразовательных типов, по которым образованы отглагольные кодериваты.

2.5. Полиситуативность глагольной семантики как дифференцирующий фактор значений однокорневых субстантивов

Одним из факторов, определяющих семантическое расстояние между однокорневыми отглагольными существительными и их исходным словом, а, следовательно, и разницу в их лексическом значении, мы считаем онтологическую сущность глагольной семантики. Как было сказано в предыдущих параграфах нашего исследования, определение объема лексического значения глагола является в лингвистике одним из самых проблемных вопросов, поскольку оно может быть охарактеризовано как релятивное, относительное значение, выражаемое только через связи с другими объектами. Таким образом, лексическое значение глагола носит метонимический характер, так как «именно метонимические переносы и метонимические трансформации лежат в основе номинации глаголом целой ситуации» [Кубрякова, 1992. С.89]. Метонимическая сущность, а также дополнительный признак, которым может быть охарактеризована названная глаголом ситуация – динамичность, то есть изменяемость ситуации во времени, - вносят постоянные коррективы в определение границ лексического значения глагола. Это происходит по причине того, что в семантику глагольного слова втягиваются новые компоненты и признаки, связанные с измененной ситуацией. В конечном счете, данный фактор оказывает влияние и на лексические значения отглагольных дериватов.

В связи с названными выше качествами глагольной семантики достаточно сложным становится вопрос о методах изучения глагольной семантики. Одним из наиболее известных способов описания семантического значения, который был применен к глаголу, является метод, разработанный А.Вежбицкой [Вежбицка, 1983]. Данный метод заключался в разбиении анализируемого факта действительности на семантически далее неделимые атомы, или примитивы. И.А.Мельчук, также руководствуясь данным методом, отмечает, что «строгое семантическое разложение толкуемой

лексемы – так, чтобы избежать порочных кругов ... последовательные разложения исходных лексических смыслов, должно привести, в конце концов, к семантическим атомам – элементарным смыслам, далее неразложимым и задаваемым списком. (Другое известное их название – семантические примитивы)» [Мельчук, 1995. С.6].

Рассмотрение данного вопроса в аспекте когнитивной лингвистики открыло новые возможности для его решения. Когнитивистика предполагает описание денотативных слоев семантики в корреляции с их динамикой, которая наиболее четко выражена и актуализирована в сознании носителя языка. Этим фактом и определяется большое количество работ, ориентированных на изучение сознания человека. Особое внимание в рамках когнитивной лингвистики решению этой проблемы уделяли Ю.Д.Апресян, Е.В.Падучева, Е.С.Кубрякова, Н.Д.Арутюнова и др. Рассматривая глагольную семантику как стратегию Говорящего, Е.С.Кубрякова утверждает, что «за глаголами стоят моторные программы их осуществления и что наряду с статическими образами следовало бы выделить и эти динамические или кинематические схемы», так как «само наблюдаемое движение и его формы» составляют суть семантики глагола, поэтому «необходимо принимать во внимание широкую трактовку семантики глагола как отвечающую позиции наблюдателя действия» [Кубрякова, 1992. С.87]. Однако не менее важна в определении семантики глагольного слова и позиция Воспринимающего, поскольку его стратегия в определении значения глагола носит иной характер, интерпретирующий. Он восстанавливает в своем сознании то, что получил в процессе восприятия речевого стимула в виде глагольной формы. Изучение позиции Слушающего – предмет изучения в работах Е.В.Падучевой, Н.Б.Лебедевой.

Опираясь на утверждение о том, что «глагол – часть речи, наиболее приспособленная для номинирования динамических фрагментов мира, – может быть рассмотрен именно в аспекте передачи смены одних состояний другими, поскольку он несет информацию и о первых, и о вторых»,

Н.Б.Лебедева выстраивает свою концепцию глагола как полиситуативного комплекса [Лебедева, 1999].

Рассмотрение глагола в подобном аспекте имеет давнюю традицию в лингвистике. Под термином «глагольная количественность» она рассматривалась в работе И.А.Бодуэна дэ Куртенэ [Бодуэн дэ Куртенэ, 1963. С.316], как «множественное число глагольного понятия» ее изучал О. Есперсен [Есперсен, 1958. С.243]. Отдельные составляющие компоненты полиситуативности стали предметом изучения и в более поздний период развития лингвистики: таксис [Якобсон, 1983]; фазовость или фазисность [Соколов, 1997]; категория множества ситуаций и категория кратности [Храковский, 1987]; категория глагольной множественности [Долинина, 1996]; «умножение событий» [Арутюнова, 1988. С.174].

Пересечение такого признака глагольной семантики, как полиситуативность, с общенаучной категорией времени обуславливает ее рассмотрение не только в чисто хронологическом аспекте этого понятия, но и определяет ее продление в изучении аспектуальных характеристик глагола как его «внутреннего времени» [Реферовская, 1997].

В работах И.А.Бодуэна дэ Куртенэ, О.Есперсена, В.С.Храковского, Н.Д.Арутюновой отмечается достаточно тесная связь полиситуативности с другой философской категорией – категорией количества. Понимание данной характеристики глагола определяется в них как множество, связанное с понятием счета, поскольку временная субстанция отраженных в языке фрагментов мира способна к структуризации [Храковский, 1987. С. 124]. По утверждению Н.Б.Лебедевой, «в полиситуативности находит разрешение диалектическое противоречие между дискретностью и континуальностью мира. В реальной действительности все ситуации связаны друг с другом, перетекают одна в другую... Но именно человеческое мышление членит действительность на отдельные фрагменты... и представляет через языковые формы как отдельные события, в их взаимосвязи или более-менее автономно» [Лебедева, 1999. С.41].

Проявление полиситуативности может осуществляться на уровне текста, синтаксиса, лексики – здесь преимущественно обладают глагольные структуры – с учетом соответствующих каждому уровню средств, а также в условиях их комбинирования.

Рассматривая проявление признака полиситуативности на материале префиксальных глаголов, Н.Б.Лебедева предлагает в своей работе схему когнитивного анализа их лексического значения, основанную на понятиях ситуатемы, пропозиции и участников ситуации [там же. С.103]:

- I. Глагол, общая характеристика, примеры
- II. Фациенты (Участники) ситуатемы и их характеристика
- III. Пропозиции и их характеристика
- IV. Конфликтный стержень ситуатемы
- V. Динамика протекания ситуатемы
- VI. Реализация номинативного потенциала (семасиологический аспект)
- VII. Лексическое микрополе глаголов близкой семантики (ономасиологический аспект).

Поскольку отглагольные существительные сохраняют семантику производящего слова, мы считаем, что рассмотрение их значения в аспекте полиситуативности поможет внести разъяснения в лексическое значение его дериватов. Однако не все пункты предложенного Н.Б. Лебедевой анализа могут быть актуальны для нашего исследования. Считаем, что в нашем случае нецелесообразно рассматривать последние два пункта плана «Реализация номинативного потенциала» и «Лексическое микрополе глаголов близкой семантики», так как они направлены на изучение группы семантически близких глаголов – их лексико-семантическое поле, называемое рассматриваемую ситуацию, что не входит в задачи нашего исследования. Конечно, семантическая близость глаголов накладывает определенный отпечаток не только на пропозициональную структуру, но и на характер образованных от него слов (характер номинации, особенности системных отношений однокорневых дериватов и т.д.). Однако нам важно

описать индивидуальные особенности каждого глагола для того, чтобы выяснить важность некоторых из них для определения различий в лексических значениях однокорневых отглагольных дериватов.

Прежде чем мы перейдем к анализу конкретных глаголов по данной схеме, необходимо определиться с терминологической базой нашего исследования.

Одними из основных понятий в данном параграфе являются понятия ситуации и пропозиции. В современной лингвистике термин пропозиция обычно коррелирует с понятием ситуации. «Сигнификативная ситуация обычно эквивалентна пропозиции. Разница заключается в том, что ситуация – это целостное образование, для которого внутренняя структура существенна лишь в той мере, в какой она может отличать данную ситуацию от любой другой, пропозиция же – это ситуация, взятая в аспекте ее внутренней логической структуры» [Касевич, 1988. С.58]. В нашей работе понятия ситуации и пропозиции являются представителями одного и того же объекта, реализующими его содержание на разных уровнях абстрагирования, то есть под пропозицией нами понимается абстрактная ситуация.

Далее мы приводим пропозициональный анализ глаголов, которые являются мотивирующими глаголами для однокорневых существительных. Данные лексические единицы – представители выделенных нами для изучения пяти словообразовательных типов. Естественно, преждевременно говорить о регулярной зависимости различий в лексических значениях отглагольных однокорневых существительных от отнесенности глаголов к определенному словообразовательному типу, вероятно, что в основе лежат другие классифицирующие категории. Нам важно представить механизм исследования и сопоставления данных различий.

1. Глагол *информировать* относится к лексической группе глаголов ментальной деятельности и имеет следующую словарную дефиницию: «Сообщить – сообщать о положении дел в какой-либо области, о каких-либо

событиях и т.п.; осведомить – осведомлять кого-либо, что-либо». *Информировать о случившемся. Он хорошо информирован в этих делах.*

Ситуатема данного глагола включает 4 Фациента – Участника ситуации: два субстанциональных Участника – Субъекта названного действия, одного Делиберативно-Перцептивного Участника, одного факультативного Участника, называющего место локализации ситуации. Рассмотрим более подробно функции названных Участников ситуатемы:

1). Субъект-1 (С-1) – Агенс, так как это «лицо, активно осуществляющее ситуацию» [Шмелева, 1988], «одушевленный производитель действия» [Сусов И.П., 2004], он же сочетает в себе функции Говорящего, Каузатора, поскольку именно этот Участник создает ситуацию, Посессора, так как обладает определенным объемом ментальных знаний.

2). Субъект-2 (С-2) – Пациенс, так как подвергается изменению область его знания, сознание, он же Адресат, Бенефициенс, поскольку он является одушевленным лицом, в пользу которого совершается действие [Сусов И.П., 2004], он же Слушатель в широком смысле этого слова, или Реципиент.

3). Объект-1 (О-1) – Делиберативно-Перцептивный Участник, под которым понимается объект умственных и речевых действий, объект восприятия; в данной ситуатеме выполняет информативную функцию, основной признак которой – новизна сообщаемого, сообщаемое С-1 знание в этом случае апеллирует к ментальной стороне С-2. Кроме того, данный Участник имеет подфункцию Результатива, поскольку сообщаемое С-1 знание становится таковым только в результате осуществления ситуации. Сообщаемое знание, которое условно может быть названо Текстом, является в анализируемой ситуатеме важной детерминемой, обуславливающей развитие ситуации.

4). Объект-2 (О-2) – Инструмент, с помощью которого С-1 передает О-1. В данном случае он носит характер Орудия, то есть актанта инструментального типа, специально предназначенного для инструментального использования. Лексическое значение глагола

предполагает, что реализация данной ситуатемы возможна и в условиях отсутствия одушевленного субъекта действия. В таком случае, О-2, являясь Инструментом, может выполнять функции Каузатора ситуации.

Количественный пропозициональный состав ситуатемы содержит 3 пропозиции. По типу таксисных отношений ситуатема имеет характер следования, то есть события в ней осуществляются в разные промежутки времени, а не одновременно. В рассматриваемой ситуатеме существует как проспективная, так и ретроспективная пропозиции, имеющие скрытый имплицативный дополнительный характер.

Пропозиция-1: С-1 сообщает О-1 для С-2. Ситуация-1 – ситуация передачи знания – событийная, реальная, целенаправленная. Она маркирована глаголом *информировать*, который ставит данную пропозицию в коммуникативный фокус и переводит ее в статус лексикализованной ситуации. Глагол, называющий данную пропозицию, содержит в составе своего лексического значения «отсылку к предшествующей ситуации», то есть обладает «конституитивным элементом значения» [Арутюнова, 1980. С.221]. Кроме отсылки к предшествующей ситуации, глагол *информировать* ориентирован на конечный результат – получение знания Слушающим. Она является пропозицией-скрепой, объединяя воедино пропозицию-2 и пропозицию-3 в единое целое – ситуатему, или ситуацию в масштабе макро-ситуации.

Пропозиция-2: С-2 находится в ситуации незнания. Данная Ситуация-2 может быть охарактеризована как немаркированная, ретроспективная имплицативная, она ассоциирована с основной, связана с ней модусно-логическим отношением незнания С-2.

Пропозиция-3: С-2 находится в ситуации знания после реализации пропозиции-1. Она носит проспективный характер, является имплицативной немаркированной, связанной модусно-логическим отношением знания С-2 с пропозицией-1.

Ситуатема глагола *информировать* имеет энергетический центр, конфликтную основу, которая является основной детерминемой всей ситуации. Ядро конфликта заключается в различном статусе и противоположных модусах С-1 и С-2; С-1, выполняя роли Посессора – обладателя ментальных знаний и Каузатора данной ситуации, желает, будучи одушевленным, изменить статус С-2, сообщив ему некоторое знание О-1.

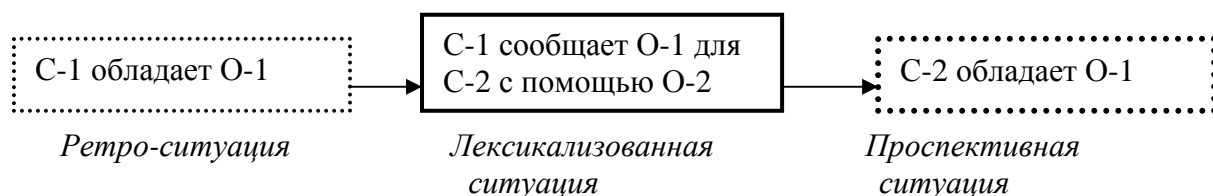
Анализируемая ситуатема относится к динамическим, поскольку в процессе протекания события у Участников происходит трансформация, переход из одного информативного состояния в другое. Динамичность обеспечивается изменением статуса не только С-2, который в ретро-ситуации находился в роли возможного потенциального Реципиента, Бенефициенса, в чью пользу предполагается совершить действие, был в состоянии готовности к манипулятивным (информативным) действиям над ним, а уже в пропозиции-3 (перспективной) стал Посессором – обладателем О-1, равнозначным по статусу С-1.

Также изменилось и состояние О-1: его обладателем, «хозяином» в пропозициях 1 и 2 являлся только С-1, но уже в пропозиции-3 Делиберативно-Перцептивный Участник приобрел еще одного обладателя – С-2, который теперь находится в равных условиях с С-1.

Таким образом, развертывание динамики в данной ситуатеме происходит с двух противоположных сторон. В ретроспективной ситуации С-1 каузировал всю ситуацию, то есть до наступления лексикализованной ситуации (пропозиции-1) сформировались все целевые установки С-1: желание сообщить О-1 для С-2. С-1 действует в модусе знания и контролирует пропозицию-1, являясь ее каузатором, «режиссером» и «исполнителем». Этот модус знания является детерминемой всех его действий: так как основным его намерением является изменение модуса незнания своего Реципиента. С другой стороны, С-2 является объектом получения О-1, результат данного получения – содержание перспективной пропозиции. Таким образом, лексикализованная ситуация связана и

ретроспективным планом и, в большей степени, с проспективным планом ситуатемы, поскольку именно он является конечным результатом деятельности С-1 по сообщению некоего знания для С-2.

Наиболее наглядно данную ситуатему можно представить в форме следующей схемы:

Поскольку отглагольные однокорневые дериваты, являющиеся объектом нашего исследования, большинством лингвистов отнесены к разряду синтаксических дериватов, то, опираясь на эту точку зрения, можно применить предложенную Н.Б.Лебедевой схему когнитивного анализа и к данной группе лексических единиц.

От глагола *информировать* с помощью транспозиционного словообразовательного механизма образованы два однокорневых существительных – *информирование* и *информация*. Согласно лексикографической трактовке первого существительного [БТС, 1998. С.397], оно имеет идентичное с мотивирующим глаголом лексическое значение. Таким образом, оно называет ту же самую ситуатему, что и базовый глагол и, следовательно, сохраняет тот же самый пропозициональный и актантный состав с теми же логическими связями между ними. Опираясь на данные словаря [БТС, 1998. С.397], делаем вывод о том, что кроме значения, тождественного производящему глаголу *информировать* и первому кодеривату *информирование*, существительное *информация* обладает и двумя другими ЛСВ: 1). Сообщение о положении дел где-л., о каких-л. событиях и т.п. *Снабдить нужной информацией. Дать подробную информацию о происшедшем.* 2). Сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые человеком или специальными устройствами. *Поток информации.*

Данные ЛСВ позволяют говорить о том, что отглагольное существительное *информация* наряду с процессуальным значением становится также обозначением для одного из участников всей ситуатемы – О-1, то есть тех знаний, которые являются объектом передачи от С-1 к С-2. Таким образом, состав лексического значения данной лексической единицы дополнился значениями, образованными в результате метонимического переноса с самого процесса передачи знаний на то, что передают, то есть с лексикализованной ситуации на объект передачи.

Данные теоретические предположения нуждаются в подтверждении, которое возможно получить, используя данные ассоциативных полей. Процесс получения последних был достаточно подробно описан в п. 2.1. настоящего исследования. Использование данных, полученных в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, оправданно для верификации высказанного предположения, поскольку в составе полей отражены все компоненты исследуемого значения.

Итак, результаты изучения ассоциативных полей подтверждают полипропозициональную структуру ситуатемы, названную глаголом *информировать*. Реакции *передать знания, знать, доносить, познакомить* доказывают существование в анализируемой ситуатеме ретроспективного плана. Проспективная ситуация реализована в ассоциативном поле реакциями, характеризующими деятельность С-2 по усвоению им О-1: *ум, слушать, узнать, думать, учить*. Больше количество реакций называют маркированную ситуацию: *сообщить, говорить, дать информацию, оповещать, сообщать, проинструктировать, сказать*. Для характеристики Фациентов – Участников ситуации респондентами даны следующие реакции: для С-1 – *информатор, преподаватель по информатике*; для С-2 – *кого-либо, людей, ментов, население, себя, меня, человека*; для О-1 – *информация, новость, данные, знание, новости, о пожаре, о происходящем, сведения, ситуация*; наибольшее качественное разнообразие в данном ассоциативном

поле представлено для характеристики О-2 – *компьютер, газета, телевизор, Интернет, радио, интервью, книги, СМИ, слова, ЭВМ.*

Проведем сравнительную характеристику ассоциативных полей отглагольных существительных по тем же основаниям признакам. В ассоциативном поле существительного *информация* реакциями – *обогащение, узнать новое* – характеризуется связь маркированной ситуации с перспективным планом; увеличивается количество реакций, указывающих на пространственные характеристики протекания ситуации – *университет, урок информатики, школа*; при этом не снижается также количество реакций, называющих О-2 – Инструмент – *БИС, газета, журнал, пресса, Интернет, книги, компьютер, радио, слова, СМИ, телевидение, телевизор*. Возросло в сравнении с полем производящего слова количество реакций, обозначающих содержание О-1 - объекта передачи, сообщения: *знание, мысли, новости, новость, сведения, факт, факты, что-то новое, тема, New*. С-1 может быть охарактеризован реакциями - *Людмила Викторовна, человек*, малое количество реакций объясняется, вероятно, тем, что за лексическим значением слов *информирование – информация - информирование* закрепляется в современном мире именно знание и его получение из искусственных источников, а не исходящее от человека.

Применив методы математического анализа, определим удельную долю каждого Участника глагола и его однокорневых производных по формуле:

$$K = \frac{\text{количество реакций, характеризующих актантную рамку глагола}}{\text{количество всех реакций ассоциативного поля}}$$

	К _{О-1}	К _{О-2}	К _{С-1}	К _{С-2}	К «место»	К «модус»
<i>информировать</i>	0,02	0,12	0,18	0,27	0,01	–
<i>информация</i>	0,03	–	0,29	0,53	0,05	0,06
<i>информирование</i>	0,03	0,03	0,26	0,41	–	0,01

Из таблицы видим, что количественные показатели, определяющие содержание С-1 (объекта передачи) и С-2 (инструмента, с помощью которого осуществилось действие) существенно выросли. Этот факт подтверждает предположение о том, что сместились акценты в структуре лексического значения отглагольных существительных по сравнению с исходным словом, и создает условия для увеличения количественно-качественных различий между ними. Сравнивая между собой количественные показатели отглагольных дериватов, наблюдаем тенденцию к увеличению числа реакций, называющих признак, качество *информации* – *интерес, обогащение, полная*, что присуще в большей степени категориальным признакам имен существительных. Учитывая, что коэффициент признаковых показателей выше у слова *информация*, мы делаем вывод о проявлении в его значении большего количества категориальных признаков имен существительных в сравнении со словом *информирование*, в котором коэффициент признаковых показателей приблизительно равен тому же коэффициенту, что и в поле производящего слова.

Рассмотрим еще один пример для получения информации о том, какие изменения происходят в семантике дериватов другого словообразовательного типа относительно их производного слова.

Согласно данным БТС глагол *зимовать* имеет следующие значения: 1) Проводить где-либо зиму, оставаться где-либо на зиму. *Зимовать на даче. Зиму зимовать в дачном домишке.* 2) Выдерживать, переносить зимние холода (о птицах, растениях). *Розы зимуют под укрытием. Утки остались зимовать в местах гнездования.*

Исходя из данного определения лексического значения глагола, Участниками ситуатемы данного глагола являются Субъект-1 и Субъект-2, Локум и временной локализатор. Субъект-1 в данном случае имеет подфункцию Агенса, поскольку является «лицом, активно осуществляющим ситуацию» [Лебедева, 1992]. Также в данной ситуатеме, на наш взгляд, можно выявить Субъект-2, который в данном случае, хотя и назван, но

вынесен за рамки данной лексикализованной ситуации. Он является Каузатором, так как создает эту ситуацию, при этом может быть охарактеризован как неактивный. Обстоятельственными Участниками данной ситуации являются Локум и Временной локализатор.

Ситуатема глагола *зимовать* представляет собой сложную структуру. Она является полипропозициональной бисубъектной пропозицией, где одно событие является маркированным, а другие связаны с ним отношениями одновременности. Ситуатема глагола *зимовать* имеет нечеткую, но существующую в сознании носителя языка связь с ретроспективным планом, поскольку она предваряется другой ситуацией – подготовкой к процессу, обусловленному сложными климатическими условиями и обозначенному глаголом.

Реакции ассоциативного поля глагола эксплицируют содержание Субъекта 1-Агенса, ими являются представители фауны: *медведь, птицы, стрекоза, медведь в берлоге, снегирь*. Содержание Субъекта 2 - Каузатора составляют реакции, связанные с обозначением холодного времени года: *зима, холод, снег, холодно, морозы, стужа* (слово несет в себе некоторую эмоциональную нагрузку + *скука* как субъективная характеристика способа протекания действия). Обстоятельственные характеристики ситуатемы также зарегистрированы в ассоциативном поле глагола. Доминирующее положение занимает Локум «берлога», «дом» (выражен различными лексическими единицами *дом, изба, избышка*), затем следуют «лес», «палатка», «Сибирь», «север», «юг». Реакции *теплая одежда, шуба* имеют, на наш взгляд, характер орудийности, что вносит в ситуатему глагола еще одного Участника – Инструмент. Реакции *спячка, ночевать* характеризуют способ протекания одновременного с событием *зимовать* другого события. Временной локализатор со значением конечности действия представлен реакциями *бывать, жить, переживать, переживать холод, перезимовывать*. Слово *запасы* характеризует ретроспективную пропозицию. Таким образом, в сознании носителя языка глагол *зимовать* имеет достаточно сложную

структуру, в которой отражены полисобытийная структура глагола, характеристика сложных климатических условий, в которых протекает действие, а также способ протекания действия.

Рассмотрим ассоциативное поле существительного *зимование*, которое также отражает бисубъектную структуру действия. Доказательством этого служат реакции, определяющие содержание Субъекта-1 – Агенса: *медведь, птицы, бонж, животные, зверей, перелетные птицы, снегири*. Характеристикой Субъекта-2 – Каузатора являются реакции *холод, снег, зима, снежные сугробы*. При этом нужно отметить отсутствие экспрессивной окрашенности реакций этого Участника ситуации в сравнении с исходным глаголом. Преобладание реакций, характеризующих содержание Субъекта-2 – Каузатора, доказывает лексикализованность ситуации, названной по существительному «зима». Локум характеризуют реакции *север, Сибирь, юг, на юге*. При качественном сравнении этого пункта с глагольным полем видим, что пространственные характеристики стали обладать большими размерами, носят абстрактный характер, не имеют четкой привязанности к месту. Сохранился и увеличил удельную долю такой Участник ситуации, как Инструмент: *шуба, сапог*. Одновременные с процессом «проведения где-либо зимы» другие события представлены в ассоциациях достаточно широко в количественном плане, но их качественное разнообразие невелико. Из 13 реакций 11 определяют содержание события как *спячка, сон*. Реакция *нагул витаминов и жира* реализует положение о ретроспективном характере ситуатемы.

В ассоциативном поле другого кодериата - *зимовка* – также реализованы все названные Участники ситуации, обозначенные выше в ситуатеме глагола *зимовать*. Количество реакций, называющих Субъект-1 – Агенса возросло по сравнению с полями слов *зимовать, зимование*, причем все называют только представителей животного мира: *медведь, птицы, звери, лоси*. Уменьшилось количество слов, характеризующих Субъект-2 – Каузатор. Локум имеет достаточно конкретное наполнение: *берлога, изба,*

тайга. Количество реакций, которые можно отнести для характеристики Инструмента, возросло и реализовано следующими реакциями: *шуба, теплая одежда, шапка*. Способы протекания одновременных с процессом *зимовки* событий также представлены в поле существительного достаточно разнообразно: *спячка, выживание, обогрев, ночлег, сон, уединение*. Ретроспективный характер пропозиции подтверждают следующие реакции: *запас, утепление, холодание*.

	К _{С-1}	К _{С-2}	К «локум»	К «инструмент»	К «временной локализатор»	К «модальность»
<i>зимовать</i>	0,15	0,41	0,15	0,03	0,06	0,03
<i>зимование</i>	0,24	0,42	0,09	0,06	–	–
<i>зимовка</i>	0,39	0,23	0,08	0,08	–	0,01

Данные таблицы позволяют судить о наиболее общих изменениях в семантике отглагольных существительных. Так, наблюдается нарастание тенденции к независимости семантики отглагольных существительных от пространственно-временных отношений, одних из главных в категориальной семантике глагола.

Представленные примеры, а также ряд других [Болдина, 2004б, 2005а, 2005б, 2006] показали возможность исследования ассоциативных полей отглагольных существительных с помощью методики когнитивного анализа. Данная возможность осуществима благодаря сохранению компонентов глагольной семантики в составе лексического значения именных дериватов. Действенность ее проявляется в том, что на ее основе можно конкретизировать те компоненты значения, в которых различаются очень схожие однокорневые имена существительные.

Механизм изучения ассоциативных полей для парадигмы мотивирующий глагол – два однокорневых субстантивных деривата с помощью методики когнитивного анализа можно представить в форме следующей схемы:

1. Выявить ситуативную структуру мотивирующего глагола на основе его лексического значения.

2. Определить состав Участников ситуации, обозначенной мотивирующим глаголом.

3. Распределить реакции ассоциативного поля отглагольных существительных в соответствии с набором Фациентов исходного глагола.

4. Определить характер инновационного компонента, отраженного реакциями в ассоциативном поле.

5. Осуществить сравнительный анализ качественного и количественного содержания для каждого Фациента, в том числе и для инновационного.

6. Сделать вывод о системных отношениях однокорневых отглагольных дериватов на основе изменений и различий в лексических значениях, зарегистрированных в составе ассоциативных полей существительных. При этом необходимо учесть, что увеличение коэффициентов признаковой семантики в составе ассоциативных полей отглагольных существительных позволяет говорить не только об отрыве их значения от глагольной семантики, но и при сравнении определить, какое из них более подвержено влиянию именной категориальной семантики, что в свою очередь ведет к более глубоким изменениям в лексическом значении слова.

Представление в рамках данного диссертационного исследования подробного полипропозиционального анализа всех исследуемых парадигм не представляется возможным. При анализе полей для существительных с суффиксом -ниј- чаще всего регистрируются незначительные изменения как в количественном, так и в качественном составе Участников ситуации, что объясняется более тесной их связью со значением исходного глагола. В отношении других словообразовательных типов преждевременно делать выводы о некоторой типизированности зарегистрированных изменений в словах, поскольку исследование осуществляется на материале глаголов

разных лексико-семантических групп, что предполагает различный качественный набор Участников называемой ситуации.

2.6. Комплексное описание системных отношений слов в деривационно связанной парадигме путем сопоставления их ассоциативных полей

Подводя итоги нашему исследованию, мы предлагаем комплексное описание системных отношений слов в деривационно связанной парадигме путем сопоставления их ассоциативных полей на примере одной парадигмы. Данное описание приводится с целью верификации разработанной нами методики, созданию алгоритма по применению метода сопоставления ассоциативных полей.

Наиболее ярким примером, показывающим семантическое расстояние между деривационно связанными словами и предоставляющим возможность описания системных отношений однокорневых отглагольных существительных, мы считаем парадигму *получить – получение – получка*.

Для получения ассоциативных полей каждый из членов названной парадигмы был использован в качестве слова-стимула при проведении свободного ассоциативного эксперимента. По его результатам были получены следующие ассоциативные поля, в которых реакции упорядочены по алфавитному и частотному принципам:

получить

деньги(44), письмо(5), зарплату(4), зарплата(3), стипендию(3), братъ(2), давать(2), подарок(2), благо, бумага, выгода, глагол, добывать, забирать, знания, информацию, исход, наставник, отдавать, письмо, известия; получение, посылку, прибыль, стипендия,

отказ: 2

получение

деньги(19), зарплата(9), стипендия(4), денег(4), подарок(3), посылка(6), премии(2), готовый продукт, дача, диагноз, доход, знание, наказ, наказание, наставление, нудность, оценки, письма, письмо, пособий, почта, премия, приобретение, прибыль, приз, принятие, результат, родители, стипендии, учитель, школа;

отказ: 5

получка

деньги(27), зарплата(14), гулянка(4), аванс(2), здорово(2), бюджет, выдача денег, восторг, выпивка, достаток, кафе, обновка, пинков, подарки, покупка, праздник, работа, радость, счастье, трата денег, хорошо;

Первичный качественный анализ полученных ассоциативных полей позволяет сделать вывод о том, что реакции ассоциативного поля реализуют все денотативные признаки данных лексических единиц, указанные в лексикографических источниках.

Сопоставление качественного состава ядерных зон ассоциативных полей доказывают существование в данной парадигме мотивационных отношений, за счет которых создается деривационная связность. Изучение полей с введением $K_{\text{Разнообразия}}$, демонстрирующим разнообразие в составе реакций, дало следующие результаты:

глагол	$K_{\text{разнообр}}$	существ. 1	$K_{\text{разнообр}}$	существит.2	$K_{\text{разнообр}}$
получить	0,29	получение	0,41	получка	0,32

Из данных таблицы мы можем заключить, что лексическое значение существительного *получение* имеет наиболее высокий $K_{\text{Разнообразия}}$. Данный факт говорит о том, что в сознании носителей не сложилось четкого, типизированного представления об означаемом данного слова, которое принадлежит к группе абстрактной лексики, обладает достаточно широкими сочетательными способностями, что также обеспечивает широкую валентность значению данного имени. Причины примерно одинаковой величины коэффициента разнообразия существительного *получка* и его исходного глагола *получить* необходимо искать, изучая качественный состав их ассоциативных полей, в котором заключаются сведения о грамматическом и семантическом компонентах значения данных слов.

Исходя из гипотезы о том, что категориальная семантика глагола сохраняется в однокорневых существительных в разном объеме, определяя тем самым семантические различия, рассмотрим ассоциативные поля с позиций сохраненности в составе значения существительных категориальной

семантики производящего слова. Для этого введем $K_{\text{Парад}}$ и $K_{\text{Синтагм}}$ как количественные показатели именных и глагольных категорий в составе ассоциативных полей. По результатам их интерпретации получили следующие данные:

глагол	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$	существ. 1	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$	существит.2	$K_{\text{Парад}}$	$K_{\text{Синтагм}}$
получить	0,09	0,89	получение	0,04	0,89	получка	0,68	0,05

Из этой таблицы видим, что $K_{\text{Синтагм}}$ очень высок в глагольном слове *получить* и его деривате *получение*, что не только подтверждает мысль о синтагматическом характере глагольной лексики, но и свидетельствует о том, что данный характер может сохраняться и в отглагольных именах, причем в разном количестве. В существительном *получка* видим изменение соотношения $K_{\text{Синтагм}}$ и $K_{\text{Парад}}$ в сторону увеличения последнего, что доказывает изменение его категориальной семантики в сравнении с исходным словом, задавая разницу в семантическом расстоянии между отглагольными кодериватами.

Данный способ интерпретации указывает только на сам факт существования качественных изменений в семантике, но не дает возможности определить их содержательные характеристики. Для получения этой информации нужно использовать метод направленного ассоциативного эксперимента. Определяя ограничивающие факторы, мы исходили из гипотезы о стержневом значении семантики СВ и НСВ в составе глагольного значения, которое также сохраняется при отглагольном словообразовании. Оценив первоначально соотношение сохраненных элементов значения каждой из частей видовой оппозиции, мы получили следующие результаты:

	$K_{\text{СВ}}$	$K_{\text{НСВ}}$		$K_{\text{СВ}}$	$K_{\text{НСВ}}$
получение	0,50	0,50	получка	0,7	0,3

При незначимости для носителей языка видовых противопоставлений в существительном *получение*, которое мы можем объяснить потерей большего количества субъектных связей в сравнении с ситуацией, обозначенной

производящим глаголом, достаточно высок коэффициент значений СВ в существительном *получка*. Данный факт говорит не только о сохранении компонентов видовой семантики мотивирующего глагола *получить*, но и о ее значимости для семантики имени. Для более полного представления произошедших изменений в слове *получка* рассмотрим значимость каждого компонента семантики СВ.

	завершенность	краткосрочность	интенсивность	однократность	результативность	непроцессуальность	цельность	целенаправленность
получка	0,09	0,09	0,07	0,09	0,11	0,09	0,07	0,05

Важным оказывается тот факт, что носители языка осознают данную единицу как лишенную процессуального характера, что увеличивает семантическое расстояние между нею и мотивирующим глаголом. Особое влияние на формирование семантики слова *получка*, согласно данным таблицы, оказывают также компоненты результативности, завершенности, краткосрочности, однократности. На их основе и формируются качественные отличия от семантики существительного *получение*, в семантике которого на основании выдвинутой нами гипотезы о корреляции словообразовательного типа «глагол+-ниј-» со значениями НСВ нами рассмотрены компоненты значения последнего.

	незавершенность	длительность	медлительность	многократность	нерезультативность	процессуальность	частичность	нецеленаправленность
получение	0,04	0,05	0,04	0,12	0,04	0,08	0,06	0,02

Из приведенных в таблицах данных видно, что основные семантические различия в семантике основываются на значениях многократности / однократности и процессуальности / непроцессуальности. Таким образом, значение существительного *получение* сохраняет один из

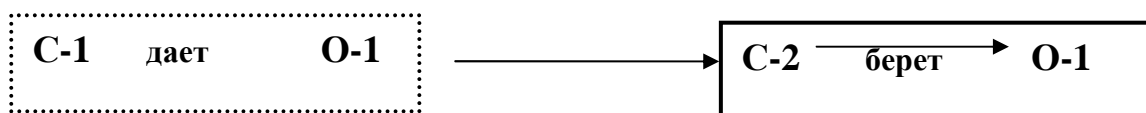
основных признаков глагола как части речи – процессуальность, на основании чего можем судить о меньшем количестве произошедших в его составе качественных изменений в сравнении с существительным *получка*. В его значении на фоне значительного увеличения коэффициента парадигматичности, свидетельствующем о качественной перестройке компонентов значения исходного слова, развиваются новые значения на основе инвариантных значений СВ – непроцессуальности, результативности, завершенности, однократности, что доказывает большее семантическое расстояние между существительным и глаголом и не позволяет определить их отношения как синонимические.

Доказательством тому могут служить лексикографические источники, определяющие данную лексическую единицу как самостоятельную в отличие от существительного *получение*, рассматриваемого в глагольной статье.

Пропозициональный анализ ситуатем, обозначенных исходным глаголом и его однокорневыми именами, также позволит внести определенную ясность в структуру значения последних.

Глагол *получить* имеет в составе своей семантемы 6 лексико-семантических вариантов [СО, 1994. С.481-482]: 1) Взять, приобрести вручаемое, предлагаемое, искомое. *П. письмо. П. зарплату. П. звание профессора. П. помощника.* 2) Принять для исполнения. *П. приказ.* 3) Добыть, произвести из чего-н. *П. керосин из нефти. П. интересные выводы.* 4) Испытать что-н., подвергнуться чему-н. *П. удовольствие. П. пощечину.* 5) Заболеть чем-н. *П. воспаление легких. П. насморк.* 6) Прийти в какое-н. состояние (в соответствии со значением следующего существительного). *П. всеобщее признание (становиться признанным). П. распространение (становиться распространенным). П. применение (начинать применяться).*

Таким образом, основываясь на данных лексикографических дефинициях, можно сказать, что глагол *получить* называет следующую ситуатему, отражающую все названные ЛСВ в наиболее общем виде.

Ретро-ситуация

Лексикализованная ситуация

Ситуатема глагола *получить* относится к разряду бипропозициональных структур, поскольку состоит из двух событийных пропозиций, одна из которых «брать» является лексикализованной, а «давать» немаркированной, данные ситуации объединены в единую пропозицию в режиме следования. Обе эти пропозиции реализованы в пределах одного высказывания. Ситуатема глагола *получить* предполагает 3 участника (фациента): Субъект-1, Субъект-2 и Объект. Кроме того, при реализации каждого отдельного ЛСВ глагола могут появляться также обстоятельственные Участники: Локум или Временной локализатор. Причем Локум может иметь две разные функции в разных ЛСВ. Например, в четвертом ЛСВ, он обозначает место, которое подверглось воздействию процесса, названного глаголом *получить*: *по мозгам, в глаз, по голове* и т.д. [Караулов, 1994. С.123]. В других ЛСВ может обозначать непосредственное место осуществления процесса: *почта, школа*. В самом общем виде каждый из других участников может быть охарактеризован следующим образом:

Субъект-1 является Посессором, т.е. обладателем. Субъект-2 выполняет роль Агенса, актанта субъектного типа, активность, энергия которого затрачена для реализации данной ситуации. Объект имеет пациенсную подфункцию, так как существует до наступления ситуации и подвергается изменению в ходе ее протекания, в данном случае приобретает нового обладателя. Содержание Объекта может носить как предметный, материальный характер, так и ментальный.

Данная ситуация имеет конфликтный стержень, являющийся источником её развития, здесь он заключается в том, что Субъект-2, выполняющий роль Агенса, не является обладателем Объекта-Пациенса, но желает его приобрести. Динамика ситуатемы обеспечивается, как и в

предыдущем примере, изменением в статусе С-2, который получает в результате этого процесса функцию Посессора.

Рассмотрение отглагольных кодироватов позволяет сделать вывод о том, что отглагольное существительное *получение* может быть образовано только от 1, 2, 3 и 4 ЛСВ базового глагола, называя ту же самую ситуацию и сохраняя при этом состав пропозиций, участников, а также их характер. Таким образом, подтверждается мнение ученых о транспозиционном характере данной словообразовательной модели.

Иначе обстоит дело с существительным *получка*. Его лексическое значение, указанное в толковом словаре [БТС, 1998. С.911], определяется как «заработная плата». *Первая получка. Потратить всю получку на пустяки.* 2) «получение заработной платы; день такого получения». *День получки. Занять деньги до получки.* При этом нужно отметить, что данные ЛСВ в словарной статье этого глагола являются первым и вторым, что свидетельствует о первостепенности данного ЛСВ в составе лексического значения слова. Возвращаясь к «лексикографическим речениям», можем утверждать, что они сужают объем содержания Объекта-Пациенса, сводя его только к денежному наполнению. Следовательно, транспозиционный характер в данном словообразовательном случае подвергается сомнению, поскольку произошли значительные изменения в содержании лексического значения производного слова по отношению к его производящему. В результате данного анализа становится очевидным тот факт, что различия в лексических значениях отглагольных однокорневых существительных *получение* и *получка* позволяют говорить о существовании определенного семантического расстояния не только относительно производящего слова, но и относительно друг друга. Для наиболее наглядного представления полученных результатов, составим сравнительную характеристику количественных параметров для членов вышеназванной парадигмы.

	К _{С-1}	К _{С-2}	К _{О-1}	К «локум»	К «место воздействия»	К «модальность»
<i>получить</i>	–	–	0,75	–	0,05	0,01
<i>получение</i>	0,03	–	0,9	0,03	–	0,01 пейоративный
<i>получка</i>	–	–	0,71	0,03	–	0,17 мейоративный

Из таблицы видим степень значимости каждого актанта в структуре лексических значений каждого из членов парадигмы. Так, ни для исходного глагола, ни для его производного *получка* актанты, обозначающие Субъект-1 неактуальны, и в очень малой степени важны в ситуатеме существительного *получение*. Кроме того, необходимо отметить разнонаправленную эмоциональную окрашенность однокорневых дериватов в сознании носителей языка в сравнении с нейтральностью исходного слова. Причем у существительного *получка* данный фактор довольно значим в составе лексического значения. Пейоративность существительного *получение* может быть связана с длительностью протекания данного процесса.

Таким образом, изменения в составе лексического значения в сравнении с мотивирующим словом, отмеченные в ассоциативных полях отглагольных имен, позволяют сделать вывод об отнесенности каждого из них к определенной сфере горизонтальной деривации. Поскольку в формировании лексического значения существительного *получение* участвуют классификационные связи и в результате словообразовательного акта, заключающегося в частеречной перекатегоризации, не произошло существенных изменений в ядре лексического значения исходного слова, мы считаем возможным отнести данное слово к области транспозиционного словообразования.

Существительное *получка* в составе лексического значения производного слова претерпело более существенные изменения и стало обозначать не процесс, а одну из составляющих его частей, а именно объект. Другими словами, мы наблюдаем возможность лексикализации значения на

основе метонимического переноса. Данный словообразовательный механизм определяет положение существительного на шкале тождества / различия в зоне, граничащей с мутационным словообразованием. Образовавшееся в результате семантическое пространство не позволяет определять системные отношения рассмотренных однокорневых отглагольных дериватов как синонимичные.

2.7. Положение словообразовательных типов на шкале тождества – различия (по результатам исследования)

Применение описанных психолингвистических методик для изучения семантического расстояния позволяет получить разнородные сведения, которые в своей совокупности создают более полное, цельное представление о лексике и ее репрезентации во внутреннем лексиконе человека. Кроме того, данный метод исследования, примененный к определенным группам лексики, позволяет с большей точностью установить тенденции деривационного развития каждой из них и соотнести их друг с другом с целью определения их положения на шкале тождества / различия. В отношении словообразовательных типов «глагол + -ниј-», «глагол + -к-», «глагол + -циј-» и безаффиксного типа в результате проведенных исследований составлена следующая характеристика:

- для отглагольных существительных, образованных по типу «глагол + -ниј-» и имеющих значение отвлеченного процессуального действия, характерно сохранение ядерных компонентов значения мотивирующего слова на фоне сохранения преобладающего количества категориальных значений исходной части речи, в том числе инвариантных значений НСВ. В аспекте полиситуативности наблюдается сохранение всех Участников ситуации, описанной исходным глаголом со снижением коэффициентов, определяющих значение такого Фациента, как Субъект. Данный факт связан с результатом иного типа категоризации, переходом слова в область

субстанциональных частей речи. Исходя их перечисленных выше особенностей, можно определить положение большинства слов этой словообразовательной модели в границах транспозиционного словообразования.

- безаффиксный словообразовательный тип, по результатам нашего исследования, обладает противоречивыми характеристиками, не позволяющими однозначно определить его положение на шкале тождества / различия, поскольку семантика словообразовательного типа в этом случае имеет меньшую значимость для формирования лексического значения субстантива, которое во многом определяется семантикой производящего слова. Согласно выводам, сделанным нами из интерпретации ассоциативных полей на предмет сохранения категориальной семантики, безаффиксные отглагольные существительные сохраняют 95% значения производящего слова. Средний показатель $K_{\text{разнообразия}}$ в группе существительных почти равен этому же показателю в группе исходных глаголов, но в отношении отдельных имен безаффиксного типа наблюдается тенденция к его снижению, то есть к некоторой конкретизации значения и его отрыву от исходного. Анализ влияния категориальной именной и глагольной семантики на формирование значения нового слова вывил тенденцию к небольшому увеличению $K_{\text{Парад}}$ и снижению $K_{\text{Синтагм}}$ за счет существования в данной группе слов *шив, проход, смесь, запись*. В них очень ярко выражена, согласно эксперименту с использованием метода факторного анализа, семантика результативности, завершенности, однократности, целенаправленности, способствующая лексикализации значения слова. Влияние подобной семантики, закрепленной за данным словообразовательным типом, распространяется и на другие лексические единицы, созданные в рамках этого же типа и репрезентирует его в сознание носителей языка. Обобщенный пропозитивный анализ существительных данного словообразовательного типа показал увеличение значимости таких Фациентов, как Объект-Результатив, пространственные характеристики

(разрез, обзор). Описанные выше особенности безаффиксного словообразовательного типа указывают на то, что в настоящее время эта модель находится в переходной части шкалы тождества / различия между транспозиционным и мутационным словообразованием, причем достаточно большая группа лексических единиц еще может служить примером транспозиционного словообразования;

- словообразовательный тип «глагол + -циј-» также принадлежит переходной зоне транспозиционного и мутационного словообразования на шкале тождества / различия. В отличие от предыдущей модели здесь наблюдается более четкая выраженность влияния именной семантики на формирование значения производного субстантива. Определенность значения некоторых слов данного типа зафиксирована и словарями (*демонстрация, декламация, жестикуляция* и др.), что определяет дальнейшее деривационное развитие других слов этой модели. Согласно проведенному исследованию, в группе наблюдается увеличение доли парадигматичности в 0,7 раза. Основным отличием слов этого словообразовательного типа является нивелирование аспектуальных глагольных значений в составе производного имени, что определенным образом сдерживает деривационное развитие слов этой модели в направлении мутационного словообразования. Другим сдерживающим фактором выступает абстрактная семантика производящих глаголов, относящихся к тематической группе глаголов отношения (*идеализировать, лимитировать, аргументировать, констатировать* и др.).

- лексическое значение существительных, образованных от глагольной основы с помощью суффикса -к-, также сохраняет ядро лексического значения мотивирующего слова, что позволяет ему вступать в синонимические отношения со словами, образованными в по типу «глагол + -ниј-». При этом он заимствует наименьший (в сравнении с рассмотренными в работе другими словообразовательными типами) объем категориальной семантики глагола. Сохранению и увеличению подлежат инвариантные

значения СВ: как целенаправленность, результативность, законченность и цельность. Категориальная семантика существительного также является значимой. Все эти факторы способствуют лексикализации значения слов этого типа. При сохранении в значении имени всех Участников ситуации, предполагаемых исходным глаголом, наблюдается изменение их значимости для носителей языка. По обобщенным результатам пропозитивного анализа существительных этого типа, более акцентируемыми носителями языка являются такие Фаценты, как Объект-Результатив (*расписка, получка, татуировка, группировка*), Объект-Инструмент (*грунтовка*), Локум (*зимовка, грунтовка*), на основе которых происходит лексикализация и дальнейшее деривационное развитие слов данного типа. Особенность словообразовательного типа (большое количество субстантивов предметного значения также образованы с помощью суффикса -к-) обеспечивает ему при функционировании зачастую синтаксическую роль существительного с предметным значением, укрепляя в слове лексикализованные компоненты. Всеми перечисленными выше факторами определяется положение существительных данного типа на шкале тождества / различия в области мутационного словообразования на ее периферийных зонах с наименьшими изменениями ядра лексического значения производящего слова.

Таким образом, расположение словообразовательных типов на шкале тождества / различия по принципу увеличения количества и качества изменений в семантике производного слова в соотношении с производящим может быть представлено следующим образом:

Схема 3

Расположение словообразовательных типов на шкале тождества / различия.

Выводы к Главе 2.

Предметом описания второй главы являются основные принципы сопоставления ассоциативных полей слов с целью выяснения семантического расстояния между отглагольными однокорневыми существительными и определения на этой основе их системных отношений.

1) Существование семантического расстояния было выявлено нами после применения метода субъективного шкалирования. Несмотря на то, что, согласно результатам данного психолингвистического эксперимента, 44% исследуемых однокорневых существительных, созданных по типам «глагол+-ниј-», «глагол+-циј-», «глагол+-к-», «глагол + нулевой аффикс», имеют высокий уровень схожих компонентов в значении или, согласно инструкции, являются синонимами в традиционном понимании, в языковом сознании носителей существует предположение об их различительных признаках. Доказательством тому служит расположение на отрезке 1-2 и 2-3 шкалы тождества / различия 60% парадигм однокорневых субстантивов.

2) Первичный анализ ассоциативных полей, созданных для каждого члена деривационно связанной парадигмы по результатам свободного ассоциативного эксперимента, показал, что ядерная часть этих полей указывает на лексическую связность всех частей парадигмы. В некоторых случаях ядро поля, также как и периферийные зоны, несет информацию об семантических и грамматических отличиях в значениях членов парадигмы.

На основании результатов эксперимента мы пришли к заключению о том, что в основе развития деривационного потенциала отглагольных существительных лежат принципы горизонтальной деривации. Кроме того, при качественном анализе состава полей стало ясно, что количество и качество классификационных признаков значения, мотивирующих значение производного слова, различается в однокорневых именах. Это создает основу для выдвижения гипотезы о возможности существования не только транспозиционного характера словообразования в отношении отглагольных имен со значением отвлеченного процессуального действия, но и

мутационного, между собой однокорневые кодериваты могут вступать в различные семантические отношения.

3) Согласно принципам словообразовательной и лексической мотивации, категориальное значение глагола, состоящее из релятивных, темпоральных и субстанциональных компонентов, является основой для формирования семантики производного слова. Проведенный анализ ассоциативных полей с введением коэффициентов парадигматичности и синтагматичности подтвердил нашу гипотезу о неодинаковом объеме сохранившейся глагольной семантики в составе значения двух однокорневых имен. Наибольший объем сохранившейся синтагматической семантики наблюдается в группе отглагольных субстантивов, образованных с помощью безаффиксного словообразовательного типа – 95,2%; для слов, образованных по типу «глагол+-ниј-» это соотношение составило 90,4%, для «глагол+-циј-» - 76,8%. Наименьшее количество синтагматической семантики заимствуется существительными, образованными от глагола с помощью суффикса -к- – 63,4%.

4) Важное значение в составе компонентов семантики глагола имеет категория времени, тесным образом связана с аспектуальными характеристиками глагола. Видовая оппозиция, согласно нашим экспериментальным данным, является осознаваемой категорией в составе лексического значения производного отглагольного имени со значением действия, хотя и не так четко, как у глаголов. Кроме того, в результате проведенных экспериментов, нами было найдено подтверждение гипотезе о преобладании в семантике существительных на –ниј- компонентов прототипических значений НСВ, закрепляющих в сознании носителей языка за указанным словообразовательным типом значений процессуальности, незавершенности, многократности. Распространение такого когнитивного видения происходит на большинство значений слов данного типа.

Такие признаки, как: целенаправленность, результативность, законченность и цельность, по мнению носителей языка, присущи

существительным, образованным от глаголов с помощью суффикса –к-. Именно эти факторы указывают, по результатам экспериментов, направление, в котором осуществляется развитие вторичных значений у рассматриваемых нами существительных и создают основу для различения значений однокорневых отглагольных кодериватов.

В существительных словообразовательного типа «двувидовой глагол + -циj-» наблюдается нивелирование значений СВ и НСВ. Другими словами, для данного типа аспектуальные характеристики не являются значимыми, не создают основу для различения лексических значений однокорневых глаголов.

Безаффиксный способ словообразования признан в лингвистике примером чистой транспозиции. Согласно нашему исследованию, при сохранении существительными семантики СВ от производящего глагола наблюдается выделение ведущих позиций для значений законченности, интенсивности, непроцессуальности, которые в процессе дальнейшего деривационного развития могут привести к изменению положения слов этого типа в системе деривационных отношений.

5) Семантика глагола носит полиситуативный характер. Этот фактор оказывает определенное влияние на формирование значения отглагольного имени, поскольку актантная структура Участников называемой глаголом ситуации в процессе деривационного акта претерпевает разноплановые изменения, значимые для производного слова. В однокорневых словах, образованных от глагола по разным словообразовательным типам, значимым является выдвигание на первый план разных Фациентов одной и той же ситуации. Выяснение значимости тех или иных Участников для формирования значения отглагольных имен было осуществлено нами на основе анализа реакций ассоциативного поля каждого из рассматриваемых кодериватов с применением методики пропозиционального анализа, разработанной Н.Б.Лебедевой.

Взаимодействие описанных факторов, влияющих на степень семантического расстояния и определяющих системные отношения между однокорневыми именами действия, представлено в комплексном анализе в заключительном параграфе данной главы. Данный анализ репрезентирует методику сопоставительного анализа в действии, раскрывая тем самым ее объяснительный потенциал.

Заключение

Представленное исследование выполнено в русле современных тенденций лингвистики, направленных на комплексное, интегративное описание процессов, происходящих в области деривационного пространства языка. Заявленная интегративность является следствием понимания языка как синергетической системы и обеспечивается учетом в описании некоторого пространства языка ее функциональных свойств. Развитие психолингвистики и когнитивной науки сделало возможным для лингвистов привлечение для описания данных свойств методы психолингвистического эксперимента, которые обращены к языковому сознанию. Результаты данных экспериментов позволили по-новому определить семантические отношения лексических единиц во всей языко-речевой системе. Наше исследование, проведенное в области деривационной лексикологии, вносит вклад в описание семантических отношений между деривационно связанными словами и определение местоположения каждой исследуемой дериватемы в лексико-деривационной системе языка.

Описание семантических отношений основано в нашей работе на понятии семантического расстояния, которое в современной лингвистике подготовлено многочисленными работами, посвященными исследованию лексического значения слова, его изменению в рамках различных контекстов.

Понятие семантического расстояния в нашей работе является семантической категорией, в которую на метафорической основе спроецированы пространственные свойства. Так, существование семантического расстояния является возможным только в некотором пространстве. Таким пространством в нашей работе является семантическое пространство лексики русского языка в ее деривационном измерении, репрезентированное ассоциативными полями слов, входящих в ее состав. Данная структура, является одним из типов полевых структур в языке, обладает как общими свойствами поля, так и рядом своих собственных свойств. Одним из них является концептуальная сущность. Ассоциативное

поле на основании своей концептуальной сущности репрезентирует значение определенной лексической единицы в концептуальном макропространстве, очерчивая круг знаний (экстралингвистических и лингвистических), составляющих его значение. Реакции носителей языка, составляющих содержание поля, создают основу для выявления мельчайших особенностей значения слова в сравнении с другими лексическими единицами, связанными с ним деривационными отношениями. Это предположение нашло свое подтверждение после изучения ассоциативного поля с введением коэффициента разнообразия, демонстрирующим разнообразие в составе реакций ассоциативного поля.

Слово «расстояние» в составе понятия «семантическое расстояние» указывает на возможность использования при его изучении методов математического анализа.

На основании приведенных выше положений мы делаем вывод о том, что под семантическим расстоянием можно понимать количественно-качественные изменения в семантике деривационно связанных слов, полученные при сопоставлении их ассоциативных полей.

Данным определением заявлен также основной метод исследования количественно-качественных изменений в составе лексического значения указанных слов.

Разная степень семантического расстояния, получаемая в результате вертикальной и горизонтальной деривации, определяет дальнейшее деривационное развитие слова. Для наибольшей семантической дифференциации носители языка выбирают средства вертикальной деривации, где глубина семантических изменений больше в сравнении с горизонтальной деривацией, поскольку основой дифференциации является весь объем значения слова, а не отдельные компоненты значения как при горизонтальной деривации. Разный уровень связности между компонентами значения, являющихся мотивирующей основой для производного слова, определяет градуальный характер словообразовательных значений. Другими

словами, производные слова могут быть созданы в рамках транспозиционного, модификационного или мутационного словообразования, которое закреплено за определенными словообразовательными типами. Поскольку для образования новых слов в качестве мотивирующих могут быть использованы разные компоненты значения, то естественным является тот факт, что лексические единицы, созданные в рамках одного деривационного слова, могут занимать различное положение на шкале тождества / различия и оформляться за счет разных словообразовательных средств. Подтверждение этому предположению было найдено нами в результате проведенного психолингвистического эксперимента, обращенного к языковому сознанию носителей языка. Отношения между деривационно связанными словами в парадигмах, состоящих из глагола и двух его однокорневых дериватов со значением отвлеченного процессуального признака, могут быть в самом общем виде охарактеризованы как результат воздействия механизмов горизонтальной деривации. Однако определение характера данных отношений является не однозначным.

Указанная группа лексических единиц является одной из проблемных областей современной лингвистики также с точки зрения определения объема лексического значения и взаимообмена семантическими и грамматическими свойствами в составе лексического значения. Неопределенность в этом вопросе закреплена и данными современной лексикографии.

Неоднозначность в решении данной проблемы обуславливается целым рядом факторов, определяющих семантическое расстояние между деривационно связанными словами, и разрешается после описания их значимости для исследуемой парадигмы.

Одним из таких факторов является отнесенность глагола как мотивирующей части речи и существительного как итоговой части речи к результату категоризации разных явлений реального мира в языковом

сознании носителей. Особенности категоризации являются значимыми для всех уровней семантических связей, в том числе и деривационных. Способ категоризации явлений реального мира в глагольное значение процессуальности обеспечивает ему способность к непосредственной деривационной трансформируемости за счет многокомпонентности данного значения. Кроме того, обе части словообразовательной парадигмы отражают один и тот же фрагмент языковой картины мира: в предметном значении содержится указание на свойства предмета, а значение действия может иметь в своем составе компоненты, указывающие на субъект, результат, орудие или объект, с которым связано данное действие. В таком случае категориальное значение частей речи является основным и выдвинуто на передний план, а остальные семы оказываются на периферии или представлены потенциально.

При этом анализ теоретических исследований в области отглагольного словообразования показывает, что категориальная семантика глагола обладает большей силой (за счет ее выражения через установление связей с предметными сущностями) в сравнении с семантикой существительного и потому обладает большей значимостью для именного словообразования с парадигматическим характером категориальной семантики. Доказательство данного теоретического утверждения найдено нами в результате анализа именных и глагольных ассоциативных полей. Введение коэффициентов парадигматичности и синтагматичности для интерпретации результатов позволило нам сделать вывод о том, что лексическое значение отглагольных существительных во многом определяется семантическим и категориальным значением исходного слова – глагола. Кроме того, объем сохраненных компонентов категориальной семантики в однокорневых существительных различен и зависит от отнесенности дериватов к тому или иному словообразовательному типу.

Качественный анализ ассоциативных полей показал, что не все компоненты глагольной категориальной семантики в одинаковой степени оказывают влияние на формирование лексического значения отглагольного

имени. Категория глагольного вида является стержнем, на котором держится лексическое единство глагольного деривационного слова. Внутрикатегориальная оппозиция значений СВ и НСВ является основанием для различения значений однокорневых отглагольных существительных в составе деривационного слова. Эта гипотеза нашла свое подтверждение в результатах проведенного направленного ассоциативного эксперимента, которые показали высокий уровень сохраняемости в значении отглагольных имен аспектуальных значений. Более глубокий анализ данных эксперимента позволяет говорить о сохраняемости инвариантных значений НСВ в отглагольных существительных, образованных с помощью суффикса -ниј-; прототипические значения семантики СВ нашли свое отражение в именах, образованных с помощью суффикса -к-, а также безаффиксного словообразовательного типа.

Еще одним фактором, обуславливающим степень семантического расстояния между словами в деривационном поле, является полиситуативность глагольной семантики. Проведенные ранее эксперименты показали большую значимость категориальной глагольной семантики для формирования значения производного имени. Особенность семантики глагола обусловлена ее релятивным, относительным значением, создавшим основу для ее полиситуативного анализа. Применение схемы данного анализа, разработанного Н.Б.Лебедевой, дало возможность получить в рамках нашего исследования подтверждение гипотезе о сохранении полиситуативного характера семантики в отглагольных именах. В ассоциативном поле представлены все существующие в называемой глагольной ситуации Фациенты. Анализ ассоциативных полей существительных с точки зрения сохранения в нем Фациентов мотивирующего слова позволяет говорить о том, что в составе Участников ситуации происходят некоторые изменения. В первую очередь, значительно сокращается количество реакций, указывающих на субъектные роли, поскольку семантика существительных предполагает отвлечение ситуации от

ее субъектных характеристик. С другой стороны, в именных ассоциативных полях достаточно четко прослеживается и подтверждается математическими расчетами изменение значимости тех или иных компонентов ситуации, которая выводит на передний план второстепенные для глагола значения. Это свидетельствует о разном проявлении в семантике двух производных слов процесса лексикализации, заключающегося в изменении соотношения Л и Д факторов (Сахарный Л.В.) и обнаруженного экспериментальным путем. Особенно четко данный процесс проявляется в существительных, образованных в рамках словообразовательного типа «глагол+-к-», а также безаффиксного словообразования.

По результатам сопоставительного анализа ассоциативных полей деривационно связанных слов на примере парадигм, состоящих из имен различных словообразовательных типов, мы пришли к выводу о том, отглагольные существительные со значением отвлеченного процессуального действия, образованные по словообразовательному типу «глагол + -циj-» или по типу «глагол + -к-», в процессе своего деривационного развития проходят этап транспозиционного словообразования, но под воздействием процесса лексикализации переходят в область мутационного словообразования. Другие словообразовательные модели: «глагол + -ниj-», безаффиксный словообразовательный тип - обладают в языковом сознании носителей большей устойчивостью к влиянию процесса лексикализации за счет меньшего семантического отрыва от мотивирующего слова и потому занимают более прочные позиции в области транспозиционного словообразования.

Таким образом, полученные в исследовании результаты доказывают возможность описания системных отношений деривационно связанных слов путем сопоставления их ассоциативных полей.

Нам представляется, что использование метода сопоставления ассоциативных полей принесет желаемые результаты и в отношении других фрагментов семантического пространства. Ассоциативное поле, которое

можно составить путем ассоциативного эксперимента для каждого слова, является репрезентацией когнитивной структуры составных компонентов его значения. Для его интерпретации в целях получения информации о значимости тех или иных компонентов необходимо основываться на категориальных признаках изучаемых слов, к которым, как к магнитам, будут «притягиваться» реакции носителей языка. Для получения более объективной информации также необходимо воспользоваться результатами направленных ассоциативных экспериментов, эксплицирующих знания носителей из глубинных слоев языкового сознания.

Библиографический список

1. Акимова А.И. Однокоренная синонимия в словообразовательной системе (на материале отсубстантивных суффиксальных глаголов) // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики». Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001. С.52-54.
2. Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967
3. Антипов А.Г. Алломорфное варьирование суффикса в словообразовательном типе (на материале русских говоров). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
5. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия АН. Серия литературы и языка, 1994. Т.53. №4. С. 27-40.
6. Апресян Ю.Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том II. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.7-20.
7. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.Я. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: ЯРК, вып. I., 1997
8. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.Я. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: ЯРК, вып. II., 2000
9. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.Я. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: ЯРК, вып. III., 2003
10. Араева Л.А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1981.

- 11.Араева Л.А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы. // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: Межвузовский сб. статей/Под ред. О.И.Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998.
- 12.Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. Кемерово, 1990.
- 13.Араева Л.А. Словообразовательный тип: к проблеме определения // Проблемы русистики. Томск, 2000. С.57-58
- 14.Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- 15.Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988
- 16.Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966
- 17.Балалыкина Э.А. Словообразовательная энантиосемия в кругу смежных явлений. // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/s...>
- 18.Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996
19. Белоусов К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: Учеб.пособие.- Бийск: НИЦ БПГУ им В.М.Шукшина, 2004
- 20.Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. - 1981, №2.
- 21.Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1999.
- 22.Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структура представления знаний в языке: Сб. научно-аналитических обзоров. - М., 1994.
- 23.Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979

24. Береснева И.И., Дубровская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциативное значение слова в онтогенезе). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995.
25. Блинова О.И. Явление мотивации слов. – Томск, 1984
26. Блинова О.И. Явление мотивации как отражение лексических связей слов // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск, 1988.
27. Бодуэн дэ Куртенэ И.А. Количественность в языковом мышлении // Бодуэн дэ Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т.2
28. Болдина О.П. К проблеме описания семантического расстояния слов // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы Всерос. научно-практической конференции (28 ноября 2003). Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2003. – С.21-24
29. Болдина О.П. О сохранении и воспроизведении глагольной семантики в отглагольных существительных (по данным ассоциативного эксперимента) // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности: Материалы Пятых Филологических чтений (20-22 октября 2004). Новосибирск: Изд. НГПУ, 2004а. – Ч.2. – С.190-195.
30. Болдина О.П. Глагольная семантика как основа дифференциация однокорневых отглагольных существительных // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции (22-24 сентября 2004г.) В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004б. – С.216 - 220.
31. Болдина О.П. Возможности изучения ассоциативного поля для определения степени семантического расстояния // Наука и образование: проблемы и перспективы: Труды 7-й региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся

- (Бийск, 15-16 апреля 2005г.). В 2-х частях. – Бийск: РИО БПГУ имени В.М. Шукшина, 2005а. – Ч.2. – С.23-26.
32. Болдина О.П. Определение степени семантического расстояния между однокорневыми отглагольными существительными // Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005б. – С. 27-31.
33. Болдина О.П. К вопросу о методах изучения семантического расстояния слов // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной конференции (г. Кемерово, 1-3 июля 2005г.). – Изд-во Томского университета, 2006. – С.168-171.
34. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле текста и слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте: Науч. тр. каф. совр. рус. яз. и стилистики Томского гос. пед. ун-та /Под ред. проф. Н.С.Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000.
35. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998.
36. Бондарко А.В. Введение. Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984
37. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. М., 2002.
38. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность. С-Пб. «Наука», 2003. С.5-33.
39. Бринев К.И. Внутренняя форма русского слова как носитель потенциала его деривационного функционирования. Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.

40. Булыгина Т.В. Видовая соотносительность и ее отражение в словарях // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том 3. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.27-34
41. Вараксин Л.А. Семантический аспект русской глагольной префиксации // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/s...>
42. Васильев В.П. Фреймовая и концептуальная организация знаний в слове // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики». Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001. С.147-151
43. Вежбицка А. Семантические примитивы. Введение. // Семиотика. М., 1983
44. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) М., 1972
45. Волохина Г.А., Попова З.Д. Категория глагольного вида в свете семантического устройства глагольных приставок // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том II. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.34-41.
46. Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/s...>
47. Вяткина М.В. Полисемия словообразовательной формы (на материале русских говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004
48. Вяткина М.В. Полисемия словообразовательной формы (на материале русских говоров). Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004а
49. Газизова Р.Ф., Силиванец М.Р. Функционально-когнитивный аспект словообразования // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/s...>
50. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
51. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971. С.78-95.

52. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976.
53. Гальперин И.Д. Гносеологический аспект двуязычных словарей и проблемы контрастивной лексикографии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. Т.41. Вып.6. – С.551-560.
54. Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные грамматические теории: Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1985. С. 213-250.
55. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул, 1999.
56. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
57. Гинзбург Р.С. О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике // Иностранные языки в школе, 1972, №5.
58. Гловинская М.Я. Еще раз к вопросу об инвариантах совершенного и несовершенного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том I. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.37-49.
59. Голев Н.Д. Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа. Барнаул, 1990
60. Голев Н.Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация) // Семантическая структура слова. Сборник научных трудов. Кемерово, 1984
61. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989
62. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетике текста и слова в тексте [проблемы, задачи,

- перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998
- 63.Голев Н.Д. Языковая картина мира и картина языка в свете статистических данных Интернета. // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.1. – С.111-119.
- 64.Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
- 65.Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001. – 320 с. – На рус. яз.
- 66.Грекова О.К. Двучленна ли оппозиция аспектуальных значений однократности/повторяемости в предложении? // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том I. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.50-62.
- 67.Грушко Н.Е. О семантической соотносительности глагола и отглагольного имени с суффиксом –к(а) // Говоры русского населения Сибири: Сборник статей. Томск, 1983.
- 68.Грушко Н.Е. К вопросу о полисемии имен действия // Вопросы структуры и функционирования русского языка: Сб. статей. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984
- 69.Грушко Н.Е. Деривационный потенциал глагола и его словообразовательная парадигма // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение /Под ред. доц. Г.М.Шатрова. Томск, 1985
- 70.Грушко Н.Е. Глагол как база субстантивного словообразования // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С.135-162
- 71.Грушко Н.Е. Идиоматичность производного существительного как отражение лексической сочетаемости производящего глагола //

- Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск, 1991а
72. Грушко Н.Е. Словообразовательная семантика отглагольных сложных существительных и природа их идиоматичности // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч.1.
73. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
74. Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицей текста (на материале современного русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995
75. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994, №4. С.17-32.
76. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
77. Доронина Н.И. Зависимость деривационного потенциала слов от их стилистической окраски // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики». Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001. С. 58-61
78. Дюран Н., Оделл П. Кластерный анализ. М., 1977
79. Жамбю М., Иерархический кластер-анализ и соответствия. М., 1988.
80. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982.
81. Жукова Т.В. Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодействия (на материале отыменных существительных с суффиксом –ник). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002.
82. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977

- 83.Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин, 1988. – С. 5 – 15.
- 84.Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- 85.Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
- 86.Залевская А.А. Методы исследования языкового сознания // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. статей. М., 2000. С.37-53.
- 87.Земская Е.С. Словообразование как деятельность. М., 1992
- 88.Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- 89.Иберла К., Факторный анализ. М., 1980
- 90.Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958
- 91.Кадоло Т. А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности. Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004
- 92.Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., Наука, 1976
- 93.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987
- 94.Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М., 1994. Кн. 1. С.190-218.
95. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. докл. XIII Междунар. симпоз. По психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 1-3 июня 2000 г. М.: Ин-т языкознания РАН и МГЛУ, 2000. С. 108-109.
- 96.Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988

- 97.Катышев П.А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы // Дисс. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2005
- 98.Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972
- 99.Ким Л.Г. Семантическая структура словообразовательного типа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988
100. Клименко А.П. Вопросы психолингвистического изучения семантики. Минск, 1970.
101. Клобуков Е.В. Об объеме деривационной парадигмы предложения // Деривация и текст. Сб. научных трудов. Пермь, 1984.
102. Кобозева И.М. Лексическая семантика: учебное пособие. М., 2000
103. Ковалева Т.В. Механизм функционирования однокоренных синонимов с формантами *-атор* и *-ант* в структуре гнезд однокоренных слов русского языка // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С.176 - 179.
104. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов. Л., 1955
105. Кошелев А.Д. К описанию ядерного значения совершенного вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том II. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С.68-75.
106. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000
107. Кронгауз М.А. Префиксация как аспектологическая проблема // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том 3. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.76-82.
108. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом аспекте. М., 1978

109. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981
110. Кубрякова Е.С. Стратификация значений в морфологической структуре слова // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987.
111. Кубрякова Е.С. Особенности речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.
112. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992
113. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
114. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997
115. Кудрявцева В.А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 152 с.
116. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000. №4. С.85-109.
117. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004.
118. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. М., 1996. С.143-184.
119. Лебедева Н.Б. К вопросу о глагольной семантике // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Томск: Изд-во ТГУ. 1978. Вып.2. С.56-62
120. Лекомцев Ю.В. Принципы лингвистической синхронической семантики // Проблемы семантики. М., 1974.
121. Лексико-грамматические исследования глагольной семантики (взаимодействие результативности и объектности). Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1979.

122. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). – Томск: Изд-во Том. ун-та. 1999.
123. Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Томск, 2000
124. Леман Ф. Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том II. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С.54-68.
125. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения. – В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С.46-72.
126. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М.; Сов.энциклопедия. 1990
127. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. – 1981. Т.40. Вып.5. – С.403-411.
128. Лукашевич Е.В. Становление значения слова: лексикографический и экспериментальный аспекты // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы русистики». Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001. С.42-45
129. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект: Монография / Под ред. и с вступ. ст. В.А. Пищальниковой. – Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
130. Макавчик В.О. Видо-временная категоризация русского глагола в языковом сознании носителей русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2004.
131. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984
132. Медникова Э.М. Значение слова и методы его изучения. М., 1974

133. Мельников Г.П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том I. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С.122-139.
134. Мельчук И.А. Строение языковых знаков и возможности формально-семантических отношений между ними // Изв. АН. Сер. ЛиЯ. 1968. №5
135. Мельчук И.А. Русский язык в модели «смысл – текст». М., Вена, 1995
136. Минина Н.М. Семантические поля в практике языка. Пособие по лексике немецкого языка. М., 1973
137. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979
138. Морозов А.В. Межъязыковой перевод как метод измерения семантического расстояния между дериватами в русском языке. //Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28 ноября 2003). – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М.Шукшина, 2003 – С. 69-72.
139. Морозов А.В. Деривационная системность лексики современного русского языка в межъязыковом аспекте: монография / А.В.Морозов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005.
140. Москальчук Г.Г. Структурная организация и самоорганизация текста. Барнаул. 1998
141. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (когнитивно-функциональный аспект). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005
142. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
143. Небольсина М.С. Русские глаголы речевого воздействия в аспекте полиситуативности. Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006

144. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. – М.: Наука, 1990.
145. Окунь Я. Факторный анализ. М., 1974
146. Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка: Кол. монография / Под ред. Н.Д.Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998
147. Падучева Е.В. Семантика времени и вида в русском языке. – Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
148. Панкрац Ю.Г. Процессы деривации и их представление в падежной грамматике // Деривация и история языка. Пермь, 1985
149. Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний // Язык и структура представления знаний. М., 1992
150. Панкрац Ю.Г. Пропозиция // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996
151. Пересыпкина О.Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
152. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Изд-во Московского ун-та. 1997.
153. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956
154. Полевые структуры в системе языка: Кол. монография / Под ред. З.Д.Поповой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.
155. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1953. Т.1, 2.
156. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1963. Т.3, 4.
157. Разина И.Г. Механизмы деривационного порождения текста: семантика - синтактика - прагматика (на материале романа

- В.В.Набокова «Король, дама валет» и его перевода на английский язык). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005
158. Резанова З.И. Семантическая структура имени существительного и его деривационный потенциал // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: Форма и значение /Под ред. доц. Г.М.Шатрова. Томск, 1985. С. 42-56.
159. Резанова З.И. О способах участия мотивирующей семантики в формировании производного значения // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986.
160. Резанова З.И. Вопрос о лексическом значении в современной лингвистике // Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. С. 20-27.
161. Резанова З.И. О двух типах мотивированности языкового знака // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
162. Рейзин Дж. Вэн. Классификация и кластер. М., 1980.
163. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Г.Гийома. – С.-Пб., 1997.
164. Рогожникова Р.П. Варианты слов в русском языке. М., 1966
165. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка: Ок. 30000 слов. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1987
166. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Ред. Серебренников Б.А. М., 1988
167. Русская грамматика. М., Наука, 1982. Том 1.
168. Сайкова Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте. Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002
169. Сахарный Л.В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Учеб. Пособие. – Л., 1985
170. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.

171. Семенова Н.В. Степень семантического расстояния между единицами языка в зеркале ассоциативных полей // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С.69-73.
172. Сергеева Т.Д. Семантическая соотносительность дериватов на межкатегориальном уровне (на материале глаголов движения и отглагольных имен) // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Выпуск 3. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979
173. Смирнова И.А. Метод семантического дифференциала в психолингвистическом исследовании стилистических синонимов. //Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности: материалы Пятых Филологических чтений (20-22 октября 2004). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С.157-162.
174. Смицкая О.И. Структурно-семантическое исследование группы существительных на –ние с отвлеченным процессуальным значением. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
175. Собкин В.С., Шмелев А.Г. Психосемантическое исследование актуализации социально-речевых стереотипов // Вопросы психологии. 1986. №1.
176. Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во РУДН, 1997.
177. Соссюр Ф., де Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М.Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. – Н.А.Слюсаревой; послесл. Р.Энглера. М.: Издательство «Логос». 1998.
178. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж. 1985.
179. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. Модуль 6. Основы общего синтаксиса. – http://homepage.tversu.ru/%7Eips/5_02.htm

180. Ташлыкова М.Б. Именные ипостаси признаковой семантики//Словарь. Грамматика. Текст в свете антропоцентрической лингвистики. – Иркутск. 2000. С.154-165
181. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985. Т. I.
182. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка., М., 1985а. Т. II.
183. Тихонов А.Н. Виды глагола и их отношение к слово- и формообразованию // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Том 3. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 180-186.
184. Трофимова Е.Б., Трофимова У.М. Общее в частном: фонетические и лексические единицы в пространстве языка: Монография. Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М.Шукшина, 2003.
185. Трубникова Ю.В. Детерминационно-деривационные процессы и отношения лексических единиц в тексте: на материале публицистических текстов // Очерки по лингвистической детерминалогии и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
186. Улуханов И.С. Виды формально-семантической мотивации слов и проблемы описания словообразовательной семантики. // Уч. зап. Перм. ун-та. Вопросы грамматики. – Пермь, 1972. №243
187. Улуханов И.с. Структура лексического значения мотивированных слов // МГПИИЯ: сб.научн. тр. – М., 1980. Вып. 164. С.105-112.
188. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. – М., 1992. №5. С.74-90.
189. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
190. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.

191. Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
192. Филин Ф.П. Общая характеристика одной из групп конкретного действия. (Глаголы трудовых процессов типа *бить, долбить, дробить*) // Науч. труды Куйбышевского пед. ин-та, 1973, т.120.
193. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., Прогресс, 1981.
194. Харитончик З.А. Структура пропозиции и ее отражение в словообразовательных процессах // Деривация в речевой деятельности (языковые единицы). Пермь, 1991.
195. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структура представления знаний: Сб. научно-аналитич. обзоров. М., 1992 – С. 98-121.
196. Харман Г. Современный факторный анализ. М., 1972.
197. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
198. Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке. М., 1969.
199. Храковский В.С. Кратность. // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
200. Шайкевич А.Я. Гипотезы о естественных классах и возможность у количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1987.
201. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

202. Шахнарович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., Наука, 1991.
203. Шкуропацкая М.Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект. – Изд-во Алт. ун-та, 2003.
204. Шкуропацкая М.Г. Словесные ассоциации как средство описания семантического расстояния между словами // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С.189-196.
205. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
206. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
207. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций. Красноярск, 1988.
208. Щепинова И.Н. Перевод как психолингвистическая проблема // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции. В 2 т. – Бийск: НИЦ БПГУ им. В.М. Шукшина, 2004. Т.2. – С.208 – 214.
209. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974
210. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
211. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1983
212. Янко-Триницкая Н.А. Развитие предметного значения в отглагольных существительных мужского рода // Русский язык в школе. 1965. №6

213. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Изд-во Томского ун-та. 1979
214. Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова. Сборник научных трудов. Кемерово, 1984
215. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы словообразования: Значение производящего слова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991

Приложение 1

Список исследуемых парадигм

- 1) глагол – отглагольное существительное с суффиксом –ниј- -
отглагольное существительное с суффиксом –к-:
  1. балансировать – балансирование - балансировка
  2. грунтовать – грунтование - грунтовка
  3. группировать – группирование – группировка
  4. датировать – датирование – датировка
  5. зимовать – зимование – зимовка
  6. корректировать – корректирование – корректировка
  7. мочить – мочение – мочка
  8. накачивать – накачивание – накачка
  9. получить – получение – получка
  10. продувать – продувание – продувка
  11. татуировать – татуирование – татуировка

- 2) глагол - отглагольное существительное с суффиксом –ниј- -
отглагольное существительное с суффиксом –циј- -:
  1. аргументировать – аргументирование – аргументация
  2. декламировать – декламрование – декламация
  3. демонстрировать – демонстрация – демонстрация
  4. жестикулировать – жестикулирование – жестикуляция
  5. идеализировать – идеализирование – идеализация
  6. изолировать – изолирование – изоляция
  7. информировать – информирование – информация
  8. констатировать – констатирование – констатация
  9. лимитировать – лимитирование – лимитация

- 3) глагол - отглагольное существительное с суффиксом –ниј- -
отглагольное существительное с нулевым суффиксом:
  1. бегать – беганье – бег
  2. обозреть – обозрение – обзор
  3. приказать – приказание – приказ
  4. проходить – прохождение – проход
  5. разрезать – разрезание – разрез
  6. роптать – роптание – ропот
  7. сшивать – сшивание – сшив
  8. храпеть – храпение - храп
  9. шелестеть – шелестение – шелест
  10. щебетать – щебетание – щебет

- 4) глагол СВ - отглагольное существительное с суффиксом –к- /
отглагольное существительное с нулевым суффиксом
глагол НСВ - отглагольное существительное с суффиксом –ниј- -:
  1. записать – запись;

2. записывать – записывание;
3. очистить – очистка;
4. очищать – очищение;
5. смешать – смесь;
6. смешивать – смешение;

5) парадигмы, состоящие из других корреляций словообразовательных типов:

1. монтировать – монтирование – монтаж
2. инструктировать – инструктирование – инструктаж
3. тренировать – тренировка – тренаж
4. прокатать – прокатка – прокат
5. амнистирование – амнистирование – амнистия
6. редактировать – редактирование – редакция
7. ловить – ловля – лов
8. вырубать – вырубка - выруб

Приложение 2

Ассоциативные поля

амнистировать

свобода(12), освободить(10), отпустить(5), амнистия(4), заключенный(4), оправдать(3), выпускать(2), заключенные(2), зэк(2), освобождение(2), армия, выгнать, заключенного, защита, дать жизнь, деньги, документы, жалость, зона (свобода), из тюрьмы, колония, освобождаться, осужденный, пожалеть, помиловать, преступник, преступника, преступники, простить, прощать, рецидив, тюрьма, увольнение, удалить, удалять, узник, факты, халява, человека;

отказ: 7

амнистирование

тюрьма(9), освобождение(8), свобода(8), амнистия(6), зэк(4), воля(3), охота(2), повозло(2), помилование(2), радость(2), суд(2), убийца(2), атас, выпуск, выход, выхождение из тюрьмы раньше, долгожданное, досрочное освобождение, заключенных, обязательства, откидка, отпустить, ошибка суда, подарок, по случаю, потеря, преступник, прощение, срок, уголовный кодекс, Чикатило,

отказ: 5

амнистия

свобода(24), тюрьма(12), освобождение(11), воля(3), заключенный(3), зэк(3), закон(2), помилование(2), армия, выпуск из тюрьмы, выход на свободу, досрочность, заключенные, колония, наказание, об освобождении, освободить из тюрьмы, попасть под амнистию, президент, преступник, распускание, слишком часто, солдат, тюремщики;

отказ: 1

аргументировать

ответ(8), факты(8), доказывать(6), доказательство(5), факт(5), объяснять(4), аргумент(2), газета(2), говорить(2), довод(2), доводы(2), доказать(2), рассказать(2), адвокат, аргументы, газета «Аргументы и факты», взгляды, давать аргументы, депутат, доклад, докладывать, излагать, информацию, логика, людей, оправдывать, объект, объяснение, предложения, приводить пример, рассказ, речь, слово, слова, слушать, сообщать, споры, статья, текст,

отказ: 6

аргументирование

доказательство(12), факт(8), факты(7), обоснование(4), объяснение(4), фактов(4), аргумент(3), вывод(2), довод(2), анализ, высказывание, газета, доводы, доказать, доказывание, доказывать, доклад, дополнение, жесткое, обсуждение, оглашение, отстаивание точки зрения, подкрепление, пояснение, приведение доказательств, примеры, причина, рассказ, речь, слово, текста, ум, фактирование, чтение;

отказ: 2

аргументация

доказательство(10), факты(10), факт(6), объяснение(5), довод(3), доказательства(3), фактов(3), газета(2), ответ(2), слова(2), спор(2), суд(2), аргумент, аргументация, аргументы, газета «Аргументы и факты»(2), журнал, доводы, доклад, документ, документы, обоснование, оповещение, оппонент, ответа, пресса, приведена, приведение фактов, сведения, своих действий, тезис, теории;

отказ: 4

балансировать

баланс(11), колесо(5), равновесие(4), уравновесить(3), уравновешивать(3), висеть(2), воздух(2), канат(2), колеса(2), на высоте(2), под куполом(2), финансы(2), эквилибрист(2), баланс лучше, банкир, бюджет, весы, взвешивать, деньги, держаться,

доход, жизнь, качели, кое-что, между, мины, над пропастью, на канате, на краю, на краю пропасти, небо, нравственность, помогать, проект, разногласия, резонанс, телефон, телефон сотовый, ситуацию, сдерживать, составлять, стабильность, трос, уравнивать, устойчиво, устойчивость,

отказ: 8

балансирование

равновесие(8), колес(4), баланс(3), неустойчивость(3), воздух(2), деньги(2), канат(2), колёса(2), колесо(2), самолет(2), стабильность(2), шина(2), шиномонтажка(2), автобалансировка, балансировка, варьирование, весы, грань, итоги, камера колеса, канатоходец, летать, маятник, на грани, на краю, не равновесие, отчет, парашют, подкачка, полет, пополнение, равенство, середина, смягчение, уравнивание, уравнивание, учет, финансов, цирк, человек на канате;

отказ: 9

балансировка

колес(9), колесо(8), равновесие(6), баланс(5), колёса(5), колеса(4), машина(4), акробат(3), канат(3), уравнивание(3), шиномонтаж(2), бухгалтер, весы, гимнаст, гимнастка, нарушена, на шнуре, объединить, парашютист, полет, продувание, результатов, СТО, трамплин, уравнивать, шест, шиномонтажка, энергия, РН;

отказ: 7

бегать

спорт(13), кросс(7), прыгать(7), быстро(5), стадион(4), физкультура(4), заниматься спортом(3), кроссовки(3), спринт(3), ноги(2), скорость(2), по лесу(2), убежать(2), ходить(2), бег, ветер, в лесу, двигаться, дорога, дорожка, за кем-то, заяц, идти, лужа, марш, нагрузка, ноги, от милиционеров, передвижение, по дороге, по кругу, по стадиону, скрываться, соревнования, стоять, трусцой, 100 метров;

отказ: 1

беганье

спорт(16), кросс(8), ноги(7), бег(2), кроссовки(2), движение(2), скорость(2), спортсмен(2), тренировка(2), физкультура(2), беглец, бегун, белье, быстрота, веселье, в зале, дорожка, жизнь, здоровье, кеды, марафон, напряжение мышц, погоня, получение прав в ГАИ, по полю, по стадиону, прыгание, суета, тропинка, трусца, тупое, утро, фигура, ходьба быстрая; Adidas,;

отказ: 2

бег

спорт(15), с препятствием(5), спортсмен(5), стадион(4), дистанция(3), дорога(3), соревнование(3), быстрота(2), кросс(2), кроссовки(2), ноги(2), по кругу(2), спринт(2), атлет, болят ноги, быстрая ходьба, быстрый, вид спорта, выносливость, галоп, движение, дорожка, занятие спортом, из тюрьмы, легкая атлетика, легкоатлет, медаль, на скорость, на 100 метров, опасность, погоня, пот, препятствие, преступление, трусца, трусцой, удрать, ходьба(2), 100-метровка

отказ: 1

выкорчевывать

дерево(16), деревья(15), корни(6), пень(6), корень(4), пни(4), земля(3), лес(3), береза, вырвать, вырывать, вытащить, вытаскивать, дуб, зачистка, выкапывать траву, зуб, корни дерева, корчевание, коряга, кочан капусты, куст, остатки, очистка леса, пеньки, растения, розы, старый пень, убирать, удаление, удалять,

отказ: 3

выкорчевка

дерево(9), пень(7), корень(4), дерева(3), деревьев(3), деревья(3), корней(3), избавление(2), корни(2), лес(2), пни(2), посадка(2), бурелом, выдернутое дерево, выруб, вырубка, деревья-кустарники, земля, зубы, капуста, кочерга, кустов, леса, лесов, лопата, люди, нет мысли, огород, очищение, пересадка, работа, садовых деревьев, смерть, сорняк, трудовое, уборка огорода, чистота,

отказ: 4

выкорчевывание

пень(14), деревьев(9), корень(9), деревья(6), корни(5), пни(4), дерево(3), земля(3), дерева(2), выемка, выкапывание корня, вырубка, вырывание, вытаскивание, вытаскивать, дача, дуб, клена, колбаса, копание картошки, коряга, куст, кустов, леса, ненужные деревья, овощи, огород, пня, полезно, сорняки, старое дерево, сучья, удаление,

отказ: 1

вырубить

лес(30), свет(15), дерево(5), отключить(4), топор(4), насмерть(2), убить(2), без чувств, боксер, глухануть, деревья, елки, кулак, леса, меня, нет света, память, рубильник, рубка, телевизор, удар, ударить, ударить сильно, удивить, уничтожить, электричество, электрическую сеть,

отказ: 2

выруб

лес(27), топор(5), леса(4), лесов(4), дерево(3), деревья(2), пеньки(2), рубить(2), удар(2), браконьер, вырубание, голый лес, действие, деревьев, дрова, дровосек, дырка, истребление, исчезновение, лес вырубленный, лесоповал, мутант, опустошение, полено, сруб, удаление, устранение,

отказ: 3

вырубка

лес(39), леса(15), пни(2), бензопила, варварство(3), Гринпис, деревья, дровосеки, лесов(3), лесорубы, мастерство, очень плохо, пеньки, поляна, просека, сада, уничтожение(3), экология,

отказ: 2

грунтовать

земля(13), почву(8), дорога(7), почва(4), стену(4), ремонт(3), холст(3), грунт(2), дорогу(2), землю(2), укреплять(2), асфальт, вода, грунтовка, заземлять, закладывать, засыпать, затирать, картина, картину, каток, основа, парник, пахать, перебирать, разделочную доску, ремонт, сминать, стена, стены, текст, тяжесть, укладывать, укладывать грунт, уплотнять, уточнять, цемент, фундамент,

отказ: 5

грунтование

земля(6), почва(6), дорога(5), грунт(3), асфальт(2), грунтовка(2), дороги(2), засыпка(2), камень(2), покрытие стен(2), ремонт(2), стена(2), стены(2), шпатлевка(2), асфальтирование, вода, весна, газон, дом, замазка, исправление, камни, обшивка, основа, песок, поверхности, покраска, поле, полив, садоводство, строительство, удобрение;

отказ: 8

грунтовка

земля(9), дорога(7), ремонт(5), асфальт(4), почва(4), вода(3), асфальтирование(2), камень(2), смесь(2), цветы(2), бумага, вскапывание, выравнивание, граффити, гроб, грунтовая вода, дом, заделывание, зубная паста, камни, костоправ, краска, маляр, машины, обновить, основа, папье-маше, посадка, посадка цветов, почвы, пудра,

работа, ремонт квартиры, рисунки на стенах, сад, стен, стена, стены, строитель, стройка, холста, шпатлевка, щебенка;
отказ: 6

группировать

группа(6), слова(4), собирать(4), соединять(3), вместе(2), группировка(2), детей(2), карточки(2), класс(2), компания(2), людей(2), объединять(2), предметы(2), складывать(2), тело(2), цифры(2), бригада, в папки, группа людей, группу, интерес, команда, команду, комбинация, кубики, множители, молодежь, народ, общество, объединяться, похожие, признак, разделить, расставлять, сбор, сведения, сводить, свойства, семейство, систематизировать, складывать, слово, смешать, сообща, сообщество, сортировать, союз, тусовка, часть, формировать, фрукты;
отказ: 6

группировка

банда(28), бригада(5), мафия(4), люди(3), группа(2), группа людей(2), класс(2), объединение(2), скинхеды(2), бандитская, банды, водная гимнастика, группа в садике, единое, коллектив, команда, криминал, криминальная, крутая, людей, молодые люди, отряд, перемещение, преступная, преступники, разделение, сил, снайперы, спецназ, сплоченность, толпа; отказ: 1

группирование

коллектив(9), объединение(6), группа(4), люди(4), банда(3), соединение(3), боевики(2), разделение(2), сбор(2), сплоченность(2), толпа(2), альянс, атомы, бандитская группировка, война, войска, выбор, группировки, группы, друзья, институт, класс, коллектива, команда, комплекс, кучка, кучкование, лидер, много людей, мышцы, общая масса людей, общность, отряд, полк, по признакам, порядок, пример, распределение, скопление, слов, слова, сложение, совместная деятельность, сортировка, сплочение, терроризм, упорядочение, форма, частей, 531 группа;
отказ: 3

датировать

число(14), время(6), дата(6), календарь(5), день(4), документ(3), год(2), месяц(2), событие(2), бланк, бумаги, говорить, данные, дневник, ежедневник, информацию, исторические факты, новый год, нумеровать, обозначить, план, праздник, пронумеровать, рисовать, ругать, слова, слово, сообщать, табло, тетрадь, убирать, человек,
отказ: 15

датировка

дата(11), число(11), время(6), календарь(6), цифры(3), день рождения(2), числа(2), акцент на время, время года, год, дата рождения, датировать, день, история, контракт, месяц, написание даты, норма, почерк, праздник, проставление даты, точность, события, срок, ставить дату, фиксация, формальность, школа, штамп;
отказ: 6

датирование

число(17), дата(6), время(5), документ(5), событие(3), архив(2), числа(2), анкета, анкетирование, аускультация, век, возраст, времени, деньги, доцент, информации, история, календарь, неделя, письма, срок, срок годности, страница, хронология, штамп, эпоха, 1.04.1986, 30.03.04;
отказ: 15

декламировать

документ(5), стихи(5), декларация(4), депутат(3), закон(3), рассказывать(3), вещь(2), говорить(2), налоги(2), реклама(2), адвокат, бумага, воспроизводить, выпроводит, иск,

данные, деклама, декламация, декларацию, депутата, дипломат, дипломаты, докладывать, документы, доход, дума, Жириновский, заполнить, конференция, листовка, обозвать, объявлять, объяснить, о налогах, права, предлагать что-то, прозу, разговаривать, сообщать, стих, что к чему, VIP-персоны;
отказ: 20

декламирование

стихи(12), чтение(4), Ахматова(3), стихов(3), читать(3), декларация(2), дипломат(2), поэт(2), рассказ(2), рассказывать(2), рассказывать наизусть(2), объявление(2), реклама(2), выступление, говорить, голос, громкое, документ, известие, менеджер, показ, проза, прочтение, Пушкин, распространять, рассказчик, рассказывать стихи, оценка, речь, событий, стихотворение, трибуна, чего, чего-либо;
отказ: 10

декламация

стихи(5), документ(3), бумага(2), объявление(2), политика(2), правительство(2), декламировать, бред, выборы, выступление, доклад, законодательство, интеллигент, оратор, папка, показ, права, права о защите, право на что-то, рассказ, регламент, речь, спич, статья, стихов, стихотворение, студент, съезд, ум, установление, чушь,
отказ: 32

жестикулировать

руки(13), мимика(6), показывать(6), объяснять(6), жест(3), махать(3), махать руками(3), руками(3), глухонемой(2), жонглер(2), немой(2), оратор(3), палка(2), рука(2), взмах, водить руками, выражается, движение, Джим Керри, дирижер, Д.П.С., изображать, жезл, жесты, кривляться, обезьянничать, пантомимика, показ, при разговоре, Протасов, психоз, разговор, размахивать, рассказ, речь, сурдоперевод, человек, эмоционально, эмоция, эмоции
отказ: 1

жестикулирование

руки(15), жесты(4), мимика(4), немой(4), ДПС(3), милиционер(3), сурдоперевод(3), глухой(2), движение(2), жест(2), махать руками(2), руками(2), алкоголь, артикуляция, большие эмоции, бурный рассказчик, взмахи, ГАИ, горячая речь, изображение, истерия, маэстро, направление, объяснение, пантомимика, показ, разбрасывание, размахивание, размахивание руками, регулировщик, рукоплескание, учитель, что-то показывают, явное, язык глухонемых, язык жестов, яркость, яростное,
отказ: 2

жестикуляция

руки(16), мимика(9), жест(8), немой(3), пальцы(3), рука(3), глухой(2), движения(2), изображение(2), махание рук(2), общение(2), пантомимика(2), разговор(2), руками(2), глухонемой(2), аэропорт, гаишник, глухонемые люди, губы, жесты, Жириновский, моряк, намеки, невербалика, невербальная, общение с бразильцем, объяснение, показ, резкая, речь, холерик, эмоциональность,
отказ: 2

записать

ручка(6), предложение(3), слово(3), блокнот(2), бумага(2), в тетрадь(2), законспектировать(2), домашнее задание(2), информация(2), магнитофон(2), конспект(2), лекцию(2), лекция(2), отметить(2), письмо(2), под диктовку(2), телефон(2), тетрадь(2), в блокнот, в ежедневник, выписать, адрес, дата, дату, диктант, задание, запись, запомнить, звук, информацию, книжка, количество, конспектировать, лента, лист, на бумагу, не забыть, нужные слова, ответ, память, песню, песню на кассету, пометить, почерк, расписание, результат, речь, рука, ручкой, слова, сообщение, тезис, текст, читать;
отказ: 5

запись

ручка(10), кассета(7), диск(3), бумага(2), магнитофон(3), песни(3), тетрадь(3), в тетради(2), дневник(2), книжка(2), конспект(2), видео, видеоманитофон, воспроизведение, в тетрадь, голос, данных, действие, диктофон, документ, заметка, записная записка, копия, книга, лист, машина, музыка, музыкальная студия, музыки, песен, пометка, почерк, прием, сохранение, слова, фиксация, фиксирование, фильма, шпаргалка, 2;

отказ: 3

записывать

лекция(10), тетрадь(8), текст(5), задание(3), конспектировать(3), ручка(3), слова(3), информацию(2), конспект(2), лекцию(2), под диктовку(2), телефон(2), анализировать, блокнот, буквы, бумага, важное, в журнал, в календарь, в тетрадь, данные, дневник, домашнее задание, запись, запоминать, информация, количество денег, лента, надо, написать, нет, оскорбления, не забыть, писать, пометка, пометать, предложение, разговор, расписание, ручкой, скорость, слово, текст, фразы, цифры;

отказ: 5

записывание

лекция(15), конспект(9), кассета(6), ручка(5), информация(3), бумага(2), диктовка(2), диктофон(2), лекции(2), магнитофон(2), слова(2), буквы, в книгу, в кружок, дата, диктант, диск, заметка, запись, информации, конспекта, конспектирование, на диктофон, на магнитофон, письмо, полезной информации, пометка, реферирование, рука, секретарша, секретарь, текст, телефон, тетрадь, фиксировать, чернила, шрифт,

отказ: 1

зимовать

холод(12), снег(11), зима(6), медведь(6), в берлоге(4), берлога(2), в доме(2), в лесу(2), ночевать(2), птицы(2), спячка(2), стрекоза(2), холодно(2), бывать, в избе, в палатке, в Сибири, дом, дома, жить, запасы, изба, избушка, лето, медведь в берлоге, морозы, переживать, переживать холод, перезимовывать, север, скука, снегирь, стужа, «Сплин», теплая одежда, унитаз, шуба, юг;

отказ: 4

зимование

холод(18), спячка(10), медведь(7), зима(5), снег(4), шуба(3), птицы(2), север(2), Сибирь(2), бож, время года, животные, зверей, «Зимовка зверей», медведя, нагул витаминов и жира, на юге, перелет птиц, перелетные птицы, приятное, сапог, снегири, снежные сугробы, сон, юг,

отказ: 5

зимовка

медведь(17), холод(9), спячка(9), берлога(4), снег(4), шуба(4), птицы(3), птиц(3), звери(2), зима(2), холодно(2), белый, выживание, «Дело было в Пенькове», запас, изба, лоси, ночлег, обогрев, переживание, сезон, сон, стужа, тайга, теплая одежда, уединение, утепление, холодание, шапка,

отказ: 1

идеализировать

идеал(20), мечта(3), мысль(3), возвышать(2), кумир(2), личность(2), мир(2), придумывать(2), улучшить(2), человека(2), вождь, воображать, воплотить, выдвигать мысль, глупо, делать совершенным, думать, идеальное что-то, идея, идиот, идол, культ, культ личности, лучше, мать, мечту, обожествлять, обозвать, образ, оценивать, первый, поклонник, результат, светлое, сделать лучше, символизировать, смысл,

событие, создать кумира, Сталин, статуя, цель, улучшать, улучшение, фантазировать, человек,
отказ: 7

идеализирование

идеал(15), кумир(4), поклонение(3), идея(2), идиот(2), превышение(2), человека(2), эталон(2), анализ, ангелочек, возвышение, воспевание, восторг, думать, заблуждение, конкретность, культ личности, красивое что-то, материализм, мечта, мужчина, мусор, мысль, нереальность, обдумывание, подгонка всех людей под идеал; постамент, поступков, превознесение, превышение чувств, представление, преувеличение, приверженность, ремонт, совершенство(2), сущность, фанат, человек;
отказ: 8

идеализация

идеал(8), кумир(4), совершенство(4), идол(3), любовь(3), образ(2), процесс(2), ангел, безупречность, взглядов, возвышение, вредно, всего, все хорошо, гармония, герой, главная черта, демократия, идеология, идея, идиот, к идеальному, красиво, культ, любимого, Мерлин Монро, мир, неправда, партия, партнер, партнера, предвосхищение, президента, присваивание идеальных качеств, приукрашивать, продвижение чего-либо, развитие, Сталин, стремление, теория, утопия, форма, формы, человека, чересчур, чувств, эталон;
отказ: 13

изолировать

тюрьма(7), комната(4), провод(4), закрыть(3), одиночество(3), провода(3), изоленга(2), камера(2), клетка(2), решетка(2), убрать(2), удалить(2), выгнать вытрезвитель, дисквалифицировать, заключение, закрывать, замкнуть, замотать изоленгой, изолятор, камера тюремная, карантин, карцер, круг, лента, ликвидировать, навечно, наказание, не допускать, нет ничего, ограничение, от всех, отградить, отделиться, от меня, от мира, отстранить, отчужденность, проводка, резервуар, стена, темно, убежать, убирать, умереть, уничтожить, человека, шнур;
отказ: 10

изоляция

тюрьма(11), одиночество(4), больного(2), изоленга(2), камера(2), ограждение(2), ограничение(2), один(2), отсутствие(2), псих(2), психиатрическая больница(2), армия, белая комната, деньги, диспансер, закрытое пространство, запрет, изоляция, инкубатор, инфекция, клетка, комната, не видно, несвобода, отделение, отселение, отчуждение, пустота, скука, ссылка, уборка кого-то;
отказ: 3

изоляция

тюрьма(11), одиночество(8), болезнь(3), изоленга(3), камера(3), один(3), тюрьма(3), вакуум(2), клетка(2), комната(2), провод(2), безопасность, белая комната, больной, воздух, вреден для людей, закрытость, замкнутое пространство, замкнутость, игнорирование, кабель, карантин, карцер, месть, наказание, один человек, остров, от больных, отделение, от друзей, от мира, от холода, полная, помещение, провода, решетка, свобода, тюремная камера, удаление, чистый воздух, электричество, электро, электропровод, ядерный взрыв;
отказ: 3

инструктировать

объяснять(6), инструкция(4), человека(4), инструктаж(3), инструмент(3), карточки(3), помогать(3), учить(3), гид(2), говорить(2), информировать(2), конструктор(2), план(2), показывать(2), пояснять(2), ребят(2), безопасность, бумага, боевое задание, верно, инструктор, карточка, карточку, люди, методист, молодых, наказ, народ, новичок, о

чем-то пилот, по применению, пояснение, поход, правила, применять, просвещать, работа, ребенок, советовать, справка, тренер, туриста, указывать, устно, учащихся, ученик, ученика,

отказ: 6

инструктаж

инструктор(5), инструкция(5), план(5), правила(4), объяснение(3), команды(2), работа(2), самолет(2), указания(2), водителей, все по порядку, годы, данные, задание, занудство, информация, командир, материал, наставления, начальник, опыт, план работы, полет, полный, по плаванию, подготовка, порядок, пояснение, предписание, при выходе на практику, проверка, проводить, пройден, разъяснения, рекомендации, система, слова, совет, список, сплав, стажер, строгий, схема, техника, техника безопасности, толкование, тренер, туризм, туристический, человека, эксперимент;

отказ: 6

информировать

знать(6), компьютер(5), газета(4), информация(4), новость(4) сообщить(3), телевизор(3), говорить(2), дать информацию(2), Интернет(2), меня(2), оповещать(2), радио(2), слушать(2), СМИ(2), сообщать(2), давать, давать информацию, данные, доносить, думать, знание, интервью, интерес, информатор, кого-либо, книги, людей, ментов, население, новости, общение, о пожаре, о происходящем, передать знания, познакомить, преподаватель по информатике, проинструктировать, просвещение, сказать, сведения, себя, ситуация, слова, человека, ум, узнать, учить, школа, ЭВМ,

отказ: 2

информация

аргумент, БИС, газета(8), деньги, журнал(2), знание, интерес(2), Интернет(4), книги(2), компьютер(3), Людмила Викторовна, мысли, новости(6), новость(3), обогащение, обработка, полная, пресса, радио(2), сведения, слова, СМИ(3), телевидение(6), телевизор(2), тема, узнать новое, университет, урок информатики, факт, факты, человек, что-то новое, школа, New;

информирование

новости(8), газета(6), СМИ(6), информация(4), знание(3), компьютер(3), знания(2), инструктаж(2), лекция(2), радио(2), газеты, доклад, журнал, журналы, задание, интернет, компьютеры, люди, много знать, новость, объявление, объяснение, о событиях, передача, по данному вопросу, подача, по дисциплине, получение информации, польза, программа, разведка, рассказ, сведения, сообщение, студентов, телевидение, телевизионное, телевизионные передачи, телевизор, телефон, увеличение знания, человек, человека, TV, Mass Media;

отказ: 4

констатировать

факт(28), факты(24), анализировать(2), смерть(2), аргументировать, говорить, доказывать, докладывать, идеи, константа, констатация, конституция, подтвердить, правда, приговор, проверять, ракеты, статью, статья, сухо, текст, фиксировать;

отказ: 9

констатация

факт(14), фактов(9), факты(8), сообщение(7), выявление фактов(2), доказательство(2), правда(2), сообщать(2), текст(2), вывод, выделение, доклад, документ, достоверность, заключение, новости, предавать факты, сравнение, утверждение, факта, чего;

отказ: 11

констатирование

факт(20), фактов(14), факты(13), факта(5), изложение(2), приведение фактов(2), утверждение(2), адвокат, вывод, доказательство, доклад, заключение, запись, итог, нудно, передача, приведение, сообщение, смерть, статья, цитата, отказ: 4

корректировать

исправлять(22), ошибка(7), текст(5), исправить(4), корректор(4), ошибки(3), внешность(2), изменять(2), речь(2), белый, выправлять, давать обозначение, девушка, делать, законы, замазывать, здоровье знания, изменить, исправление, корректива, курсовую, мастикой, недостаток, недостатки, обработать, ошибки, переделывать, подделка, помарки, поправка, поправлять, прическу, работу, рассказ, строго, тексты, фигура, что-то, отказ: 2

корректировка

исправление(20), корректор(7), ошибка(4), исправление ошибок(3), редактор(3), ошибок(2), поправка(2), удаление недостатка(2), бровей, данных, диктант, доработка, краска, замазка, зрение, изменение, корректировать сочинение, корректность, красная ручка, направление, ошибки, переделка, переделывание, текст, текста, удаление, уточнение, фигура, фигуры, чистота, штрих; отказ: 5

корректирование

исправление(21), ошибка(10), ошибки(8), изменение(3), корректор(3), исправлять(2), коррекция(2), ошибок(2), поправка(3), текст(2), акцептор результатов действия, белый, группы, действие, доделка, заторможенность, зачеркивание, зрение, исправка, исправление документа, компьютер, недостаток, поправление, работы, редактор, устранение, чистота, отказ: 3

лимитировать

лимит(9), ограничивать(7), ограничить(5), предел(4), время(3), запас(3), действие(2), летать(2), лимитировать(2), без тормозов, бюджет, гастарбайтер, граница, дополнять, думать, математика, запрещать, имитировать, конституция, нога, ограничение, парить, получать, поступки, права, предел, приспособливаться, рамка, решетка, слова, средства, сроки, стадия, уезжать, финансы, цена; отказ: 19

лимитация

ограничение(22), предел(5), лимит(3), ограничитель(3), ограниченность(2), рамки(2), табу(2), алгебра, арест на имущество, времени, закон, запой, запрет, наказание, нет возможности, ограничение во времени, правила, расход, сидеть, сидеть дома, чужой, Эрмитаж, отказ: 15

лимитирование

ограничение(19), лимит(7), деньги(2), предел(3), время, гладкое, граница, документы, замечено, запас, запрет, запреты, известие, касса, корова, лететь, мороженое, нет, ограниченность, ограничивание, право, текст, ущемление, 3 минуты, отказ: 27

ловить

рыбу(18), рыба(13), мышь(5), бабочка(4), кайф(3), капкан(3), мяч(3), бабочек(2), поймать(2), удачу(2), бабочку, вор, воров, глюк, девушки, договор, засада, кабан,

ловля, ловушка, момент, охота, пария, преступник, птица, птиц, рыбак, смех, сочек, СПИД, такси, тишину, убежать, удочка, хватать, человека;

отказ: 2

ЛОВЛЯ

рыба(19), рыбалка(12), рыбы(8), охота(6), на живца(3), нажива(2), бабочка, добыча, зверя, искание, капкан, карась, МВД, муха, мышеловка, несвобода, нечестность, озеро, погоня, поимка, преступник, преступников, птица, рыба, сети, спиннинг, удочка, улов;

отказ: 1

ЛОВ

рыба(36), рыбалка(11), рыбы(6), клев(2), охота(2), рыбак(2), варварство, добыча, добычи, зверей, лицо, мух, нерест, пища, поймать, река, рыб, удочки, улов, червяк, Love

отказ: 2

МОНТИРОВАТЬ

делать(8), ремонт(6), устанавливать(3), фильм(3), дверь(2), здание(2), изменять(2), конструкция(2), машину(2), монтер(2), работать(2), ремонтировать(2), чинить(2), антенну, аппарат, болт, вездеход, вставлять, встраивать, вырезать, вышка, делать фильм, исключать, исправлять, кино, конструировать, конструкцию, кран, лента, машина, мебель, местность, монтаж, налаживать, ошибка, пленку, помощь, постройки, проводка, программу, работа, работать дома, рабочий, ремонт колес, розетку, сборка, слесарь, собирать, сооружение, технология, ток, труба, шину, электролинию;

отказ: 4

МОНТАЖ

ремонт(8), фильм(5), шин(5), работа(4), шиномонтаж(4), кино(3), машина(3), шина(3), лестница(2), пленка(2), подделка(2), автомобиль, видео, действие, делать, демонтаж, замена, здание, здания, кассеты, КВН, кинематограф, колесо, лента, мастер, машин, обман зрения, оборудования, отделка, перебортовка колеса, поломка, сборка, склейка, собрание, строительство, съемка, съемка фильма, труд, фальшивка, хороший, шиномонтажка, шины;

отказ: 1

МОНТИРОВАНИЕ

ремонт(14), изменение(2), инструменты(2), кино(2), колесо(2), машина(2), машины(2), сборка(2), автомобиль, батарея, вкручивание, вырезать, гайка, гаража, детали, идиосинкрозия, канализация, кассета, кран, крыши, ключ, колес, мебели, монтер, окно, перемена, пленка, рабочие, рабочий, светильник, соединение, создание, столб, телевизор, телекамера, установка, фильма, шины, школы, электрик, электровыключателя, электромонтер;

отказ: 15

МОЧИТЬ

вода(8), тряпку(7), убивать(6), убить(5), белье(4), бить(4), вещи(3), руки(3), волосы(2), одежду(2), Путин(2), яблоки(2), яблоко(2), асфальт, боксера, в лицо, глухарь, голову, губку, дождь, жидкость, изюм, мафия, мокрый, моча, намочать, неприятность, ноги, одежда, окунать, писать, поливать, полотенце, ребенок, стирать, стираться, стирка, ткань, тряпочку, туалет, убийство, унижать, человека, юбку;

отказ: 2

МОЧКА

ухо(46), уха(8), серьга(3), возможность, глухость, корок, лужа, небольшая, раковина, сережка, уши;

мочение

вода(18), огурцы(6), сырость(5), яблоки(5), дождь(4), яблок(2), бельё(2), влажность(2), анализ, белья, битьё, влага, влажный, губка, жидкость, капуста, капусты, купание, лужа, мокрая тряпка, мокро, мокрота, мокрый, моченые яблоки, мочь (уметь), недержание, овощей, одежда, рук, семя, струя воды, таз с водой, тряпки, туалет, убийство, цветы, штаны;

отказ: 5

накачивать

мышцы(30), насос(9), колесо(8), мускулы(7), воздух(3), качок(2), колеса(2), шину(2), алкоголь, внутрь, воздух, воздухом, жидкость, информацией, камеру, колонна, лодку, мяч, набухать, наркотики, ногу, пресс, руки, сила, пылесос, шины;

отказ: 1

накачка

мышцы(10), мускулы(9), колесо(6), насос(6), колес(4), сила(4), воздух(3), бодибилдинг(2), колёса(2), мускул(2), тренажерный зал(2), шиномонтаж(2), вода, дутьё, качать, качок, мускулатуры, объем, работа, руки, сдувание, увеличение чего-либо, шар, шарик, шин;

отказ: 6

накачивание

мышцы(25), мышц(9), колёса(7), мускулы(7), колесо(5), мяч(3), насос(2), атлет, атлетический зал, бицепсы, бодибилдинг, вода, воздушный шар, гантели, гантель, гири, гора мышц, камера, лекарство, мускул, мяча, наркотик, пресс, сила, тяжелая атлетика, увеличение, шина, шины, штанга,

обозреть

увидеть(19), мир(6), всё(4), вид(3), будущее(2), вокруг себя(2), глаза(2), знания(2), зрение(2), просмотреть(2), весь мир, видеть, вокруг, всех, горы, долину, Земля, картину мира, колесо обозрения, людьми, материал, местность, наблюдать, новости, обозрение, обозреть, ознакомиться, окружающее пространство, осознание, осознать, панорама, пейзаж, планетарий, поле зрения, посмотреть, природа, смотреть, телепередача, территории, узнать, урок,

отказ: 7

обозрение

колесо обозрения(7), колесо(5), вид(4), взгляд(3), обзор(3), виденье(2), газета(2), глаза(2), очки(2), телевизор(2), угол(2), «чертово» колесо(2), альманах, бинокль, вид сверху, видение, видеть, вокруг, всезнание, журнал, интерес, критика, круг, кругозор, местности, мирообозрение, научное, огонь, осматривать, осмотреть, панорама, подведение итогов, политическое, просмотр, разглядывание, рассмотрение, рассматривать, смотреть, смотреть, телевидение, футбол, футбольное обозрение, яркое;

отказ: 3

обзор

пресса(7), вид(6), видение(3), осмотр(3), прессы(3), просмотр(3), видимость(2), вышка(2), газеты(2), книга(2), новости(2), панорама(2), анализ, анализ газеты, бинокль, вести, взгляд, внимание, высота, граница, диапазон, ДОТ, знакомство с текстом, кругозор, мероприятия, местности, местность, местность летом, мост, новостей, общий, окружение, осмотр всего вокруг, природа, провести, ревью, свежих новостей, смотреть, событий, события, телевизор, телескоп, тем, тема, узнавание, улица, шунтирование

отказ: 3

отправить

письмо(19), послать(8), домой(6), проводить(3), армия(2), в путешествие(2), выгнать(2), заграница(2), уехать(2), автобус, ад, в дорогу, в магазине, восвояси, в поездку, выгнать с лекции, выставить, груз, дом, ехать, иди, информацию, куда подальше, к черту, море, на зону, на море, на фиг, общение, отослать, отправка, повестку, поезд, послать куда подальше, посылку, по факсу, почта, прощание, путь, самолет, слабого, счет, телеграмму, устранить, человека, SMS.

отправка

поезд(26), письмо(5), поезда(5), отъезд(3), дорога(2), командировка(2), перрон(2), поездка(2), автобус, армия, вагон, воинский призыв, в ссылку, в тюрьму, дальний путь, езда, каторга, леса, отбывание, повестка, поездка в назначенное место; посылка, поход, прощание, радость, самолет, ссылка, уход, факс;

отказ: 3

отправление

поезд(27), поезда(8), отъезд(6), вокзал(2), поездка(2), путешествие(2), рвота(2), автобус, больница, в армию, вокзал, дизентерия, домой, дорога, друга, естественные, зал ожидания, компьютер, консервами, лекарство, опоздание, отсылка, пассажира, перрон, платформа, поездка домой, почта, провожать, разлука, расставание, рейс, самолет, с платформы №..., туалет, уезд, уход, яд;

отказ: 2

очистить

помещение(4), убрать(4), грязь(3), улицу(3), вода(2), дом(2), от грязи(2), очистка(2), память(2), пыль(2), снег(2), уборка(2), убраться(2), улица(2), чистота(2), экология(2), апельсин, аудиторию, белое, белый, ведро, ведро от мусора, водоем, воду, вора, все уютно, выбросить, вымыть, город, диск, загрязнить, загрязнение, картофель, компьютер, кровь от спирта, мир от паразитов, небо, нет грязи; огород, от, от мусора, полость рта, плита, плитку, разум, река, сад, территория, территорию, трубы, фрукт, чисто, чистый, чище, щетка, экран, яблоко.

отказ: 3

очистка

уборка(5), фильтр(5), чистота(4), картофель(3), картошка(3), мусор(3), сооружений(3), вода(2), воды(2), грязь(2), дезинфекция(2), картофеля(2), мытье(2), порядок(2), бактерии, белый, веник, вентилятор, водопровода, война, диска, загрязнение, загрязненный, избавление от грязи, канализация, лица, овощей, организм, от картофеля, помещения, помещения от отбросов, профилактика, пятен, работа, рядов, смерть, стоков, труба, трубы, тряпка, убирать, убранный территория, удаление, чистящее средство, экология,

отказ: 7

очищать

вода(7), чистота(7), уборка(6), мусор(4), чистить(3), грязь(2), желудок(2), картошка(2), организм(2), экология(2), апельсин, банан, блеск, воду, выгребать, вытаскивать, город, загрязнять, загрязнение, канализация, картофель, картошку, куртку, легкие, лук, маска для лица, мусорить, мыло, мыть, напиток, овощ, организм, от грязи, от мусора, очистка, плитку, подмести, поры, пылесос, срезать кожуру, спирт, стекло, территорию, течь, убирать, убраться, улица, уютно, фильтр, чистка, щетка;

отказ: 5

очищение

ванна, вода(5), воды, голодание, грехов, диета, душа(3), душевное, желудок(2) избавление, квартиры, клизма, молитва, мыло, мыслей, мыться(3), облегчение, организм, организма(8), освобождение, от грехов, очищение, пост, прохладный душ,

пустая комната, река, релаксация, свежесть, светлость, свобода(2), святая вода, стирка(2), уборка(2), умывание, фильтрация, церковь(5), чистка, чисто, чистота(8), отказ: 4

получить

деньги(44), письмо(5), зарплату(4), зарплата(3), стипендию(3), брать(2), давать(2), подарок(2), благо, бумага, выгода, глагол, добывать, забирать, знания, информацию, исход, наставник, отдавать, **письмо, известия**; получение, посылку, прибыль, стипендия,

отказ: 2

получение

деньги(19), зарплата(9), стипендия(4), денег(4), подарок(3), посылка(6), премии(2), готовый продукт, дача, диагноз, доход, знание, наказ, наказание, наставление, нудность, оценки, письма, письмо, пособий, почта, премия, приобретение, прибыль, приз, принятие, результат, родители, стипендии, учитель, школа;

отказ: 5

получка

деньги(27), зарплата(14), гулянка(4), аванс(2), здорово(2), бюджет, выдача денег, восторг, выпивка, достаток, кафе, обновка, пинков, подарки, покупка, праздник, работа, радость, счастье, трата денег, хорошо;

приказать

начальник(12), команда(5), декан(3), исполнять(3), начальство(3), подчинять(3), выполнять(2), директор(2), повелевать(2), президент(2), приказ(2), просьба(2), солдат(2), армия, власть, говорить, давать распоряжение, делать, задание, закон, исполнение, исполнить, командовать, лень, мужу, обязанность, подчинение, полномочия, работа, рабочие, распоряжаться, ректор, руководить, сделать, служить, солдату, теорему, тиран, трон, унижение, указание, указывать, управлять человеку, чиновник, царь, я, отказ: 7

приказание

указ(10), приказ(5), выполнение(3), заставить(2), наказ(2), устав(2), армия, бумага, власть, выполнять, давление, зависимость, исполнять, крик, наставление, начальник, начальство, не за что, норма, обязательно, обязательность, слушание, подневольность, подчинение, поклон, поручение, преклонение, Путин, слово, слуга, удача, унижение, учитель, феодализм, четкое, шеф, order;

отказ: 9

приказ

начальник(5), выполнение(4), президент(4), армия(3), документ(3), исполнение(3), командир(3), об отчислении(3), бумага(2), закон(2), на отчисление(2), начальство(2), об увольнении(2), повиновение(2), постановление(2), требование(2), увольнение(3), указание(2), бланк, власть, военные действия, выполнить, голос, директор, директора, задание, инструкции, кодекс, листок бумаги, на увольнение, отчислить, повеление, подпись, поручение, президента, работа, распоряжение, рапорт, ректора, строгость, указ, устав, царь;

отказ: 4

продувать

ветер(9), трубу(7), трубы(7), воздух(5), труба(5), гнать(2), деньги(2), мозги(2), от сора(2), помещение(2), проветривать(2), проигрывать(2), сквозняк(2), вентиляция, воздух чист, воздухом, в трубку, голова, дверь, дуть, дух, закупор, карбюратор, комната, кран, легкие, насос, одежда, освежать, продувка, продуценты, прочищать, пылесос, трубка, турбины, унитаз, фен, фильтр, форточка, шланг,

отказ: 6

продувка

ветер(10), воздух(6), вентилятор(4), форточка(3), кондиционер(2), насос(2), проветривание(2), пылесос(2), труб(2), шланг(2), вентиляция, выхлопная труба, двигатель, дует, дуть, дыхание, колесо проколотое, кран, легкие, машина, обдувание, огонь, окно, очистка, полостей, проветривание помещения, проветривать, продувать, раздувка, свежесть, стекло, труба, трубка, фильтр, хиус, холодно,

отказ: 12

продувание

ветер(17), воздух(6), от грязи(3), очистка(3), труб(3), болезнь(2), проветривание(2), холодно(2), окно(2), помещения(2), простуда(2), сквозняк(2), трубы(2), вентилятор, вентиляция, ветром, двигатель, денег, духота, куртка, легкие, легких, мозгов, напор, насос, прочищение мозгов, пылесос, ремонт, свежий воздух, стекло, труба, трубка, уха, фен, фильтр, холод, чистка, чистота;

отказ: 6

прокатывать

машину(6), сталь(6), машина(5), металл(5), дорога(4), колесо(4), асфальт(3), деньги(3), каток(2), колеса(2), на машине(2), велосипед, враг, дорогу, езда, железо, катать, кольцо, легко пройдет, лист, лыж, механизм, на автобусе, на время пользоваться, на фиг, обман, обмануть, опробовать, Париж, пока, получилось, прокат, прокатка, прокатный стан, пронесло, проносить, ролик, ролики, с ветерком, станок, тачка, ход, шар, экзамены,

отказ: 8

прокатка

каток(6), езда(5), машина(5), дисков(3), кассета(2), кассеты(2), катить(2), асфальтоукладчик, бетон, валенков, вещь, видео, видик, давание предмете на сутки, дороги, жернова, кататься, кино, колес, колеса, колесо, кольцо, круг, лёд, машинка, механизм, не знаю, обновление, палка с колесами, проверка, смотреть, станок, стали, теста, труб, физика, фильм, что это такое, шин,

отказ: 16

прокат

кассеты(8), машина(8), видеокассеты(6), кассета(4), видеокассета(3), временно(3), коньки(3), лыжи(3), машин(3), велосипеда(2), видеокассет(2), дисков(2), проверка(2), автомобиля, аренда, вещей, вещь, займы, видео, диск, железо, кассет, квартира, колес, колесо, костюм, на время, недолго, паспорт, пляж, прокатный стан, свадебное платье, халява, холодильник, шиномонтаж,

отказ: 5

проходить

мимо(13), дорога(8), практику(4), гулять(3), коридор(3), улица(3), идти(2), улицу(2), медосмотр(2), бегать, в бар, время, в дверь, в квартиру, дверь, движение, двор, зебру, изучать, испытание, комиссию, куда-то, курс, контроль, лес, мимо дома, новый материал, обследование, посещать, пробегать, программа учебная, пробегать, пробираться, прогулка, пройти, проход, путь, сквер, тест-контроль, узкий проход, шагать, ходьба, через дверь, этап, отказ: 7

прохождение

дорога(5), игра(4), путь(4), препятствие(3), дебри(2), испытание(2), практики(2), препятствий(2), проход(2), ходьба(2), этап(2), в кишечнике, военной службы, военкомат, выход, горы, дистанция, игры, идти, кабинет, квест, комиссии, лабиринт, мимо, пас, первопроходец, переход, поход, снегоход, тайги, танк, тест, тропа, трудности, тур, уровень, финиш, ход, Cowter Strike;

отказ: 4

проход

туннель(11), дверь(8), коридор(6), выход(4), арка(3), дорога(3), лаз(3), метро(2), отверстие(2), узкий(3), подземный переход(2), вокзал, воспрещен, в пещере, вход, двери, дом, дырка, забит, здание, идти, Колумб, косяк, лабиринт, переход, пещера, подземный, поезд, путь, свобода, темнота, толпа, тропа, тропинка, щель,

отказ: 6

разрезать

ножницы(14), хлеб(11), ткань(9), нож(7), бумага(6), бумагу(6), арбуз(4), пополам(2), резать(2), вещь, делать, делить, кожу, колбасу, материал, мясо, разделить, разрезание, разъединить, рана, рвать, резец, рыбу, сечь, скальпель, торт, труп, швы, яблоко;

отказ: 2

разрез

юбка(15), глаз(6), рана(5), дыра(4), нож(4), декольте(3), порез(3), юбки(3), глаза(2), ножницы(2), платье(2), прорезь(2), черчение(2), бедро, большой, бревна, внутренние органы, внутренности, вскрытие, вырез, две половины, до бедра, до пупка, зажим, на юбке, операция, пинцет, порыв, резать, срез, улица, у юбки, чего-либо, шитье, яблоко;

отказ: 3

разрезание

ножницы(12), нож(9), операция(8), хирург(5), бумага(3), хлеб(3), бумаги(3), рана(2), скальпель(2), боль, дыра, клочки, листка, материал, материала, материи, металл, мясо, палатка, пила, порез, предметы, разделение, разрыв, разъединение, рассоединение, резак, сердца, сшивание, ткань, торт, торта, удаление, хирургия, частей, что-то портить, шва, шов;

отказ: 2

расписывать

ручка(6), картину(3), подпись(3), рисовать(3), роспись(3), брак(2), вазу(2), кисть(2), краски(2), писать(2), письмо(2), план(2), расписка(2), стену(2), уравнение(2), автограф, аккуратность, бумаги, бумагу, график, день, деньги, деятельность, дневник, дневники, документ, живопись, ЗАГС, икону, картина, картины, листок, мебель, объяснять, описать, открытку, паспорт, писать, плач, поделка, подтверждать, получку, по падежам, посуду, почерк, предложение, рисунок, слова, событие, стена, стены, текст, тело, украшать, фрески, эссе,

отказ: 4

расписка

ЗАГС(9), долг(7), документ(5), подпись(5), автограф(2), бумага(3), деньги(3), бумажка(2), о невыезде(3), договор(2), долговая(2), квартира(2), недоверие(2), обещание(2), обязанность(2), роспись(2), брак, доверенность, должен, займ, закладная, замуж, заявление, контракт, обязался, о доме, отписка, паспорт, писать, поручение, протокол, суд, фиксация;

отказ: 5

расписывание

брак(7), ручка(7), ЗАГС(5), подпись(5), картина(3), документы(2), роспись(2), свадьба(2), стены(2), Хохлома(2), автограф, бракосочетание, бумага, волокита, в паспортном столе, Гжель, деталь, договор, извилины, изложение, инициалы, информации, искусство, качеств, краски, много, неловкость, объяснение, посуда, пояснение, прописная тетрадь, разнос, разрисовка, раскрашивание, рассказ, рисование, рисовать, рисунок, ручка, которая не пишет; ручки, ситуация, труд, фарфора,

отказ: 6

редактировать

текст(16), статью(10), исправлять(9), газета(7), газету(6), журнал(3), статья(2), замена, записывать, изменять, информатика, исполнять, исправить, исправлять ошибки, книга, косяк, оформлять, ошибка, передача, переделать, переделывать, печатать, поправить, поправлять, редакция, слова, ставить как надо, стихотворение, тему, улучшать, уравновесить, форматировать, что-то изменить,

отказ: 5

редактирование

исправление(12), газета(9), изменение(3), дополнение(2), журнал(2), редактор(2), статья(2), текст(2), вычитка, заполнение, исправление ошибок, корректировка, корректор, коррекция, осмотр, ошибка, печать, письмо, ремонт, статья в газете, улучшение, чтение, Word;

отказ: 4

редактура

газета(19), редакция(6), исправление(4), редактор(4), журнал(3), издательство(2), изменение(2), типография(2), администрация, газетный журналист, газеты, данных, журналистика, компьютер, контора, редактирование, корреспондент, начальство, одно и то же, ошибки, переделка, редактор газеты, статья, текст, текста,

отказ: 17

ремонттировать

делать(9), телевизор(9), машина(7), дом(5), машину(4), ремонт(4), квартира(3), чинить(3), инструменты(2), исправлять(2), обувь(2), поломка(2), сантехник(2), авто, бездельничать, велосипед, видик, двигатель, дверь, исправить, здание, квартиру, колесо, кран, лампу, латать, мастер, молоток, монтажка, монтировать, наладивать, неисправность, обновление, окно, поломка починить, починка, стул, тачку, технику, улучшать состояние, техника,

отказ: 3

ремонттирование

машина(5), поломка(5), ремонт(4), машины(3), восстановление(2), гайка(2), капитальный ремонт(2), починка(2), работа(2), рабочий(2), чего-нибудь(2), автомобиль, видеоманитофонов, возобновление, двигателя, делать, дома, дороги, замена, замок, запчасти, исправление, квартира, квартиры, ключ, ключи гаечные, краска, машин, молоток, монтаж, настройка, новое, обновление, обои, переделывание, рабочие, ремонт квартиры, ремонт комнаты, ремонт машины, реставрация, сломалось что-либо, строитель, строить, телевизора, трудоемкое занятие, требующее навыков; уборка, часы, штукатурка,

отказ: 4

ремонт

квартира(23), квартиры(9), обои(8), машина(4), авто(2), краска(2), машины(2), покраска(2), белиль, весело, в квартире, грязь, долгий, дорога, евро-, запах краски, здания, исправность, капитальный, комнаты, кухня, лето, мост, новое, обновление, перемены, побелка, починка, сломанный автомобиль, старые обои, уборка, хаос, хлам, школы;

роптать

говорить(10), жаловаться(4), шепот(4), шептать(4), разговор(3), разговаривать(3), бояться(2), жалоба(2), недовольство(2), просить(2), ропот(2), страх(2), тихо(2), трепещать(2), бляеть, возмущаться, в ухо, говорить медленно, громко, губы, давить лепет, на Бога, наговаривать, несдержанность, о деле, пищать, подчиняться, просьба, робкость, сказать, смеясь, стесняться, студенты, тихо разговаривать, топтать, церковь, что-нибудь, щебетать, ябеда, ябедничать; **отказ: 12**

роптание

шепот(7), ребенок(5), разговор(4), говорить(3), голос(3), жаловаться(2), звук(2), недовольство(2), ропот(2), судьба(2), боязнь, волны, деспот, жалоба, жалобы, жалость, звучание, люди, моление, мольба, народа, негромкое, нежность, нерешительность, покойник, покорность, ребенка, сад, смерть, стих, стихи, стихотворение, тихий разговор, тихо, тихо говорить, тишина, униженного, трепетать, шорох, ябеда; отказ: 10

ропот

шепот(5), недовольство(4), голос(3), железо(3), страх(3), тишина(3), боязнь(2), возмущение(2), возраст(2), дыхание(2), застенчивость(2), машина(2), скромность(2), студент(2), терминатор(2), тихий(2), тихо(2), в деле, восстание, говорить, гогот, деревья, детский, жалоба, игрушка, кротость, лепет, механизм, мольба, мотоцикл, накопленный, недоверие, недовольство толпы, несмелость, неуверенность, робкий, роптать, сплетни, старуха-ворчунья, старый, стеснительность, человек, шепот, отказ: 5

смесить

тесто(24), смесь(10), раствор(6), смешать(5), смеситель(4), цемент(4), бетон(3), коктейль(2), перемешать(2), ванна, вместе, воду, все на своем пути, горячая и холодная вода, ингредиент, инферно, канализация, кран, лопасть, мешалка, мешать, миксер, продукты, слияние, сок, отказ: 7

смесь

химия(4), молочная(3), вещество(4), салат(4), детская(3), газы(2), ингредиенты(2), продуктов(2), ребенок(2), бульдога с носорогом(2), веществ(2), вещества(2), взрывчатка(2), масса(2), чаша(2), бетон, вакцина, газов, горючего газа, готовить кушать, гремучая, дети, детское питание, еда, жидкостей, жидкость, коктейль, компоненты, концентратов, кормовая, краска, крем, лекарств, мешанина, миксер, молока с ягодой, мороженое, перемешка, питание, приготовление, разное, смешивание, сгусток, состав, суп, тесто, химическая реакция, химические элементы, химия, флакон, ядов; отказ: 2

смешать

коктейль(11), смесь(5), ингредиенты(4), вместе(3), краски(3), напитки(3), раствор(3), салат(3), соединить(3), тесто(3), компоненты(2), пиво с водкой(2), продукты(2), алкоголь, альтернатива, вещества, вещество, делать, ерш, жидкость, конфеты «ассорти», конвергенция, краска, миксер, много, молоко с ..., мороженое с шоколадом, овощи, перемешать, пища, растворы, реактивы, рецепт, с грязью, сметану, смешение, слить, спиртное, сок, состав, торт, чай, шейкер, яйцо+сахар, отказ: 6

смешение

коктейль(5), смесь(5), кровь(4), тесто(3), химия(3), чувств(3), винегрет(2), каша(2), краски(2), миксер(2), раствор(2), соединение(2), бурда, вкусов, все вместе, всего понемногу, грязь, крем, кровей, кухонный комбайн, метис, мешанина, ненужное, непорядок, неразобранные чувства, полов, продукты, раса, ремонт, салат, скрещивание, сливание, соков, сортов, сплав металлов, стиль, хаотичность, химикатов; отказ: 4

сшивать

одежда(9), ткань(7), игла(6), нитки(6), соединять(5), иголка(4), платье(4), бумаги(2), швея(2), шить(2), бумага, вещь, две ткани, делать, детали, дырки, железо, зашить, нет

дырки, клочки, кроить, лоскут, лоскутки, нить, нитка, носки, одежду, присоединять, распарывать, рвать, ремонт, скрепление, союз, строчить, сшить две вещи, творить, тетрадь, ткани, швейная машина, швы, шрам, штаны;

отказ: 3

сшивание

нитки(9), шов(5), дырка(4), игла(4), иголка(4), соединение(4), ткань(3), шить(3), шитьё(3), машинка(2), одежда(2), платье(2), тканей(2), ткани(2), вещь, изделие, книга, материал, материала, меняние, нитка, оверлог, одежды, порвалось, присоединение, сближение, склеивание, соединение тканей, труды, тряпка, швейная машинка, юбка,

отказ: 6

сшив

шов(19), соединение(7), платье(6), нитки(6), ткань(5), одежда(3), бумаги(2), вещь(2), игла(2), материал(2), нитка(2), швейная машинка(2), шить(2), архив, белья, близость, блоки, деталей, дыра, иголка, книга, кройка, металл, металлоконструкции, одежды, полотно, провод, ткани, юбка,

отказ: 2

татуировать

наколка(11), рисунок(10), татуировка(10), тату(8), тело(7), плечо(4), рисовать(4), изображать(2), искусство(2), армия, выкалывать, зона, зэк, клеймо, кожа, лицо, на коже, наколку, обозначить, переводить, пора, разрисовывать, рука, руку, татуировку, человек, человека, чернила, что-нибудь,

отказ: 5

татуирование

наколка(12), тату(11), рисунок(7), татуировка(6), кожа(3), круто(2)!, тело(2), безделье, боль, графика, зек, кошмар, красота, крест, метка, модно, на руке, орнамент, пирсинг, рисовать, рисунок на руке, рисунок на теле, рокер, рокеры, свастика, символ, знак, синий, тела, ту-ту, черный, черный цвет, 12 негрятят,

отказ: 4

татуировка

рисунок(14), наколка(7), кожа(4), рисунок на теле(4), тело(4), зек(3), роза(3), цветок(3), дракон(2), на плече(2), пирсинг(2), плечо(2), рука(2), тату(2), Алла, аура, бабочка, бандит, боди-арт, боль, вена, зеленая, знак, изображение, краска, круто, лето, мода, на груди, на заключенном, наколка цветная, на руке, некрасиво, ночь любви, сделать, символ, тигр, черный, шрам,

отказ: 2

тренировать

спорт(9), тренер(7), мышцы(5), тело(5), память(4), волю(3), заниматься(2), команду(2), собаку(2), спортсмен(2), спортсменов(2), ум(2), учить(2), баскетбол, бегать, бокс, вознаграждение, воля, выносливость, гимнастика, группу, детей, дрессировать, животного, занятия, мозг, молодежь, мысль, натаскивать, ноги, отношения, организм, пальцы, поднимать, постепенно, пот, пресс, развиваться, разум, себя, сердце, сила, спортсмены, тренинг, человек, фигуру, физическую форму, штанга,

отказ: 1

тренаж

тренировка(6), тренажер(5), спорт(4), зал(3), тренажерный зал(2), дренаж, заниматься, каркас, мастерство, мебель, много, мозга, мяч, нагрузка, обезвоживание, Паша, работа, растение, сила, спортсмен, тело, трель, трение, тренирование, три, три – наш! физкультура, форма, чего, шкаф;

отказ: 26

тренировка

спорт(12), по баскетболу(5), спортзал(8), спортсмен(8), гири(2), секция(2), гантели(2), баскетбол(2), гимнастический зал, волейбол, воля, для соревнования, закалка, занятие спортом, зарядка(2), здоровье, игра, интенсивная, каратэ-до, мячи, накаченные парни, напряжение, натаскивание, машина, мышцы, навык, повтор, полезно, польза, пот, соревнование, спортивная(2), спортсменов, спортсмены-футболисты, стройность, тренер, упражнения, усталость, физкультура, шейпинг(2), штанга;

храпеть

спать(22), сон(20), болезнь(4), громко спать(4), ночь(4), ночью(3), во сне(2), храп(2), громко, крепкий сон, кровать, мешать, мешать спать, мужчина, насморк, на спине, отдых, папа, паровоз, сердце больное, слабость мягкого неба, сновидение, сопеть, тетя, толстая баба, ужасно, шум, шуметь,

отказ: 1

храпение

сон(31), спать(4), болезнь(3), звук(3), бабушка(2), во сне(2), мучение(2), нос(2), ночь(2), больное сердце, больной, волосатая грудь, гром, громкое, бабушка, звук ночью, крепкий сон, курение, лекарство, мужик, нарушение, недосып, беспорядок со здоровьем, отец, папа, повелитель власти, сон хороший, сопение, стыд!, ужасно, храп, шум;

шелестеть

листья(21), листва(7), листьями(7), шуршать(7), лист(6), бумагой(5), бумага(3), шум(2), шуметь(2), бумажка, ветер, ветерок, золотинка, книга, книгой, лепетать, лес, лето, листва под ногами, листвой, листопад, мешать, пакет, пакетом, платьем, разговаривать, раздражать, сандаликами, фантиком, шелест шептать, шоколадом, шулер, шуршание;

шелестение

листья(22), листьев(12), звук(5), лист(5), листва(5), шум(4), бумага(2), ветер(2), деньги(2), шорох(2), враги в засаде, деревья, конфеты, листва желтая, ночь, осень, пакет, приятное, страниц, трепет, шелест листьев;

шелест

листья(34), листьев(12), листва(5), дерево(3), листвы(3), шорох(2), ветер, ветер и листья, вор, денег, деревья, засада, змея, камыш, книга, лес ночью, лист, лиственный лес, листопад, приятно, сад, стук, ткань, шуршание;

отказ: 1

щебетать

птица(16), говорить(10), птичка(7), разговаривать(6), птицы(5), петь(4), весна(3), разговор(3), сплетни(2), шептать(2), болтать, волнистые попугайчики, воробей, говорить тихо и быстро, громко, издавать звук, имитация, канарейка, как птичка, легкость, перед кем-то, попугай, разговаривать с другом, свиристель, Скворцова, соловей, соловьи, сюсюкаться, чирикать, щебет, язык чесать;

отказ: 3

щебет

птицы(20), пение, птиц(7), птица(7), птичка(7), разговор(3), весна(2), камень(2), соловей(2), вода, воробей, воробышек, говор, гомон, гравий, животное, звук, крик, крик птиц, Матвеевко, разговор птиц, соловья, тихий, трель, чириканье, шепот, шорох, отказ: 4

щебетание

птицы(20), птица(15), птиц(9), птички(5), воробей(3), пение(3), весна(2), воркование(2), пение птиц(2), весенний лес, лепет, народ, нежность, птаха, птенец, птица-соловей, птичек, птичка, разговор по душам, робкое, свист, синица, соловей, соловьи, трели птиц, утро, чириканье.